

Лариса Бортникова

ОХОТНИКИ²

Книга вторая
АВАНТЮРИСТЫ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2012

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2012

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
БЗ1

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Бортникова, Л.

БЗ1 Охотники 2. Книга вторая: Авантюристы / Лариса Бортникова — М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012. — 256 с.

Приключения майора Артура Уинсли и Красавчика Баркера продолжаются. Артур в большевистской Москве. Он все еще следует приказу своего командования вывезти из России собранные контрреволюционным кружком Предметы. Красавчик же намерен устремиться на поиски Гусеницы, чтобы спасти брата. Однако планы друзей рушатся и благодаря случайности (случайности ли) они снова встречаются. Рядом с ними опять оказывается небезызвестная Мата Хари. Хитрая пронырливая шпионка, как обычно, ведёт двойную игру. Вот только Бабочка, которой она пользуется, путает ей все карты... Исправить ситуацию может или майор, или гангстер... а лучше оба.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
БЗ1

ISBN 978-5-904454-63-0

© Рыков К., 2012
© Бортникова Л., 2012
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О временах и нравах

*Ханслоу. Предместье Лондона. 25 августа 1919 года.
(За полгода до начала событий)*

Двадцать пятого августа тысяча девятьсот девятнадцатого года Лондон отмечал событие, которое, вне всякого сомнения, имело огромное историческое значение, но среди лондонцев ажиотажа отчего-то не вызвало. Может, виной тому была пасмурная погода — всю неделю шли дожди, а может быть, оркестр «Ориджинал диксиленд», что этим утром прибыл из Нового Орлеана и готовился в полночь дать грандиозное представление, отвлек внимание публики на себя. Но как бы там ни было, вылет первого регулярного авиарейса из Лондона в Париж прошел не так шумно, как ожидалось. Толстощекий господин в макинтоше на клетчатой подкладке произнес речь, долго тряс руку первому и единственному пассажиру, а затем лично помог ему подняться по приставной лесенке на крыло. Пилот лихо запрыгнул в кокпит, позируя камерам. Прочихавшись, взревел двигатель. И современнейший четырехместный биплан De Havilland стартовал из Ханслоу, чтобы через два с половиной часа приземлиться в Ле Бурже.

Так, потратив всего лишь сорок две гинеи, пассажир по фамилии Стивенсон-Рис открыл новую эпоху в пассажирских перевозках, но почти никто этого не заметил. Шел девятнадцатый год. Год, когда почти ежедневно случались вещи, куда более достойные параграфа в учебнике истории.

С десятков репортеров, с дюжину фотографов, хроникер и небольшая толпа зевак потихоньку начали расходиться. Откуда-то появился открытый ролльс, которым управляла стриженная молодая леди, и по выражению ее лица было очевидно: корсета не носит, юбкам предпочитает брюки, а чаю со сливками — выдержанный бренди. Девушка остановила авто у трибуны, помахала рукой щекастому, приподняв на лоб защитные очки. Тень от очков не позволяла разобрать оттенок ее глаз, но если бы кто-нибудь, да хоть тот же щекастый, набрался смелости и, подойдя к девушке вплотную, посмотрел ей в лицо, он увидел бы, что глаза у нее разного цвета. Ролльс постоял четверть часа, потом медленно объехал летное поле по периметру, едва не сбив флажки, отделяющие взлетную полосу от лужайки, подготовленной для зрителей, и умчался прочь.

Трое джентльменов, сидящих в зрительских раскладных креслицах, повернули головы на звук мотора, но, заметив за рулем стриженую водительницу, с равнодушием отвели взгляды в сторону. Несмотря на разницу во внешности, эти джентльмены обладали необъяснимой схожестью. Все они уже давно перешагнули порог зрелости, но не было в них ни умиротворяющей стариковской медлительности, ни ласкового добродушия отцов семейств, ни беспечности молодящихся ловеласов. Все трое казались сосредоточенными,

а в их взглядах сквозила взаимная неприязнь, хотя со стороны беседа казалась вполне светской и даже дружелюбной.

Самый немолодой из присутствующих, лет восьмидесяти пяти или больше господин, похожий на обтянутый пергаментом скелет, зевнул, прикрывая рукой рот. Щеки и подбородок старика были изрыты мелкими оспинами. Седые обвисшие усы выглядели не слишком ухоженными, а из кармана его мятого френча торчал сложенный пополам корешок билета на трансатлантический рейс. Билет был согнут точно посередине, но приглядевшись, можно было разобрать название. «Что-то-там ...ания». Может быть, «Мавритания» или «Аквитания», «Британия», «Андания», «Тоскания»... Впрочем, какая разница, как называется судно, когда и так уже ясно — владелец согнутого пополам билета на днях приплыл из Нового Света. Владелец билета — американец, и американец довольно состоятельный — ведь не каждый может позволить себе пересечь Атлантику на борту, принадлежащем владычице морей и океанов — корпорации «Кунард Лайн».

— Итак, что скажете, господа? — голос «скелета» звучал бесстрастно, словно он уже заранее знал ответ.

— Скажу, что воздухоплавание требует субсидий! Между тем из-за военных расходов бюджет трещит по швам, каждый грош на счету, а нашим лейбористам, как видите, плевать, — высокий моложавый старик с благородной сединой и безупречным «королевским» английским неодобрительно окинул летное поле взглядом. — Дирижаблестроение еще куда ни шло, но эти аэропланы... Утопия! Не верю!

— Чушь Уинсли! Да! Чушь! — пролаял третий мужчина, на вид лет пятидесяти — не больше. Был он одет в бриджи, короткую спортивную куртку, на его крупной голове

красовалось кепи с пимпочкой. — Я летал из Берлина в Варнемюнде! В прошлом месяце! Да! За аэропланами будущее. Если бы не Версальский балаган, через пять лет небо над Европой принадлежало бы Германии. Но какой смысл развивать авиастроение, когда о военной авиации нам господа победители даже думать запретили? Ни танков, ни подводных лодок, ни-че-го... одни долги! В Европе только ленивый не оттяпал от Германии ломоть. Как будто Германия — штрудель. Даже, вон, янки поживились нашими обедками...

Немец махнул рукой и замолчал. «Скелет» же притворился, что все это время рассматривал корешок билета, поэтому не слышал обиженной тирады немца. Он откашлялся и зашелестел по-змеиному тихо, но отчетливо. Каждое сказанное им слово казалось упакованным в вату:

— Америка — богатая страна, господа! Американская ложа процветает. В средствах мы не нуждаемся. В преданных людях тоже. У нас солидная агентурная сеть, а наши архивы в порядке и регулярно обновляются. До нас дошли слухи, что в Старом Свете не все благополучно. Говорят, из-за войны сместились орденские ландмарки, и солидные территории лишились своих Хранителей. Говорят, многие из Хранителей мертвы, а живые давно позабыли о Кодексе в угоду политическим дрязгам, — быстрый взгляд в сторону немца, и «скелет» зашелестел дальше. — К примеру, говорят, что русская Хранительница так напугана красными, что готова всучить свои архивы чуть ли не первому встречному. Говорят, что из тайника румынских Хранителей в Бухаресте украден Медведь. Что греки собрали, вывели из обращения и спрятали свои артефакты, лишь бы те не достались туркам, и что турецкие Хранители передушили друг друга, так и не решив, кому же присягнуть — продажному султану

или этому их мятежнику... Ататюрку. Говорят, что баланс распределения нарушен, и что в Москве и Константинополе концентрация предметов недопустимо высока. Говорят, что в Европе предметы кочуют с рук на руки, как булавки для галстуков, достаются черт-те знает кому, а некоторые и вовсе утеряны безвозвратно... Разве не самое время сейчас нам — Хранителям — вмешаться и навести порядок?

— Бла-бла-бла-бла... Сколько пафоса! — джентльмен в кепи с пимпочкой, похожий на купца, на деле же Хранитель от Германских и Австрийских территорий, полковник Карл Мария Вилигут, расхохотался. — Вмешаться! Навести порядок! Ха! Говорите прямо, что мечтаете урвать куш, пока тут у нас кавардак.

— Не скрою. Мы хотели бы изъять некоторые предметы с бесконтрольных территорий. Мы готовы направить в Турцию или Россию своих охотников хоть завтра. И те трофеи, что они сумеют достать — по праву наши. Разве не так заявлено в Кодексе? Разве мы, Хранители, не должны следовать каждой его букве?

Седовласый денди, в котором читатель уже наверняка узнал Артура Уинсли-старшего нахмурился. Ему не нравился американец, в его бескорыстие и честность он не верил, сам был тоже далеко не безупречен, и давно не сомневался в том, что пресловутый Кодекс заплесневел, прокис, прогорк и превратился в банальность, годную разве что для анекдота. Да и являлся ли Кодекс когда-нибудь чем-то иным? Разве что во времена короля Артура, и то вряд ли...

«Кодекс. Единые цели единой ложи. Хранители вне политики». Бред! Каждый из присутствующих здесь преследовал свои цели, каждый хитрил и изворачивался, каждый ставил под сомнение всякое произнесенное другими

собеседниками слово. Очевидным было лишь одно — у американской логи есть все, чтобы начать охоту на европейские предметы. Но по каким-то причинам американцы нуждаются в благословении европейских Хранителей. Артур Уинсли-старший — магистр ордена Рубиновой Розы и Золотого Креста, Хранитель, сорвал травинку, смял ее пальцами и поднес к носу. Он тянул время, тщательно изучая американца.

Вилигут опасности не представлял. Из-за поражения в войне Берлинская ложа ослабла и почти развалилась. Сколько там сейчас человек — трое, четверо? Вряд ли больше, и те — безумцы с аппетитами алчными, но, увы, несбыточными. К тому же, об этом сэр Уинсли знал из проверенных источников, Германия делала ставку не на «беззубых» Хранителей, а совсем на другие силы — силы опасные, непредсказуемые и коварные. Еще в семнадцатом, в обход немецких Хранителей, кайзеровский Генштаб по-своему распорядился фигуркой Орла, передав того в Россию, большевистскому лидеру Ульянову. Полковника Вилигута Генштаб уведомил о проведенной операции уже по факту, и Хранителю оставалось лишь согласиться с этим во всех отношениях странным шагом.

В общем, полковника можно было спокойно списывать со счетов. Артур Уинсли не без сочувствия посмотрел в сторону «старого приятеля». Он сам был в положении немногим лучше вилигутовского — позиции британских Хранителей настолько ослабли, что впору было распускать ложу. На Уинсли давили со всех сторон — разведка, парламент, двор... Даунинг-стрит, Вестминстер и даже Скотланд Ярд — все они диктовали свои условия и требовали лояльности, а главное, подробных сведений о предметах. Еще лет пятьдесят назад такое было бы невозможным. Тогда даже суверен мог лишь

просить Хранителей о помощи — просить робко, униженно. Теперь же каждый прыщ из внешней разведки позволяет себе бесцеремонные, глупые вопросы, на которые приходится отвечать. Увы, британская ложа давно уже утратила свое влияние, а ее магистры состарились и потеряли прежнюю хватку... Увы...

Сэр Уинсли с трудом удержался от вздоха. Зря он сделал в свое время ставку на Артура, зря... Но кто мог подумать, что мальчик окажется так слаб, труслив и не амбициозен.

— И что вам нужно от нас? — сэр Уинсли в который раз запретил себе сожалеть о непоправимом и задал вопрос, которого американец давно уже ждал. — Вы же сами сказали, вы — сильны, у вас есть средства... и ваши агенты, наверняка, отлично работают не только в Новом Свете, но и здесь. Что вам нужно от меня и Карла? Наше согласие? Благословение? Вряд ли это что-то изменит в вашей стратегии. Тогда что?

— Только то, что полагается нам по Кодексу, господа. А именно информацию об артефактах, находящихся на бесконтрольных территориях, — прошелестел американец. — Мы слишком мало знаем о европейских предметах, поэтому будем рады любым вашим записям и изображениям. Всему, чем вы готовы с нами поделиться.

— Аххххххааа, — загоготал Вилигут. Хотя, кажется, ему было вовсе не до смеха — просто хотелось досадить наглому американцу. — Вы сейчас всерьез? Вы всерьез о Кодексе? Вы, простите, откуда к нам приплыли? Из Антарктиды? Или, может, прямоком из джунглей? Вы, может, монах или юридивый? Что вы тут головы нам морочите, янки? Да кто вам даст рабочую информацию? Где вы найдете таких дураков? Вот вы, Артур, дадите?

— Нет. Не дам... — улыбнувшись, отрицательно покачал головой Уинсли. Иногда грубая откровенность полковника была довольно уместной.

— Ну и я не дам! В общем, у меня и не осталось ничего свежего, но и было бы — ни за что бы с вами не поделился. Кодекс Кодексом, охота — охотой, однако пока наши предметы остаются здесь, на континенте, у Европы есть надежда на то, что все еще поправится. А иначе вы сейчас умыкнете вещи в Новый Свет и ауфвидерзеен! Vale! — Пимпочка на вилигутовском кепи яростно запрыгала. — Так что не дури-те. Думаете засылать ваших охотников на Балканы и в Россию — засылайте. Наше какое дело? Вы так и так возьмете то, что сумеете найти. Хотите играть в честных Хранителей и честную охоту? Тоже ваше право. С удовольствием подыграю. Вон... Желаете, к примеру, Орла? Щедро поделюсь с братьями по ордену «тайной» информацией про него. Что? Не интересуетесь? Ну, конечно... Ведь вам и без меня прекрасно известно, где сейчас птичка, да только отобрать ее у большевиков — кишка тонка. О! Кажется, у меня в сейфе завалялись записочки двухсотлетней давности... Кровью на шелке, клянусь! Не помню точно, что там за предмет, какой-то жучок, но знаю, что уже двести лет его никто нигде не видел. Хотите такое? Устроит?

— Америка за честную охоту! — повторил «скелет», тщательно проговаривая каждое слово так, чтобы собеседники поняли — он абсолютно серьезен. — Мы с благодарностью примем все, что вы сочтете возможным нам передать.

Артур Уинсли-старший внимательно следил за мимикой американского гостя, пытаясь обнаружить хотя бы оттенок эмоции. Хотя бы намек на раздражение, злость, ликование... Однако лицо его оставалось бесстрастным — американец

наверняка был отличным игроком в покер. То, что он никак не отреагировал на откровенную издевку Вилигута и продолжал настаивать на своем, могло значить либо то, что американец действительно всерьез придерживается Кодекса и тогда он фанатичный безумец, от которого стоит держаться подальше... либо все гораздо интереснее. Зачем американской ложе сведения, за которые даже Скотланд Ярд гроша ломаного не даст — а уж бобби известны своей тупоголовостью и жадностью, и готовы прибрать к рукам все, если оно хоть как-то имеет отношение к предметам. Зачем?

— Значит, вы за честную охоту? — голос сэра Уинсли звучал медленно и даже ласково, но почему-то именно в этот момент полковник Карл Мария Вилигут, знакомый с Артуром Уинсли-старшим уже не первый год, вдруг подумал, что англичанин не тот человек, которого он хотел иметь бы в недругах. Меж тем, Уинсли продолжал, и чем дольше он говорил, тем теплее становились его интонации, тем холоднее — взгляд. — Ну что ж... Я с радостью передам вам кое-какие архивные записи. Не обессудьте, сэр, но некоторым из них больше тринадцати веков. У британской ложи длинная история. Ведь вас это не смущает?

— Ничуть, — американец, как ни странно, выглядел довольным. — Могу я уже сегодня забрать бумаги? Куда подъехать?

— Хорошая английская поговорка советует не торопиться... Помните? «Один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти». Впрочем... будьте в пять тридцать в Клубе Бифштексов на Лестер-Сквер. У меня там бридж. А теперь, господа, позвольте откланяться. И да! Я категорически против бюджетных вложений в воздухоплавание, Карл...

Артур Уинсли-старший выкинул раздавленную травинку и направился к изящному (сейчас уж в таких не ездят) ландо, ждущему на краю летного поля. Карл Мария Вилигут с изумлением уставился на протянутую заокеанским Хранителем ладонь, как будто ему предлагали потискать сосиску в булке. Однако надо отдать полковнику должное, быстро опомнился, пожал американцу на прощание руку и пошел прочь разлапистой походкой — точь в точь бургер-добряк, каких любят рисовать на глиняных кружках для пива. Через минуту из-за стола поднялся и американец.

Поздним вечером того же двадцать пятого августа в уютном фойе лондонского отеля «Бертрам» Артур Уинсли-старший встретился с дамой, в которой легко можно было узнать утреннюю водительницу ролльса. Встреча их была короткой и ничуть не походила на любовное свидание.

— Запомнили его лицо? Проследите за американцем и любим, повторяю, мисс, любим способом выясните все подробности. Выясните, кто их охотник и что точно они ищут! А главное, попробуйте понять, зачем им понадобились сведения о давно потерянных предметах. Прошу вас, мисс, помнить, что мы в Британии не так беспечны, как ваши прежние французские друзья. Если снова приметесь за ваши двойные сальто, мисс Хари, то они могут стать для вас сальто-мортале! И не злоупотребляйте Бабочкой, вы выглядите не лучшим образом, — сэр Уинсли не скрывал раздражения и, кажется, был чем-то сильно встревожен. — Когда вы плывете в Нью-Йорк?

— Послезавтра... — дама помахала перед носом пожилого джентльмена картонкой, на которой крупным шрифтом

было напечатано название трансатлантического лайнера — «Что-то-там-ания». — Так мы договорились насчет премии?

— Да. Если я буду удовлетворен вашей работой, скажу вам, где искать Гусеницу. На большее не рассчитывайте!

Дама кисло улыбнулась. Так улыбаются очень уставшие или очень больные люди — отчаянно, через силу. Странно было видеть такую улыбку у довольно-таки юной девушки, но сэр Уинсли ни капли не удивился. Он знал, что сидящая перед ним особа на самом деле гораздо старше выбранного ею на сегодня тела. Кроме того, уже около десяти лет она буквально живет «под предметом», а значит, осталось ей не так много.

Девушка ушла, не попрощавшись, а сэр Уинсли попросил себе чаю со сливками и присел у окна. Не без удовольствия он любовался пожилой красивой леди, склонившейся над своим вязанием за соседним столиком. А ведь он тоже бы мог... Мог бы второй раз жениться, завести детей, дом в Шотландии, конюшню, псарню... На неделе играть в крокет, охотиться. По воскресеньям ходить с супругой в церковь. Но только жизнь его принадлежала совсем другим богам.

Леди, поймав взгляд Уинсли-старшего, мило улыбнулась и порозовела. Старик приподнял чашечку над блюдцем в вежливом приветствии. Две секунды... ровно две секунды позволил он себе подумать о внуке. А ведь не окажись мальчик такой тряпкой, все бы сейчас было иначе. Такой дар... и ни капли азарта! А без азарта, без любви, без страсти нет и Хранителя. Зря он мечтал вырастить из маленького Артура не просто ищейку, но...

О, господи! Артур Уинсли-старший вскочил, едва не опрокинув на себя молочник! Ищейка! Ищейка!!! Вот оно что! Вот почему американец так настаивал на любых, даже самых

бесполезных данных... В Новом Свете наверняка объявилась ищейка с даром! Нет! Быть не может! Ведь ищейку готовят с самого детства, учат, натаскивают... Имейся у американцев такой человек, сведения об этом так или иначе просочились бы наружу. Нет! Но если все же это так, если он не ошибся в своих предположениях, то тогда охота приобретает совсем иное качество... Тогда за океан легко может «уплыть» не пять-шесть предметов, а много... много больше. И среди них будут предметы, информацию о которых час назад он сам, своими руками передал американцу! Да еще и сопроводив передачу ироничной усмешкой и пожеланиями удачной охоты! Такого поражения Артур Уинсли-старший — британец до мозга костей, истинный джентльмен, человек гордый и честолубивый — пережить никак не мог!

Схватив котелок, он вылетел на улицу с поспешностью, совсем не подходящей ни для его возраста, ни для благородной внешности.

— На Даунинг-стрит! К Ллойд! — приказал он верному дворецкому, которого взял сегодня вместо кучера. — Необходимо сей же час переговорить с премьер-министром, а потом и с лордом Керзоном!

Шел девятнадцатый год двадцатого века. Честная охота по честным правилам? Долг? Благородство? Честь? Кодекс? Вы серьезно? Мы ведь с вами говорим не о рыцарской эпохе! Не о временах круглого стола. Не о рыцарях, принцессах и драконах! Мы говорим о двадцатых годах двадцатого века! Какая уж тут честь? Не будьте наивными, господа!

ГЛАВА ВТОРАЯ

О теориях мсье Жане, господина Фрейда и мистера Дарвина

Москва. 2 января 1920 года по новому стилю

Медведь выглядел прехорошенькой безделушкой, и когда майор извлек топтыжку из кармана надетого на девушку тулупа, Даша ойкнула от умиления. Майор огляделся в поисках подходящего животного, но вокруг не было никого... Если не считать рыжую с белым кошку, сидящую на лавочке у подъезда.

А ведь еще два месяца назад, в Крыму, Леопарди предупредил майора — никаких кошек! No cats! Pas de chats! Non i gatti! Тогда он все же догнал Артура. Подскочил к нему сбоку, похожий на ощипанного злого петуха, засеменял рядом, заквахтал, путаясь в английских и французских словах.

— Бери себе Мишку, сеньор майор! Леопарди не хочет Мишка! Леопарди хочет домой! Нет, не Италия... Зачем Италия? Я ведь не итальянец! Сам думай, каковый из меня итальянец! Ром я. Звать меня Лошало, родом я из Бессарабии, из Бендер. Так-то. Бери Мишку, сеньор майор! Вдруг будешь в Москве, так там, на Божедомка большой дрессировщик

Дуров живет — отдай Мишку! Ему Мишка нужный. Да и тебе по пути нужный может стать. Бери! Цыганский дар — не простой, удачный! Фортунато! Си!

Артур молча протянул ладонь и так же молча уронил фигурку в карман. Пошел дальше, не оглядываясь на «итальянца». Тот волочился следом, трещал уже на русском, никак не желая ни умолкать, ни выпускать из пальцев заскорузлый рукав полушубка.

— Я что мечтал? Мечтал, сделаю номер. Мы с Джульеттой плясали польку-бабочку, детишки смеются, ладошками хлопотают. Кричат «бис»! Но кругом такое глупое, плохое время! Кому нынче нужна полька-бабочка? А ты, сеньор майор, береги Мишку. Только запомни хорошенько, сеньор майор... С кошками надо осторожнее! С кошками никогда не знаешь, как получится. Эй! Слышишь? No cats! Pas de chats! Никаких кошек!

Артур стряхнул «итальянца» с рукава и ускорил шаг. Бессарабский цыган Лошало еще долго глядел, как долговязый силуэт англичанина становится все меньше и меньше, потом повернулся и побрел в село.

Майор Артур Уинсли шагал вперед с солдатским безразличным упорством. Ать-два, ать-два. Стылая чужая земля, земля незнакомая, недружелюбная, припорошенная утренним хрустким инеем, поскрипывала под подошвами сапог. Ать-два, ать-два. Предрассветные сумерки скрадывали контуры и цвета. И дорога, и вымерзшие виноградники, и жалкая рощица неподалеку казались запеленатыми в серую ветошь. Метнулась вдоль опушки тень. Лисица, шакал... или плешивый деревенский барбос. Артур остановился. Достал из кармана Медведя, задержал дыхание. Коснулся указательным пальцем медвежьего покато́го лба, и в этот

момент вдали раздался гулкий звон церковного колокола: боммммм, боммммм, боммм. Звонили к заутрене. Артур, словно очнувшись, мотнул головой и рванулся к небольшой, подернутой тонким ледком лужице. Черпнув горсть ледяной кашицы, швырнул ее в лицо, тщательно растер щеки. Боммм-боммм-бом! Далекий колокол бухнул последний раз, захлебнулся сумерками и умолк.

Артур шагал вперед с солдатским безразличным упорством. Пружинила под подошвами чужая земля. Левой, правой, левой, правой. Ать-два...

— Куда идешь, солдат?

— Куда иду? Не знаю. Дорога сама меня приведет... куда-нибудь.

Еще в отрочестве Артур Уинсли признался себе в том, что ненавидит три вещи — охоту, путешествия и все, что связано с предметами.

Однако человеку зрелому и уж тем более джентльмену следует свои чувства по возможности скрывать. Приличиями допускается ненавидеть вслух шпинат и оладьи, также можно с неприязнью отозваться о последнем Аскотте, «унылой шляпке» мисс Эгертон и некоторых произведениях сэра Уайльда. И только, господа! И только! Спорт, охота, путешествия, политика, членство в тайных ложах — вот хобби, что делают джентльмена еще большим джентльменом, нравится это самому джентльмену или нет. Поэтому Артур Уинсли-младший продолжал стрелять лисиц и бекасов и перемещаться из одной точки мира в другую. Однако до недавнего времени майору удавалось избегать последнего пункта в перечне ненавидимых занятий. Дожив до двадцати восьми лет,

имея врожденный «нюх» на предметы, будучи «избранным хозяином» Султанской пары, Артур сам ни разу не пользовался вещью.

Ни разу! Ни единожды!

Пожалуй, сначала дело было в прямом запрете. «Береги свой дар, Артур! Регулярное использование предметов вредит здоровью. Но главное, со временем уничтожит твои способности следопыта...» Артур подозревал, что дед нарочно его пугает. Ну как крошечные Морж или Чайка, или даже Гусеница, которая целых три недели болталась в библиотечном сейфе лондонского дома Уинсли, сумеют за полминуты убить его врожденный нюх? Однако перечить деду Артур не смел — розгами старик пользовался, как и оскорблениями, мастерски и хладнокровно.

Итак, сначала был запрет, затем страх непредсказуемых последствий. Или же просто отсутствие тщеславия и любопытства? Артур об этом не задумывался. Но факт остается фактом. Впервые он решился использовать предмет, лишь очутившись в ситуации абсолютно безвыходной, где альтернативой была смерть. Артур заранее знал, что «медвежья» эскапада не пройдет для него бесследно. Что в случае легкого и быстрого восстановления не стоит обольщаться, мол «помедведил и забыл», что даже пять минут «под предметом» навсегда меняют человека, отбирая у него не только силы, но и часть его самого. Все это Артур знал, но реальность, как водится, превзошла ожидания.

Прислушавшись к себе, Артур почувствовал сначала усталость, потом свинцовую зевающую тоску, такую, что бывает по утрам с тяжелого похмелья, а затем странное ощущение несвободы. Артуру казалось, что он — пуля, которую вщелкнули в хорошо смазанную обойму, или бусина, ловко

нанизанная кем-то на «бесконечную нить бытия», если выражаться глупо и витиевато, как Сесилия Эгертон. Почти непреодолимая тяга еще, и еще, и еще раз воспользоваться предметом, почувствовать себя частью чего-то единого и бесконечно сильного, стать неуязвимым — стать больше, чем просто человеком, потрясла Артура. Как же предельно просто — протяни руку... и будь волшебником! Артур тщательно избегал других приходящих на ум сравнений — слишком уж от них пахло ересью. Маг, волшебник, чудотворец — уже этого было больше, чем достаточно.

«Ты смешон, Артур... И глуп, — поморщился бы дед, окажись он рядом. — Но *facta infecta fieri nequent* — сделанного не воротишь», — добавил бы, зевнув. За всеми дедовыми банальностями звучало бы невысказанное, но неумолимое, как гильотина — «случайностей не бывает».

Случайностей не бывает... Порой фатализм деда, да еще и приукрашенный тяжеловесной латынью, заставлял Артура кусать от раздражения губы. Дед считал, что все, так или иначе имеющее отношение к предметам — детали одной гигантской головоломки. Что, единожды попав в пазл, обратно уже не выбраться. Что предопределенность, судьба и предмет — синонимы, а случайность и везение — дурной анекдот. Ни за что старикан не поверил бы в то, что появление цыгана с Медведем — ловкое стечение обстоятельств, зато немедленно бы предположил чью-то тайную игру, заговор или предательство. А, не обнаружив таковых, выдал бы что-нибудь глубокомысленное из Цицерона или Сенеки. Представив выражение лица старого Уинсли, Артур неожиданно для себя засмеялся. Смех его — сухой и совсем не веселый — распался в утренней тишине на отдельные звуки... Так из опрокинувшейся коробки драже выкатываются на

пол цветные горошины. Раз, два, три, пять... Будь их сотня, застучали бы бойко и задиристо по половицам. Но коробка давным-давно опустела, поэтому всего лишь раз, два, три...

Задержав дыхание и прикрыв глаза, Артур pokrutil головой в разные стороны. Вправо... Потом влево... Так же «вслепую» повернулся обратно и уставился (если так можно сказать про человека, который стоит посреди заснеженного тракта зажмурившись) на дорогу, по которой только что сам сюда и пришел. И ничего не обнаружил... Ни-че-го. «Нюх» его пропал подчистую. Свежий Медвежий след, который должен был находиться рядом и сиять обжигающе ярким светом, исчез. Мир вокруг был пуст и скушен, как римские фонтаны в январе. Минута, другая, третья... Артур пробовал еще и еще, но чутье не возвращалось. Лишь через полчаса он наконец-то «разглядел» еле мерцающую над дьяковым подворьем лиловую дымку. Дед, как обычно, оказался прав — либо предмет, либо способность.

По меньшей мере, теперь у Артура Уинсли имелся выбор. А когда от этого выбора зависит жизнь, причем не только твоя, сомневаться не приходится. Главное, помнить о предостережении старины Леопарди — никаких кошек!

Медведь выглядел прехорошенькой безделушкой, и когда майор извлек топтыжку из кармана надетого на девушку тулупа, Даша ойкнула от умиления. Но тут же справилась с собой, приняв безразличный независимый вид. После разговора с майором ей ничего другого не оставалось — разве что держаться безразлично и независимо. Разговор оказался тяжелым для них обоих. Для майора особенно — русские морозы беспощадны к английским джентльменам, особенно

если те пожертвовали свою верхнюю одежду в пользу замерзающих девиц, а сами кутаются в плюшевую гардину, чудом обнаруженную на чердаке.

— Да, Даша! Вы в самом деле хотите замуж! Да — за меня! — не будь майору так смертельно холодно, он вел бы себя сдержаннее и помнил бы, что девичью гордость следует всячески оберегать. Но майор мерз, поэтому был краток и даже груб. — Хватит об этом! Будет лучше, если вы немедленно передадите фигурки мне. Все фигурки, Даша! Включая Жужелицу! Держать предметы при себе человеку несведущему опасно. А вы, к тому же, сильно взволнованы.

— Ничего не получите! Нет! — Даша была растеряна и от этого говорила громко, яростно и напрочь позабыв о том, что стоило бы поостеречься и не шуметь. — Не может этого быть! Ну, что я собираюсь за вас заму... чтобы вы на мне жени... Враки! Пугаете меня, чтобы я вам мамин кулончик и все остальные штуки отдала? Воображаете, что раз вы согласились меня везти в Крым, я вам по гроб обязана? Так вот нате, господин хороший, выкусите!

Даша сложила из застывших пальцев дулю и сунула ее прямо под нос майору. Видела бы ее сейчас Нянюра — подзатыльником Даша не отделалась бы. Майор вздохнул. Стараясь не клацать от холода зубами, увернулся от дули и в третий раз попытался втиснуть многолетний курс «истории предметов и их владельцев» в двухминутную лекцию.

«... чревато потерей сил, болезнью или даже смертью. Предметами не стоит злоупотреблять, но лучше их спрятать подальше, если вам, Даша, так уж претит передать их мне добровольно. А отнимать мне их у вас смысла нет, отобранный силой предмет теряет свойства до следующего владельца, а то и насовсем. Это вам хотя бы ясно?»

Про Султанскую пару и про личную заинтересованность в Жужелице Артур предпочел умолчать, но неловкости или стыда за это не чувствовал. В конце концов, девушка с ним в относительной безопасности, скорее всего, он спас ее от участи весьма незавидной и готов сделать все, чтобы доставить целой и невредимой в Топловское. Не без толики самолюбования Артур представил на своем месте мистера Генри Джи Баркера, который уж точно не ввязался бы в ненужную авантюру, но, не долго думая, изъясился у девчонки и кулон, и мешочек с предметами. Но нет! Артур Уинсли не таков! Разумеется, он выполнит обещание, сдаст девицу на руки Хранительницы Февронии и там уже заберет предметы... Все! Все предметы... Артуру было неловко об этом думать, но он рассчитывал за время путешествия в Крым убедить девушку отказаться и от Жужелицы, а если это не удастся... то что ж? Тогда придется повести себя не по-джентльменски. Каким окажется это неджентльментство, Артур намеревался решить по месту. Все же, если поразмыслить, девчонке Жужелица вряд ли понадобится всерьез. Что она ей? Пусть украшение, пусть даже память о покойной матушке, но все же безделушка. А ребята из Норфолкского и так слишком долго ждут. Но пока что ни три неведомых вещи, ни старшая Султанка были майору ни к чему — пользоваться предметами без особой на то нужды майор не хотел, а выстроившийся в голове «беспредметный» план вполне его устраивал. Жужелица и прочие фигурки, будь даже в мешочке Орел или Саламандра, внесли бы ненужную сумятицу, а единственной преградой к немедленному осуществлению плана была мисс Дарья Чадова, которую следовало уговорить вести себя разумно и не вопить на всю Кудринку, словно мышшь, которую придавило мышеловкой.

— Вы лжете! По-вашему, Жужелица подсказывает хозяину, как ему лучше поступить... Да? То есть она мои мысли читает и выбирает из них самую верную? Так? — девушка нервными пальцами теребила пуговицы, пытаясь нащупать спрятавшийся под кофтой-самовязкой кулон.

— Приблизительно, хотя и очень грубо... — потер переносицу Артур.

— Ладно... Допустим. Но вот я сейчас, в сию секунду... Я спрашиваю: «как мне спасти тетю Лиду, дядю Мишу и Нянюру» — и ничего, слышите вы, ничего не происходит! Жужелица молчит... как рыба.

— Потому что... — Артур умолк, поняв вдруг, что девушка знает ответ, но вряд ли хочет его услышать.

Она поймала его взгляд и побледнела так сильно, что конопушки на ее носу и щеках стали совсем отчетливыми. «Словно кто-то пшено рассыпал в снег. Не удивлюсь, если какой-нибудь оголодавший воробей сейчас сядет ей на нос», — некстати подумал Артур.

— Да нет... Нет! Даша! Не выдумывайте, ради бога, ничего страшного! Скорее всего, у вас всего лишь не достает воображения или возможностей для спасения ваших родных. Жужелица, знаете ли, больше подходит людям старшего возраста. Она ведь не работает сама по себе, но использует опыт и знания владельца. Ребенку или юной барышне Жужелица ни к чему, не пригодится она и дворнику или зеленщику, но вот политик или ученый могли бы извлечь из нее огромную пользу. К примеру, Тесла! Вы слышали про Теслу? Если бы Жужелица попала к нему, то скольких лишних экспериментов он мог бы избежать. А господин Павлов... Подумайте, как далеко зашли бы его исследования, обладай он Жужелицей. Или герр Цепеллин... Мы могли бы

сейчас летать на совершенно безопасных персональных дирижаблях.

Артур нес чушь, понимая, что девушка встревожена и напугана, что ей непонятно происходящее. Что она не верит ни одному его слову, хотя очень... очень хочет поверить. Поэтому Артур нес чушь так увесисто и серьезно, что почти убедил сам себя — с Дашиной семьей все в порядке.

— Не врете? Нет? — глаза ее, серые с черными крапинами, оказались рядом с его лицом. Сколько раз ей еще надо стиснуть в кулачке Жужелицу, чтобы эти удивительные глаза поменяли свой цвет — три, пять, десять? Артур вздрогнул, поймав себя на желании коснуться губами ее ресниц. Вот уж это совсем было ни к чему! Совершенно!

— Правду и ничего, кроме правды, — он отодвинулся на «безопасное» расстояние.

— Тогда снова не понимаю! Откуда же эти бредни про... про брак с вами! — девушка собрала все свое мужество и произнесла слово «брак» отчетливо, но не без омерзения.

— Готов еще раз пояснить, — откашлялся Артур. — Разумеется, я вам безразличен, возможно, противен. Но вы напуганы и инстинктивно... вам известно, кстати, что такое инстинкт? Или до женских учебных заведений теория господина Дарвина так и не добралась? Ладно, ладно. Не кипятитесь! Я ерничаю — пытаюсь вас разозлить и взбодрить. Когда вы сердитесь, то быстрее соображаете. К тому же, я так меньше мерзну. Так вот, милая Даша...

— Не смейте называть меня милой! — Даша зашипела так яростно, что образ незадачливой мышки с расплюснутым мышеловкой хвостом перестал казаться Артуру подходящим. До пумы, пантеры и прочих хищниц, с которыми так любят сравнивать себя в своих дневниках юные барышни,

Даше дотянуть не позволял ни стоящий колом полушубок, ни пуховый побитый молью платок, ни старенькие валенки с заплаткой. «Ослик. Серенький и очень упрямый», — добродушно подумал Артур, но вслух ничего такого не произнес.

— Договорились. Так вот, немилая Даша, про инстинкты. Вы инстинктивно просчитываете варианты вашего хм... спасения. Вариантов у вас немного: бежать, прятаться или, наоборот, атаковать агрессора. И будь вы сереньким осли... То есть будь вы, к примеру, диким грациозным животным, вы бы выбрали один из них. Но вы — не он... Не грациозное дикое животное. Поэтому здесь работают иные механизмы. Вам, как всякой девушке из приличной семьи, наверняка внушали с детства, что удачный брак — залог вашего благополучия? Так? Поэтому, перечисляя в уме пути спасения, вы в первую очередь рассмотрели замужество. Погодите же вращать глазами как ужаленный оводом ишак! Повторяю — это не вы, это ваше подсознание. Хотя вам простительно про это не знать. Теории мсье Жане и господина Фрейда — не для дамского ума. Просто поверьте мне на слово. И поверьте также, что я польщен. То, что Жужелица остановила выбор на мне, означает, что либо я — неплохой человек, либо же прочие, пришедшие вам в голову, альтернативы были совсем уж непристойными... Ну а что? Не так уж я и плох...

— Хватит! Да вы! Вы! — Даша запнулась, подбирая что-нибудь особенно унижительное. — От вас мокрой овцой воняет!

— Даша, это от вас овцой воняет. Потому что я отдал полушубок вам, — Артур осторожно понюхал свое плечо, укутанное в плюш. Поморщился. — А от меня, кажется, воняет нафталином. Еще час-другой и можно ставить меня

в гардеробную. Я буду замечательно распугивать моль. Если, конечно, не замерзну здесь насмерть, оставив вас вдовой.

— Ой! Замерзайте, сколько угодно, пожалуйста! — огрызнулась Даша. Сдернула с шеи Жужелицу, запихнула ее поглубже в валенок. — Ну, куда теперь?

— На ммм... Свивцефф Варьяжек. Там нам помогут выбраться из Москвы. Должны помочь.

— Сив-цев Вражек! Шпион, называется. Да за версту же видно и слышно, что вы не местный! Деньги хоть есть? Тут в дворницкой спекулянт живет, вот бы у него пальто для вас спросить. Зимнее. До Вражека отсюда и по-хорошему час, а теперь все три — три с половиной. Там Кремль совсем близко — то и дело патрули шныряют. И тут вы в таком виде! Вдруг задержат, велят паспорт показать, а паспорта нет. Ой...

Даша прикрыла рот ладошкой, вспомнив вдруг, что у нее при себе тоже нет ни одной бумаги, рядом переминается с ноги на ногу английский шпион в натуральную величину, и вполне возможно, что за ней самой по всей Москве рыщет чрезвычайка.

— Дааа... У вас паспорта нет, а у меня такой, что лучше бы не было... Конюх графини Бутеневой. Позвольте представиться. Контужен падением с лошади, глух, нем и упакован в плюшевую занавеску. Где, говорите, ваш спекулянт? А то, что вы про патрули сообразили — это вы молодчина, Даша. Это мы решим. Вот! Вот кто нам поможет!

Артур сделал шагок, другой... Ему казалось, что он сделан из дешевого стекла и от любого неосторожного движения может треснуть и рассыпаться. Даша недоуменно наблюдала, как «шпион» медленно поднимает руку, как тянет ее вперед, как бесцеремонно лезет в карман ее полушубка.

К счастью, Даша вовремя сообразила, что полушубок не ее, поэтому не вмазала с размаху Артуру по носу, как собиралась.

— Вот... Вот что предоставит нам беспрепятственный проход до Варьяжека, — металлический крошечный топтыжка на ладони Артура выглядел безобидно и настолько трогательно, что Даша ойкнула. Но тут же вспомнила, что нужно вести себя безразлично и независимо.

— До Вра-же-ка!

— Да, да... — воздух вокруг Артура будто расплавился, стал липким и тягучим, как патока — это вступал в свои медвежьи права предмет.

Раз.

Два.

Три.

Раз, два, три... Артур вдруг вспотел так, словно только что выскочил из бани. Но радоваться теплу не спешил — знал, что жара обманчива, ничуть не греет, наоборот, вытягивает все силы до последней капли. Да вот только выбора у него, кажется, опять не было.

— Черт! Простите, Даша... Никого живого не вижу! Жаль немного, что вы — не ослик, можно было бы использовать вас в качестве проводника... А это кто? Таракан что-ли? Или вошь... У вас что, Даша, вши? Простите. Нет. Не у вас. Это, похоже, ваш спекулянт или дворник завшивел.

— Что? Вы что ж такое опять несете?

— Тссс! Срочно нужно найти животное. Любое, что могло бы, не вызывая подозрений, передвигаться по городу. А вокруг только вши, клопы и тараканы. Не годится!

— Манон есть.

— Что за Манон?

— Моя кошка — Манон. Белая в рыжее пятно кошка. Да вон же она! — Даша развернула майора лицом к своему... точнее, уже бывшему своему дому. — Вон! У парадного на лавке жметесь! Кис-кис, Манон. Беги сюда, маленькая.

Рыже-белый меховой шар радостно бросился на зов, подкатился под ноги хозяйки и принялся тереться боками о валенки, тарахтя с усердием и громкостью новенького ундервуда.

— Манооооон... Кис-кис... — Артур странно дернул головой, округлил глаза и с удивлением уставился на Дашу. — Даааша! Какая вы огромнааая! Как отвратительно от вас несет мокрой овцой... А на чулке у вас штопка, прямо под коленкой. Неаккуратная. Ох, простите. К спекулляанту... Живо!

Стукнув три раза в разукрашенное инеем окошко, за которым вздрагивал огонек керосинки, Даша шепнула в открытую дверь: «Пальто бы мужское или шинель, бушлат тоже можно, и шапку, варежки большие... И мне тоже варежки поменьше... Муфточку эту нет — не надо, это ж бывшая моя муфточка, она бестолковая и совсем не греет, хоть красивая». Не оборачиваясь, Даша передала стоящему позади Артуру сперва толстое ватное пальто с отпоротым воротником, потом заячью ушанку, потом большие варежки с вышитой отчего-то желтыми нитками снежинкой... Точно такие же варежки, но поменьше, сунула себе в карман. Все так же, не оглядываясь, взяла у майора пачку купюр, сунула в щель. «Хватит?» — спросила твердо и зло, точь-в-точь Нянюра, торгующаяся со щипковским прижимистым мясником. Из-за двери раздалось бурчание, потом дверь захлопнулась и в дворницкой затихло. «Видимо, хватит», — догадалась Даша. И наконец-то обернулась.

Нелепый, долговязый, немного смешной «этот шпион» сверлил девушку мутным нехорошим взглядом. Сине-зеленым взглядом. Даше вдруг захотелось перекреститься и даже сплунуть три раза через левое плечо, но тогда она бы уподобилась Нянюре, которая при виде патефона гундосила «Отче наш» и «Богородицу». Поэтому Даша просто нахмурилась.

— Идем?

— Да... Да, Даша... Даже бежим, пока впереди чисто, и пока ваша кошка меня хоть как-то слушает. Не отставать!

Даша припустила вслед за майором, стараясь не вспоминать о том, что за вот этого верзилу в поношенном пальтишке, в нелепой шапке, в намотанной на шею вместо шарфа плюшевой гардине ей под-соз-на-тель-но («любопытное словечко, надо бы поискать в словарях») хотелось замуж. «Разговаривать с ним без необходимости я все же не стану», — решила она.

Белая в рыжих пятнах кошка трусила по заснеженному асфальту, оставляя за собой цепочку аккуратных следов. Иногда она останавливалась, оборачивалась, словно поджидая кого-то, идущего следом. Поземка заигрывала с кошкой, наскакивая на нее то спереди, то сзади, то сбоку, перегоняя, бросаясь под ноги, щекоча брюшко и путаясь в густом подшерстке. Кошка целеустремленно двигалась вперед, не обращая внимания ни на поземку, ни на ветер, ни на то, что подушечки на лапах уже онемели.

Артур позволил Манон выгрызть налипший между пальцев снег и заставил ее снова бежать дальше пустынными переулками. «Вести» кошку оказалось делом непростым —

Леопарди сказал правду. Маленький капризный зверек подчинялся неохотно, то и дело пытался вырваться из-под контроля, а когда ему это не удавалось, норовил атаковать самого ведущего. Это было не страшно, но все же неприятно — ощущать, как в твое сознание норовит втиснуться чужеродное и разъяренное нечто. Артур тяжело дышал и изо всех сил удерживал себя в кошке, саму кошку в кошке и собственно кошку на расстоянии двести-триста ярдов впереди. Где-то на Арбате вступал в свои права новый день, громыхали ведра, стучали о мостовую подковы, скрипели полозья саней, гудели чьи-то встревоженные голоса, клацали затворами винтовки... но в переулках было еще тихо, а редких прохожих вряд ли могла насторожить спешащая по своим делам котейка.

— Красиво... Белый ветер, белый снег, белые следы, белая кошка — рыжие ушки... Вот бы это нарисовать или даже вышить, — прошептала Даша сама себе, потому что, во-первых, с майором она не разговаривала. Во-вторых, он все равно бы не услышал, полностью сосредоточившись на Манон, которая только что нехотя взобралась на фонарный столб, обклеенный написанными от руки объявлениями, листовками и плакатами. Скрип-скрип-скрип... запел тихонечко снег под подошвами чьих-то сапог. Кошка прищурилась, устояла в конец улицы пристально и зло.

— Патруль, Даша! Шагает прямо на нас... — прошептал Артур. — Отходим!

— Фюить... Эй, вы! Булзуины! Цекистов запужались? Ховайтесь сюды, в поглеб, — шепеляво залопотало откуда-то снизу.

Даша опустила глаза и никого не увидела.

— Сюды говолую, сюды... Да не туды — сюды! — лист железа, самым надежнейшим образом прилатанный к подвальному

окошку, сдвинулся вдруг влево и перед Дашей с Артуром объявился лихого вида молодой человек. Лет человеку было около шести, лицо у человека было чумазое, востроносое и без трех передних зубов, взгляд озорной, шапка казацкая, заломлена набок. — Посвольте лапку, мамсель. И ты, флаел, заполсай тоже.

Артур не заставил себя упрашивать. Сперва помог спуститься в подвал Даше, затем влез сам, зацепившись полрой новоприобретенного пальто за торчащий из рамы гвоздь. Но задвинуть за собой заслонку Артур не успел — парнишка остановил его руку.

— Олевуал! — в ответ на удивленный взгляд Даши потешно расплылся в беззубой ухмылке. — Пойду в класных постлеляю.

И юркнул в окошко, быстрый и вертлявый, точно песчарик. Даша с Артуром только его и видели.

Хотя, если подумать, то Артур–Манон, прильнувшая к столбу, дрожащая на морозе и наверняка проклинаящая свою тяжкую кошачью долю, отлично видела. Видела она и беспризорника, лезущего через невысокий штакетник, и двух красноармейцев, вывернувших из-за угла, и побирушку с подростком (сыном, а то и внуком), прикорнувших на крыльце особняка, того где прежде была булочная, а теперь квартировались актеры теревсата — театра революционной сатиры, если перевести на человеческий. Нищенка подсунула под зад пачку старых агиток, натянула платок на лоб, нахохлилась и обняла ребенка обеими руками. Сверху, со столба, казалось, что огромная тетерка устроила на крыльце гнездо и вывела в нем птенца. Услыхав шаги патрульных, старуха еще больше скрючилась, спрятала лицо в колени. В этот момент майору почудилось, что бабка ему знакома.

Он присмотрелся, но тут как раз со стороны бывшей булочной резко подуло, и кошка, фыркнув, зажмурилась. Артур великодушно позволил Манон развернуться к колючему ветру спиной. Когда же ветер чуть успокоился, на крыльце никого не оказалось. Только типографские желтые листки носились туда-сюда по тротуару наперегонки с поземкой.

«А Генри Джи бы сразу догадался... Как он тогда ловко узнал рыжую горничную по одним лишь глазам!» — Артур отчего-то затосковал по своему константинопольскому приятелю. Вспомнил ни с того ни с сего, и такая накатила вдруг тоска, что он сам себе удивился. Надо же! Оказывается, он привязался к бесцеремонному янки! Где он? Как? Жив ли? Сильно ли зол на Артура за то, что тот не сдержал слова и не достал Гусеницу? Поднялся ли на ноги, отправился ли в Крым, добрался ли... А неплохо было бы встретить его у Февронии в Топловском. Чикагский грубиян там наверняка всех монашек распугал или того хуже...

— Ну, чему? Чему вы так таинственно улыбаетесь? Что вы там такое видите? — Даша размахивала перед лицом Артура рукой. Снежинка желтого цвета... или как посмотреть... солнышко в форме снежинки ходила вправо-влево, вправо-влево, будто маятник.

— А? Что? Да нет... Ничего такого. Вспомнил тут своего одного... очень хорошего друга.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О трудностях коммуникации

Турция. Константинополь. Январь 1920 года.

Тремя днями раньше

Во-первых, Красавчик был вдоль и поперек шитый-перешитый, что твой матрац. А, во-вторых, на Красавчике все всегда заживало, как на собаке. Даже порез в четверть пуза, которым его лет десять назад украсил Джимми Гуталин, хотя та вертлявая креолочка (как там ее звали) того не стоила. Это они уже потом сообразили, когда Джимми притаранил истекающего кровью дружка на квартиру к Шмуцам и все время, пока Соломон громыхал в судке железяками, трясся и рыдал, как обесчещенная стенографистка.

— Везучий ты поцик, Генри Жи Баркер, — процедил Шмуц сквозь зажатую в зубах нитку, — глубже на четверть дюйма — и все. Мазлтоф!

— Чего, чего? — не понял Гуталин.

— Шутит так... — простонал Генри. — А ты, Джимми, скотина! Вот оклемаюсь и прямиком в клан. Кранты тогда тебе, твоей маме, бабушке и всей твоей чернозадой родне.

— Стыдись, Генри! — игла воткнулась в кожу много сильнее, чем это было нужно. Напоминаний о «белом братстве» старый еврей не терпел.

— Ыыыммааа! Шучу я.

— То-то же! — довольно ухмыльнулся Соломон и продолжил шитье, несмотря на шабат и брюзжащую на кухне жену. Сделал еще пару стежков. Отодвинулся, полюбовался на шов и удовлетворенно нахлобучил на плешь кипу. — Везучий поцик... Другому после такого месяц валяться, а на тебе, как на собаке... Через неделю оправишься... сынок.

— Это... спасибо тебе... — Генри сжевал конец фразы, сделав вид, что его замутило от боли, потому что момент случился уж слишком сентиментальный, а благодарить Красавчик не любил и не умел. К тому же на скамеечке в углу громоздился до слез расстроенный Гуталин, а у цветных язык без костей, и, кто знает, где он может ляпнуть про то, что Красавчик Баркер якшается с пейсатыми.

Что, в общем, соответствовало истине.

Это была необычная и очень странная близость, вдруг возникшая между бездетным евреем из Одессы и чикагским громилой Генри Баркером. И дело было не в том, что парнишка из Пенсильвании, едва умеющий читать, оказался талантливым ювелиром. И не в том, что через Шмуца Генри было удобно сбывать «грязный» товар. Не знавший отца, выросший в семье, которую назвать семьей мог только особенно циничный репортер криминальной хроники, Генри неожиданно для себя привязался к Шмуцам. Ему нравилось вечерами забегать к Соломону и глядеть, как тот суетится у буфета, громяхая бутылками с дешевым кислым вином. Генри нравилось слушать болтовню старика, нравились его едкие подколки, большинства из которых Красавчик не понимал и лишь по хитрому прищурю Соломона догадывался, что тот только что сказал шутку. Красавчику нравилась даже миссис Роза Шмуц — провонявшая скипидаром носатая жердь, при виде Генри с грохотом выставляющая лишнюю тарелку

на стол. «Таки опять нашу рибу кушать приперся... оглоед задрипаный...» — бурчала Роза по-русски, а Генри улыбался, догадываясь о смысле сказанного и понимая, что тетка ни капли не злится — просто вот характер такой. По сравнению с Ма, между прочим, золотой характер!

Но больше всего Красавчика подкупала не фаршированная щука и не лото, в которое Шмуцы любили сыграть после ужина, и где Красавчику приходилось несладко — Соломон просчитывал ходы не хуже, а то и получше его самого. Больше всего Генри нравилась серьезность, с которой Шмуц относился к его художествам. Портретов с пейзажами, правда, малевать не заставлял, зато часто просил набросать по памяти картинку какой-нибудь особенно хитрой цапки из тех, что Красавчик видел на шеях и запястьях чикагских богатеек, или просто из тех, что были выставлены в витринах ювелирного магазинчика «Шмуц и сыновья». «С сыновьями солиднее. Сам подумай, какой приличный человек согласится делать бизнес с бездетным старым жидом? Был жид, нет жида — и взятки гладки. Другое дело, когда у жида есть сыновья... или сын», — пояснил Соломон Красавчику, и голос его как-то по-особому дрогнул.

«Рисуй, рисуй, сынок...» — Шмуц следил за тем, как ловко Генри ведет линию, кладет штрих, растирает пальцем тени. Раздухарившись, Генри обычно фантазировал. Начиная, к примеру, с сережки, потом дорисовывал мочку, потом ухо, абрис лица... «Ну хватит... Дальше не надо. Вот ведь разошелся, художник», — добродушно посмеивался Соломон, и Генри краснел, откладывая карандаш в сторону. Но в душе был старику благодарен за то, что тот видит в нем не только медноголового громилу, способного держать в руках лишь кольт да пачку купюр.

В общем, Соломону Шмуцу Красавчик доверял — не то чтобы сильно (доверие — вещь интимная, вроде кальсон, поэтому выворачивать его наизнанку не следует никогда), но больше, чем прочим. Только Соломон слышал о «тайной норе» Красавчика, только Соломон был в курсе истории с Малышом Стиви и считал, что «снимать» Малыша со стула — дело зряшное и гиблое. Соломон отговаривал от налета на тюрьму, ругался, брызгал слюной и грозился запереть Красавчика в погребе. И вот именно поэтому Красавчик до сих пор не мог понять, что же произошло потом, и почему старик сдал Генри «чертовым масонам».

«Обгадился. Наверняка, обгадился от страха и меня слил... Вот ведь скунс в ермолке», — злился Генри и представлял, как в квартирку Шмуцев завалился Капрал с парой крепких ребят, прижал к буфету тетку Розу и пригрозил перерезать жидовке горло. «А, скорее всего, бабок ему пообещали. За бабки Соломон маму родную продаст! А как ловко придурился! Строил из себя... Сынком называл. Вот теперь, благодаря «папаше» и кукуй тут, в этой богом забытой дыре, с дырой в заднице».

Генри понимал, что злость его — от бессилия, и что винить Шмуца глупо — старикашка ни при чем, что решение взять странный заказ принял он сам, и никто его к этому не принуждал. Что в перестрелку с турками он влез по глупости из-за едва знакомой девчонки, которой след простыл. Все это Генри понимал, но поделаться с собой ничего не мог. Он уже второй месяц прел под пуховыми одеялами, смолил турецкий кислый табак и злился. Злился на мадам Капусту, распекающую за стеной новую горничную — дебелую армянку, ни капли не похожую на рыженькую Эйты. Злился на Ходулю, от которого с полмесяца назад пришла запоздавшая

телеграмма. В телеграмме Ходуля писал, что Гусеницу ему добыть не удалось, а значит, время, отведенное на поиски цацки и спасение Малыша, сократилось до минимума. Генри злился на то, что под бинтами адски свербит, злился на вопящих за окном кошек, на промятую перину, задравшиеся простыни и на доктора. На доктора Потихоньку (так Красавчик окрестил однорукого турецкого хирурга) злился особенно.

— Ну... На тебе, дорогой, все, как на кошке, заживает! Завтра потихоньку попробуй встать.

— На собаке... — отчего-то взвился Красавчик, хотя, казалось бы, мелочь. — Правильно говорить «как на собаке», Альпер... бей.

— Знаю, дорогой, — доктор пожал плечами. — Это из-за лизоцима так говорят. В собачьей слюне есть фермент, благоприятствующий регенерации — лизоцим. Вот и говорят: «заживает, как на собаке». Но мне все равно ближе кошка. Собака для мусульманина — животное нечистое. Так вот. Завтра потихоньку можно встать.

— Потихоооньку, — взвыл Красавчик. — Потихоньку переворачиваться. Потихоньку двигаться. Потихоньку подниматься, потихоньку садиться. Потихоньку спускать ноги. Потихоньку курить. Теперь потихоньку вставать! По мне, лучше быстро сдохнуть, чем жить вот так... как вареный лобстер.

— Ну-у-у, было бы быстрее, чем потихоньку, если бы кто-то на утро после ранения не вскочил на ноги и чуть не сыграл в ящик. Я верно выразился про ящик, дорогой? Или в Америке сыгрывают куда-то еще?

Однорукий доктор Потихоньку складывал инструменты — один за одним, тщательно осматривая каждый, прежде

чем положить сперва в специальный мешочек и лишь затем убрать в саквояж, а Красавчику хотелось размозжить его круглую, как бильярдный шар, и такую же гладкую голову. Ох, как же ненавидел сейчас Генри этого лысого однорукого толстяка! Как ненавидел его манеру делать все медленно и аккуратно. Как ненавидел запах его сладкого одеколона, перемешанный с камфорной вонью, скрип его протеза и его кривую печальную улыбку. И то, что доктор зовет его «дорогим», словно издевается, а сам на «Потихоньку» отзываться наотрез отказался, зато к имени Альпер потребовал добавлять басурманское «бей».

— Зверобей пьешь, дорогой? Нет? А зря... зря... Для нервной системы — очень полезная вещь. Гораздо полезнее морфия. Надо пить потихоньку зверобей.

— Потихоньку-у-у... Зверобой!!! К черту зверобой! — Генри схватил подушку и изо всех сил швырнул ее в угол, попав точно в высокую резную этажерку. Этажерка покачнулась, лежащие на полочке листки бумаги соскользнули на пол. Откуда-то сверху покатались карандаши, кисти, глухо стукнула о ножку этажерки высохшая палитра.

— О чем я и говорю! Нервы, дорогой! А послушал бы меня, принимал бы зверобей, не нервничал бы так... Вот, видишь, уронил тут все, и картинки свои тоже уронил, дорогой. Эх-хе... — доктор неуклюже нагнулся над рассыпавшимися рисунками, принялся подбирать, делая вид, что для него это пустяшное дело, и что инвалидность ничуть ему не мешает. Однако видно было, что доктору нестерпимо трудно.

— Это... Не надо, Альпер... это самое... бей. Альпер-бей. Горничная соберет, — только что Красавчик готов был доктора Потихоньку растерзать, а теперь ему было калеку мучительно жаль. В конце концов, костоправом Потихоньку

был отличным, плату за свои услуги брал умеренную, а за то, что не совал свой нос, куда не следует, его вообще стоило бы щедро премировать (о чем Генри решил подумать немного позже, когда целесообразность и холодный расчет вернутся и победят невесть откуда взявшееся чувство сострадания).

— Мне не труд... Аллахалла! Надо же... Невозможно! Это невероятно! Как? Откуда... Откуда знаешь, дорогой? Невозможно! — изумленный доктор Потихоньку держал единственной своей левой рукой рисунок и близоруко щурился, пытаясь разглядеть детали.

— Откуда знаешь Тевфик-пашу? Откуда видел Моржа, дорогой?

У Красавчика по хребту побежали тонконогие веселые мурашки, он насторожился, впился в доктора Потихоньку острым взглядом и ласково улыбнулся. Так Генри Джи Баркер улыбался, если чувал близкую добычу, когда его с ног до головы захватывал азарт, когда сердце начинало колотиться в бешеном ритме и все вокруг внезапно обретало четкость, ясность и безупречную простоту.

— Кто? Какой паша? — на всякий случай Генри «включил простофилю».

— Вот этот, на рисунке... С Моржом. Это ведь Тевфик-паша! Друг мой сердечный. Однополчанин и сват.

Надо же! Целый паша — турецкий генерал! То-то Красавчик так долго с ним возился. А начал ведь с пустяка. Скучал у окна, глядел на кухарку, перебирающую фасоль. Думал, что вот бы ее как-нибудь написать, только вряд ли старая карга согласится позировать. Задумчиво ковырял ножичком оконную замазку, как в детстве, когда Ма в наказание запирала его дома, а сама сматывалась по своим делам. В полдень Генри оставил окно в покое и достал бумагу, чтобы по

недавно заведенному обыкновению набросать на скорую руку чертовы фигурки — все десять. Гусеницу рисовал первой... За ней первой и собирался двинуть, едва заживет рана. К марту планировал метнуться обратно, перетереть с чертовой куклой Марго, а там — как карта ляжет. Красавчик рассчитывал, что карта ляжет в его пользу, и что к апрелю он окажется и с Гусеницей, и с Бабочкой, и с Малышом Стиви. Окажется снова здесь — в Константинополе. А дальше, как в песне, тум-тум, тум-тум за золотым руном... Однако произойти могло всякое. Поэтому у Красавчика имелся запасной план, запасной план к запасному плану, по три запасных плана к каждому из предыдущих и так далее. Несмотря на внешнюю безалаберность и любовь к браваде, Генри Джи Баркер был человеком весьма осторожным.

К примеру, не просто так за два месяца он не вышел на связь с людьми заказчика. Не просто так он «на дурачка» навязался к англичанину в соседи, а потом даже не шевельнул пальцем, чтобы сменить жилье. Опыт подсказывал Красавчику, что стоит обнаружить себя, как немедля начнутся беспокойства, которые для обездвиженного ранением человека будут совсем лишними. Вот поэтому он и залег на дно здесь, у Капусты.

Пока хворал, то шевелил мозгами много и крепко, планировал что, да как. На сообразительность свою конечно надеялся, но решил еще раз все тщательно продумать и прорисовать, чтобы вбить картинку себе в голову раз и навсегда. Рисовал каждый день. Рисовал Гусеницу, потом Бабочку, потом Дельфина, про которого имелись тридцатилетней давности сведения, что он застрял в Туркестане и давно уже не использовался. Верблюда в девятисотом обнаружили в Сирии, а потом, вроде как, он должен был со своим хозяином-дервишем отбыть в Конию, в суфийский монастырь.

Информация о Лягушке была в два раза старше самого Красавчика — в тысяча восемьсот восьмидесятом болталась фигурка где-то в Албании, а что стало с ней потом — одному богу известно. Стрекозу и Льва в начале века отследили в Салониках, а дальше след их терялся... Что же касается Орла... и Жужелицы. Эти две вещи были в России. В Москве. Причем адреса, по которым их надо искать, и имена владельцев Красавчик помнил на зубок. Масонский шпион в Москве сработал лучше прочих — сумел добыть приличный «свежак». Вот только Жужелицу, считай, уже перехватил Ходуля, а как достать Орла, Красавчик ума не мог приложить. Генри Джи Баркер, конечно, не являлся членом Конгресса или Лиги Наций, но газеты читал, и кто такой есть мистер Владимир Ульянов-Ленин, знал отлично. «В конце концов, не у Папы ж Римского, тиару подрезать — и то хлеб», — посмеивался Красавчик, выводя на шершавой бумаге крючковатый клюв.

Самым «легким» из предметов Красавчику казался Морж. Из записей следовало, что с четырнадцатого года Морж хранится у какого-то турецкого генерала, который в начале войны командовал на восточном фронте пехотным полком. Также имелась приписка, что Моржом генерал не пользуется и вряд ли вообще догадывается о свойствах предмета. Адреса офицера в масонских записях не нашлось, но дело, в общем, было плевое. Сколько тут этого офицера, так, чтобы по возрасту и званию подходили? Пятьдесят? Сто? Тысяча? Сколько из них дрались с русскими в четырнадцатом? А скольких их зовут... Красавчику пришлось отключиться от воспоминаний, чтобы через секунду рука его сама собой вывела на листке чудное басурманское имя «Тевфик». Хватило бы месяца, чтобы разыскать Тевфика — нынешнего

владельца Моржа, и еще неделю-другую на то, чтобы вытащить фигурку. Да только не было у Генри Баркера этих полутора месяцев, поэтому он постановил так — сначала Гусеница и Малыш Стиви, а потом все остальное. Но Морж все же дразнился своей доступностью и раздражал Баркера так, как круг кровяной колбасы, подвешенный под потолком мясной лавки, раздражает голодную дворнягу. Может быть, поэтому Красавчик рисовал Моржа чаще остальных предметов.

Вот и в тот день, до тошноты «налюбовавшись» на кухарку и приступив к полуденному планированию, Красавчик уделил Моржу времени больше, чем прочим фигуркам. Комнату заливало яркое не по времени года солнце, за окном весело перекрикивались дети, монотонно стучал о стену мяч. От всего этого Красавчика разморило, и он почти уснул над мольбертом, машинально продолжая скрипеть карандашом по бумаге. Очнувшись же, опустил взгляд на исчерканный листок... и охнул от удивления.

Морж лежал на раскрытой мужской ладони. Сама ладонь и, собственно вся рука, принадлежала крупнолицему турку с обвислыми седыми усами и тонким породистым носом. Чем-то турок напоминал доктора Потихоньку, но гораздо резче выделялись надбровья, уголки крупного рта были скорбно опущены вниз, а взгляд был пустым и страшным, словно напротив стояла, опершись о косу, сама смерть. На турке топорщился офицерский куций полушубок, а голова была замотана в башлык. Ни башлыка, ни полушубка, ни самого турка Красавчик прежде не видел, в этом он мог поклясться. Рисунок вышел чертовски живым, и поэтому Красавчик не стал его жечь, как поступал со всяким изображением предмета, а засунул в стопку других картинок, которые называл «всякое баловство», но которыми про себя даже гордился.

Теперь же именно этот рисунок держал в дрожащих пальцах доктор Потихоньку. Лицо доктора странно и неприятно кривилось, кадык ходил вверх-вниз, а дыхание было неровным и сиплым.

— Да. Они это... Тевфик-паша... Морж... — наконец выдохнул доктор Потихоньку и уставился на Красавчика рыбьим пустым взглядом. — Давно я Моржа этого не видел. С самой той битвы с русскими. С клятого Сарыкамыш! С той шайтановой ночи, когда наши солдатики там лежать остались... Совсем ведь еще дети. Тысячи детей, и никто ничего не смог поделать, чтобы их спасти! Они брели, все брели вперед, как деревянные, а потом ложились на землю и замерзали. Ни взрыва тебе, ни выстрела. Тишина... За день до этого в расположении старикан сумасшедший появился — не то поп, не то монах армянский! Армян в Киликии тогда еще почти не трогали, так... резали потихоньку... Так вот поп пришел невесть откуда прямо к нам в лагерь, мол, знает что-то про русские укрепления. Кто верит армянам, а? Вот ты веришь армянам, дорогой? Я сказал Тевфику — гони собаку прочь, но Тевфик не послушал... В ту ночь и случился ад, как он есть. Мальчики наши ложились и замерзали, превращались в чистый лед. А между сугробами бродил поп — седой, пустоглазый и черный лицом, будто сам Иблис. Бродил, схватившись руками за шею, и все смеялся. И от пуль словно заговоренный. Тевфик в него две обоймы выпустил, прежде чем тот упал лицом в снег. Перевернули, а он так за шею и держится. Думали, у него крест, а там Морж...

Доктор сбивался, то и дело переходил с английского на турецкий и, кажется, даже не понимал, что говорит вслух, а Красавчик меж тем живо соображал. Ни превратившийся в лед турецкий пехотный полк, ни старик-армянин, похожий на черта, ни празднующую легкую победу русские ему

не были интересны, название «Сарыкамыш» он вряд ли бы сумел повторить, но вот про фигурку он бы с удовольствием послушал еще и еще.

— А ты откуда знаешь про Моржа, дорогой? Откуда? — переспросил Потихоньку, слегка успокоившись. — Тевфик через сутки, когда на моих руках умирал, мне его передал, чтобы помнил я ту ночь. Эх... тогда еще у меня обе руки были целые. А Моржа я потом Тевфику вернул...

— Мертвому? — Красавчик огорчился. Ковыряться в могилах он не любил, хотя в прошлом всякое случалось.

— Зачем мертвому, дорогой? Живому. Я отличный был хирург.

Генри хотелось кое о чем доктора попытать, однако атмосфера в комнате неуловимо изменилась, и еще секунду назад взволнованный и от этого чересчур болтливый турок как будто запнулся, засуетился и выбежал вон. Едва затихли в коридоре шаги доктора Потихоньку, Генри с удовольствием спустил с кровати ноги, пошевелил пальцами и принялся размышлять. Фигурка Моржа сама шла к нему. Шла просто так, без усилий, без беготни, стрельбы, суеты и тревог. Всего-то затрат — на куруш сепии, на полкуруша белил да листок бумаги. Расскажи кому — ни за что не поверят. Упускать такой случай, считай, идти поперек собственной удачи. Да за такое Ма его бы своими руками придушила!

Красавчик потянулся, широко зевнул и впервые за эти тягучие и пресные, словно жевательная резинка, месяцы почувствовал себя великолепно! Жизнь начинала налаживаться. Потихоньку...

Артур Уинсли-младший, окажись он сейчас на месте Красавчика, наверняка принялся бы раздумывать о предопределенностях и о том, что такое случайность и есть ли ей место

в человеческой жизни. Но к счастью, Красавчик Баркер был человеком простым, поэтому предпочел долго не размышлять о причинах невероятного совпадения. Случайно совпало — ну и чудесно! Подфартило — еще лучше! Красавчику и без этого было о чем пораскинуть мозгами. Во-первых, ему теперь требовалось кровь из носу попасть в дом к Тевфик-паше, чтобы навести там аккуратный шмон, во-вторых, Малыш Стиви все еще был черт те знает где (если еще был), а в-третьих, дверь, скрипнув, приотворилась и в комнату просочился улыбающийся Креветка с подносом в руках.

Будучи в душе человеком суеверным, Красавчик опасался черных кошек, трубочистов, лестниц и карликов. Поэтому по доброй воле с Креветкой он бы знать не знался. Однако был он обязан Креветке жизнью дважды. В ночь, когда Баркера подстрелили, именно Креветка отволокла его в укрытие и зажимал ладонью рану до тех пор, пока не появился англичанин. И это еще куда ни шло. В конце концов, Креветке тогда предлагали хорошие деньги за помощь, а что он сам заочевряжился, мол, джентльмены за помощь денег не берут, то вопрос другой. А вот то, что недомерок вытащил Баркера из лап смерти второй раз — Красавчик запомнил накрепко. Такое не забывают!

Нет. Генри Джи — сам болван, конечно. Знал ведь, что рана дерьмовая, и что вставать на следующий день и перетаться непонятно куда — считай, самому укладываться в ящик. Но баркеровская фамильная дурь взяла верх над разумом. Чего уж он там себе в горячке навоображал — то, что нужно потормозить цирюльника, или что по свежим следам сможет он отыскать рыженькую, или еще что... Но с кровати сполз, в фаэтон забрался и до самого рынка доехал, ни разу

не потеряв сознания. Дальше память отказывалась выдавать цельную картинку, но с удовольствием кусочничала. Баркер помнил, как заглядывал внутрь разгромленной лавчонки — потом провал. Помнил, как дверь цирюльни так и не открывалась, хотя барабанил он в нее так, что сбил костяшки. Потом провал. Помнил, как бродил по галереям, капая кровью на мозаичный пол. Помнил, как умирал, прижимаясь спиной к колонне, и как любознательная крыса пристроилась в шаге от него и ждала, когда же он отдаст концы... провал. А дальше появился Креветка. От Креветки пахло серой, масляными красками и карамельками. Лицо у Креветки было почти детским, маленьким и удивительно подвижным, а жиденькая борода придала карлику сходство с козлом. Баркер тогда решил, что прибыл в ад, и сейчас бесы потащат его напрямиком в котельную.

В следующий раз Красавчик очнулся уже в постели, в пансионе мадам Кастанидис. Перед глазами маячило белое, большое и лысое. «О! А вот и ангел, — обрадовался Красавчик, а проморгавшись, добавил. — Правда, однорукий, но Ма бы оценила шутку». Тут же из-под локтя «ангела» высунулась озабоченная креветкина физиономия.

— Кто вы? Где я? — ничего оригинального Баркер из себя выдавить не смог, но не надо думать, что кто-то другой в его ситуации догадался бы цитировать вслух, например, Вергилия.

— Я врач. Хирург. Зовут Альпер-бей. Слышишь меня, дорогой? Эй, мистер американец! Жить будешь...

— Эй, мистер американец! — спугайничал Креветка громким фальцетом. — Жить будешь.

Почти полтора месяца Креветка спал на жесткой кушетке рядом с бредящим Красавчиком. Всккивал, едва Красавчик

начинал стонать и материться, водружал на Красавчика мешочки со льдом или, привставая на цыпочках, подносил к губам больного поильник. Это Креветка, чуть что не так, срывался и неся со всех своих крошечных ножек в Ортакой за доктором Потихоньку, это Креветка таскал из под Красавчика поганые судки... А когда Генри начал приходить в себя, именно Креветка припер бумагу, карандаши, краски и самодельный «постельный» мольберт. И кстати, если бы не Креветка, Красавчик напрочь забыл бы про Рождество. Он давно его уже толком не праздновал — если удавалось в эту ночь попасть к Бет, то ему тоже доставался какой-нибудь подарок от Санты, но обычно Генри напивался дома, в одиночестве — а чего мешать своей рожей людям, у которых семьи, детишки, елка и рождественский стол. Но Креветка украсил комнату еловыми ветками (где только нашел?), навешал на них сушеных фиников и расставил по подоконнику вонючие свечи. Красавчик ругался, но встать из-за раны не мог, поэтому пришлось ему терпеть и финики, и свечи, и Креветкин фальцет. Лилипут пел что-то заунывное, грустное не то по-румынски, не то по-цыгански, от чего у Красавчика противно щемило под ребрами.

Такое не забывают. А то, что карлик по-английски ни бум-бум — даже лучше. Потому что благодарить Красавчик не умел и не любил. Однако сегодня Красавчик впервые пожалел, что с Креветкой они говорят исключительно «на пальцах» — надо было кое-что срочно выяснить.

— Кушать! Ням-ням, — Креветка вскарабкался на табурет, едва не расплескав густую жижу из стоящей на подносе миски. Но справился, пристроил поднос на коленочки

и взял в руки ложку. — Кушать! Ням-ням! Алле-хоп! Хорошо! Хороший!

Красавчику на долю секунды почудилось, что его приручают, как тигра или медведя. Приручают осторожно, ласково и со знанием дела. Но в мире существовали вопросы куда более насущные, поэтому он безропотно открыл рот и позволил Креветке влить в себя ложку-другую похлебки. Мог бы и сам, слабость в руках давно уже прошла, но как-то привык он к заботе за этот месяц, да и Креветке приятно.

— Харика! Отлично! — Креветка звонко причмокнул. — Ням-ням хорошо, гюзель!

— Да уж, — скривился Баркер. Чечевичное варево, которым его вторую неделю потчевал Креветка, стояло поперек горла. — Слушай, брат Креветка! Такое дело... а не знаешь ли ты ненароком где проживает этот... (Красавчик напрягся так отчаянно, что если бы вместо мозгов в голове у него был мотор, он бы сейчас взорвался ко всем чертям) этот... как его... Тевфик-паша?

Креветка поплыл ласковой улыбкой, закивал. Соскользнул с табурета. И уже через секунду перед Красавчиком лежал лист бумаги с очень прилично начерченной картой трех близлежащих кварталов.

— Тут ты-я-Капуста дом! — Креветка поставил в верхнем левом углу жирную птичку, а тут — Тевфик-паша дом. Большой. Красивый. Гюзель.

Баркер довольно присвистнул. От первой «птички» до второй было не так уж далеко, и в другое время Генри, ни секунды не теряя, направился бы на рекогносцировку, а там, глядишь, по месту бы сообразил, как брать Моржа. Но сейчас такой план ему никак не подходил. Мешала чертова дырка в бедре. Красавчик и сидеть-то мог только потихоньку!

Ну и как, спрашивается, ему с этой кочергой вместо ноги быстро, ловко, а, главное, незаметно пробраться в дом к паше, как?

Последнюю фразу Генри незаметно для себя произнес вслух, так сильно был раздосадован. Обычно болтать всякое он себе не позволял, потому что знал — в его бизнесе небрежно оброненное слово обычно ведет прямоиком на кладбище. Но кого здесь было опасаться? Стены в пансионе толстые, мадам Кастанидис громыхает ведрами где-то внизу, доктор Потихоньку уже минут десять назад как ушел, а Креветка по-английски все одно ни бум-бум.

— Незаметно зачем ходить? Незаметно плохо! Заметно хорошо! Три дня завтра можно заметно! Три дня завтра большой день доктор Альпер! Сынок его будет делать половка с дочка Тевфик-паша... Можно всякий знакомый человек тук-тук! Здравствуй, уважаемый Тевфик-паша и Альпер-бей! Половка-хорошо! Держи подарок!

— Помолвка, — машинально поправил Красавчик, хотя оговорка Креветки ему понравилась, поскольку внезапно вскрыла истинную суть брака. — Чееерт! Аболиционисты твою бабушку дери, Креветка! А я думал, ты ни бум-бум, а ты всю шпаришь!

— Не бум-бум, не бум-бум! — радостно затряс бороденкой карлик и тут же извлек из-за пазухи потрепанный разговорник. По состоянию обложки можно было предположить, что с разговорником пробовали не только разговаривать.

— Тьфу! Ты на нем хамсу жрешь, что ли? Ладно... Помолвка, говоришь через три дня? Ну что, сходим, значит, на помолвку. Потихоньку. И это. Палку какую купи мне, что ли...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О различных способах проникновения в чужую культурную среду

Турция. Константинополь. 30 декабря 1919 года

Генри Джи Баркер чувствовал себя не в своей тарелке. Ему мешала трость, но еще больше — феска, которую, послушавшись уговоров Креветки, он на себя нацепил. «Американский мистер — фес очень красиво. Чок гюзель. Как настоящий турецкий бей эфенди», — карлик благоговейно складывал ручки на груди, а Красавчик, наморщив нос, разглядывал свое отражение в зеркале, таком древнем, что наверняка им пользовался еще Насреддин Ходжа. Зеркало и феску припер Креветка. Похудевший, осунувшийся, да еще с похожей на перевернутый стакан для виски алой шапочкой на макушке, Генри Джи Баркер казался себе полным идиотом. Но обижать Креветку не хотел и поэтому...

И поэтому Красавчик нарядился в феску, а также привезенный из Чикаго шикарный костюм-тройку, повязал на шею шелковый платок в сизый «турецкий огурец» и направился туда, где на самодельной карте стояла жирная галочка.

Креветку Красавчик оставил ждать в наемном фэртоне за две улицы от генеральского дома, строго-настрого наказав с места не двигаться, шума не поднимать и быть ко всему готовым.

— О, ты здесь, дорогой? Как твоя нога? Рад, что нашел время поздравить. Добро пожаловать! Для меня это — честь. А что для меня честь, для моего сердечного друга Тевфика — тоже радость.

Баркер раскрыл доктору объятия, чертыхаясь про себя. Он-то надеялся сохранить инкогнито, поскольку народу собралось больше трех сотен, в дом пускали всех без разбору, достаточно было продемонстрировать халдеям, дежурящим у входа, придурковатую улыбку, а также празднично упакованную коробку шоколада или букет. Но, увы, трудно оставаться незамеченным, когда ты здесь выше всех едва ли не на голову, на тебе костюм-тройка, шейный платок «в огурец» и передвигаешься ты еле-еле, как двуногая черепаха в красной шапочке.

— Позволь представить тебе моих чудесных детей, дорогой! — Потихоньку никак не показал своего недоумения при виде нежданного гостя, а может, и не было недоумения вовсе — кто их разберет, этих турков, с их сахарным гостеприимством. Приобняв Баркера за плечи, доктор потащил его в середину залитой светом залы. — Ты только не спеши, дорогой. Потихоньку шагай... Потихоньку. Береги себя, дорогой. Вот! Гляди! Какие они красивые! Гюзель?

Невеста, наверное, и в самом деле была гюзель. Жаль только, что красота ее пряталась под вуалью. Прямая и застывшая, она стояла рядом с женихом, как выставленная в витрине

дорогая фарфоровая кукла, и кланялась, кланялась, кланялась. Красавчик подумал, что девчонка наверняка трусит, и что любая невеста — будь она родом хоть из Нью-Йорка, хоть из Константинополя, хоть из оклахомского загаженного навозом городишки в день своей помолвки будет до смерти напугана. Правда, кроме страха должны быть в глазах невесты счастье и любовь. Но разве под вуалью это разглядишь? Ни за что не разглядишь, как ни всматривайся. Еще Красавчик подумал, что в таком платье рыженькая Алев смотрелась бы замечательно. Богатое у турчанки платье, туфли модные лилового атласа, да и фигурка тоже ладная. Генри глазел на невесту, напрочь забыв о том, что он не в Чикаго. Сзади осуждающе кашлянули, и Красавчик, опомнившись, перевел взгляд на лицо жениха...

Ого! Этого смазливового барчука в парадном мундире с аксельбантами он не спутал бы ни с кем! И пусть, в тот единственный вечер, когда они виделись, освещение было дерьмовым, пусть у них обоих было занятие куда важнее, чем взаимные переглядки, Баркер накрепко запомнил этот высокомерный изгиб бровей, эти черные с поволокой глаза и девичью бархатную родинку над губой. Сыном доктора Потихоньку оказался тот самый турецкий молокосос, что подстрелил Красавчика месяц назад в Капалы Чарши. Жених нервничал и дергался не меньше невесты, но вовсе не из-за помолвки. Он косился на компанию юнцов, стоящих поодаль, перемигивался с ними и явно тяготился тем, что не может немедленно присоединиться к приятелям, но вынужден торчать здесь и принимать поздравления. Присмотревшись к компании, Красавчик немедленно распознал еще двоих бандюганов, знакомых по перестрелке на базаре. Вечер обещал стать любопытным. Но переигрывать планы

Красавчик не любил, поэтому решил сперва все же брать Моржа, а потом, если все пойдет путем, проследить за турками. В конце концов, месяц назад турки, как и он сам, шли по следу Менялы и могли оказаться в своих поисках удачливее. И хотя вопрос с Гусеницей отпал, Менялу следовало бы потрясти по кое-каким другим пустячкам. Поразузнать про Дельфина, например, ну, или... (Красавчик вздохнул)... поспрашивать про рыженькую Алев.

— Моя невестка Зехра. Мой сын Эрхан... Эрхан и Зехра — с рождения предназначены друг для друга, и даже зовут их похоже! — доктор подтолкнул Баркера протезом в спину, а сам тут же улизнул к другим гостям.

— Любви, детишек дюжину... И денег побольше, как принято говорить у нас в Чикаго, — оттарабанил Красавчик и шагнул назад, в тень от украшенного цветочными гирляндами столба, чтобы жених ненароком его не узнал, а, главное, чтобы невеста не успела потянуться за упакованным в блестящую бумагу свертком, что Красавчик все это время таскал под мышкой. Ну, вроде как, при виде молодых он так разволновался, что даже про подарок забыл. А что? Для бестолкового чужестранца — подходящее поведение.

— Спасибо. Благодарим вас, дорогой гость, — выдохнула невеста на хорошем английском, но так обреченно, что Красавчик почувствовал острый приступ жалости. Бедняжка еле дышала, а женишку до нее и дела не было. Вот бы ее подбодрить, а лучше — рассмешить.

Поддавшись внезапному порыву, Красавчик незаметно ни для кого, кроме самой невесты, сделал лицом «удивленного ежика» — вытянул трубочкой губы, округлил глаза, поднял брови и быстро-быстро задвигал фамильным баркеровским носом вверх-вниз. Обычно после этого Кудряшка и Родинка

валились на спину с диким гоготом, а толстая Бет хваталась за живот и начинала грузно трястись и колыхаться от смеха. «Ежик» обладал силой едва ли не большей, чем улыбка «убойного калибра». Но не на этот раз. Девушка словно вообще не заметила баркеровских стараний. Она слишком осторожно и медленно, чтобы со стороны можно было отследить, повела головой вверх и влево, точно искала кого-то на галерее второго этажа.

Хорошенькая получалась помолвка. Жених глядит направо, невеста налево... точнее вверх и налево. Красавчик сделал вид, что поправляет о воротник сползшую на затылок феску и тоже задрал голову — в конце концов, интересно же узнать, что там высматривает генеральская дочь. На галерее, притаившись за колонной, стояла широкоплечая женщина или девушка (чаршаф не позволял определить возраст) и жестикулировала. Сначала указала пальцем в белой перчатке на себя, затем на невесту, потом похлопала ладонью по левой груди, что привело Красавчика в недоумение, затем махнула рукой куда-то вглубь галереи и замерла.

«Хм... Подружки задушевные, наверное. Семафорят друг дружке всякую чушь про вечную любовь и преданные сердечки — у любой девушки, будь она родом из Чикаго, Константинополя или Москвы, в мозгах каша из кружев и сантиментов. Зато у мужчин все продумано, а вместо сердца тикают часы в нагрудном кармашке... Ох ты! Кармашек! Для часов! Часы! Да это ведь типично мужской жест! Да и не подружка это вовсе, а дружок! Опа!» Красавчик быстро задрал вверх голову и успел отследить, как «подружка невесты» скрылась за бархатной занавеской женской половины дома — сераля. Вот оно как — сын доктора Потихоньку был рыночным разбойником, невестка доктора Потихоньку оказалась

не такой уж невинной штучкой, а в доме свата доктора Потихоньку хранилась фигурка Моржа... Вечер обещал стать просто чертовски любопытным! Генри затерся в толпе и потихоньку похромал к лестнице, ведущей на второй этаж.

Ковры глушили стук трости. Двигаясь настолько тихо, насколько это было возможно, Красавчик нырнул за бархатную занавесь и остановился перевести дух и осмотреться. Примерное устройство турецкого дома он вычислял весь вчерашний вечер, пытая Креветку и вычерчивая на обратной стороне креветкиного портрета планы.

— Так... а кухарят турки обычно где? А коридоры какие? Длинные? Курительная? Кабинеты? Окна куда выходят? Калитка садовая есть? Балкон? Сторожка? Сто-рож-ка! Понял? Ну!

Креветка недоумевал, не понимая, зачем Баркеру все эти подробности:

— Человек разный — дом разный... Балкон есть, сторож-ка тоже есть... Зачем надо?

Красавчик не отставал. Нашлись бы силы, прошвырнулся бы лично по кварталам, пригляделся бы к местным хозяйствам поближе. Однако надобность в такой прогулке, в общем, была невелика. Человеческая натура предсказуема, и в части архитектуры в том числе. Если один сосед пристроил к веранде башенку, то скоро пять других соседей примутся делать то же самое. Если в слободе принято красить крыльцо в желтый цвет, то вряд ли кто-то на пять кварталов в обе стороны покрасит свое крылечко в зеленый. Если весь город вдруг решил, что жалюзи — модно и изысканно, то вскоре самому султану вздумается приладить на

окна дворца французские решетки. «Человек разный — дом разный, говоришь? Ха! Как бы не так!» Кровать слишком хорошо думал о людях. Красавчик о людях думал правильно, поэтому шел почти наверняка, и в очередной раз похвалил себя за проницательность, обнаружив за бархатной занавеской дверь, а за дверью галерею, из которой можно было попасть в любую из семи комнат женской половины.

Осмотревшись, Генри одобрительно причмокнул. Турки, конечно, варвары, но идея отселить женщин и детей в отдельную часть дома — отличная. Капризы, слезы, котята, детишки и кружева не должны мешать покеру, сигарам и солидным беседам. Великолепнейшая идея — турецкий сераль!

К тому же, где еще, как не в серале, устраивать тайник!

С местными домами Красавчику пришлось, хоть недолго, но все же разбираться, зато про устройство тайников он и так знал почти все. Знал он, что одни прячут свои секреты и ценности там, куда лезь человеку случайному неприлично, стыдно... например, в туалетных комнатах, в кладовках и душевых. Другие, наоборот, делают тайник на виду, наивно полагая, что таким образом перехитрят грабителя. А вот библиотеки и кабинеты, благодаря криминальному чтиву, вышли из моды. Все теперь начитанные и знают, что вор в первую очередь полезет именно туда. Так что от библии в качестве тайничка многие отказались, а зря. Не всякий вор займется перетряхиванием кипы томов, чтобы отыскать запрятанный где-то между св. Матфеем и св. Марком миллионный чек на предъявителя.

Если бы кто-нибудь попросил у Красавчика Баркера рекомендацию по устройству домашнего тайника, он бы получил однозначный ответ — к черту!!! К черту подвальчики,

фальшивые стены и пустотелые колонны! Если вас вздумают обворовать — обворуют! К черту! Носите ваши бриллианты напоказ, швыряйте их на подоконники и столы, держите ваши соболя в прихожей, а пачки банкнот пусть валяются там, куда вы их бросили, вернувшись с ночного кутежа. Будьте беспечны и щедры. По крайней мере, когда вас обчистят, у вас не появится гадкого чувства, что вас не просто ограбили, но еще и просчитали на раз-два-три, как болвана. Опять же, в беспечности есть шик!

Однако вряд ли бы такой важный человек, как Тевфик-паша, заинтересовался мнением Генри Джи Баркера из Чикаго, даже если бы они были знакомы. Вряд ли... Потому что был Тевфик-паша, во-первых, турком, а значит, полагал себя хитрым и проницательным; во-вторых, военным в высоких чинах — отчего был уверен в своей непревзойденности по части стратегии, тактики и тому подобного; а в-третьих, мужчиной — и, значит, советов от другого мужчины не принял бы ни за что.

Мужчина, военный, турок... Лишь расписание пароходов на Галатской пристани может быть более предсказуемым.

Красавчик шел наверняка. Шел напрямиком в будуар мадам генеральши. Он был абсолютно уверен, что Морж — там, где-нибудь в тайном ящичке туалетного стола или в спрятанном за часами с кукушкой сейфе, и что можно обстричь дельце минуты за две. Красавчик предпочел бы обойтись без маскарада, обчистить генеральшу по-простому без выдумок, но хромота и неуклюжесть не оставляли ему выбора. Впрочем, как выяснилось недавно, не только Красавчика посетила эта комедийная мыслишка. Кстати, именно

потому, что идея со всех сторон выглядела идиотской, Генри ее не отменил. Ну, кто? Скажите, кто всерьез станет рядиться в бабу, копируя синематографические «подвиги» Чарли Чаплина или Герри Лангдона? Кому приспичит искать среди замотанных в тряпье старух чикагского гангстера? И, в конце концов, даже если его обнаружат, никто не заподозрит, что состав преступления — грабеж, а не обыкновенное сластолюбие. Стараясь вслух не смеяться и не шуршать фольгой, Красавчик распаковал «подарок» и вытряхнул оттуда дешевый чаршаф, приобретенный вчера у пансионной кухарки. Правда, за инструкции по надеванию чаршафа пришлось заплатить ушедшей старухе доллар, но дело того стоило. Толстая шерстяная накидка оказалась Красавчику почти впору, за исключением длины — из-под подола виднелись края брюк, а также дорогой кожи ботинки. Однако если чуть присесть и сгорбиться, то недостаток этот можно было устранить, что Баркер немедленно и исполнил. Вот так, скукожившись, морщась от ноющей боли в бедре, но внутри потешаясь над происходящим, Генри Джи Баркер совершил то, о чем многие европейские мужчины лишь мечтают — прокрался в настоящий турецкий гарем. Проверив для начала «тихие» комнаты, обстукав стены и проверив все шкафы, Баркер все также впрыскав направился к приоткрытой двустворчатой двери, из-за которой доносились музыка, детские крики и смех.

Верно говорят — ожидание праздника лучше, чем сам праздник. Неизвестно, что Баркер планировал обнаружить в серале — может, полуобнаженных одалисок, возлежащих на парчовых подушках, или чернооких фурий, набрасывающихся на всякого путника с кинжалами и поцелуями. А может, он фантазировал о каких-то еще более утонченных

вещах... Но все оказалось проще. В тускло освещенной комнате на обыкновенных стульях вокруг покрытого гобеленовой скатертью овального стола теснились женщины, одетые вовсе не в гипюр и павлиньи перья, но в обыкновенные платья. Никто не танцевал танец живота, нигде не дымились наргиле с гашишем, зато пыхтел огромный русский самовар. Женщины прихлебывали чай из маленьких стеклянных стаканчиков, задирали друг дружку, ругались, мирились и то и дело разражались смехом, больше похожим на птичий гам. Здесь же безобразничали дети всех возрастов, и было ужасно шумно и бестолково, будто кто-то заселил огромную клетку канарейками и их голосистыми птенцами. За такой суматохой на пробравшуюся внутрь старуху никто и внимания не обратил. Рябая девочка лет десяти ткнула в Красавчика подносом с курабье и тут же вернулась к столу. Красавчик огляделся — у печи на корточках, не шевелясь, сидел «подружка» невесты и делал вид, что греется. Красавчик оценил сообразительность «подружки», и про себя такой ход одобрил — действительно, к продрогшей гостье вряд ли кто привяжется с предложением немедля снять накидку. Он бы и сам поступил так же, но вакансия возле печи была уже занята, поэтому Красавчик проковылял поближе к высокой китайской ширме и там затих. Баркер чуял — Морж где-то здесь. Чертов кухаркин балахон зверски ему мешал — чтобы осмотреться, Красавчику приходилось по-индюшачьи вертеть головой. К тому же, сетка на лице не давала разобрать подробности. «Как в тюрьме, ей-ей... тьфу-тьфу-тьфу!» — Красавчик машинально сплюнул трижды.

«Ана, ты б лицо открыла. Тут мужчин нет. И жарница — только протопили. Снимай чаршаф, ана, не стесняйся! Давай помогу», — все та же рябая девчушка замаячила прямо перед

густой «решеткой» чадры и потянулась ручонками к накидке. Чтобы понять намерения доброжелательницы, переводчик не требовался, и Красавчик, резко отдернув голову, отрицательно замычал. Разоблачение (во всех его смыслах) мало способствовало успеху предприятия. Девчонка продолжала настаивать, Красавчик продолжал мычать, одновременно размышляя о последствиях детоубийства, но тут на его удачу объявилась невеста в окружении пестрой благоухающей толпы родственниц и подруг. Настырная девчонка тут же позабыла про «бабушку» и с разбега ввинтилась в кучу-мала, чтобы подобраться поближе к невесте и всласть назавидоваться чужому счастью. «Вах-вах-вах... гюзель-гюзель... вах-вах-вах», — квохтало, щебетало и попискивало вокруг, будто дело происходило в курятнике, где главная несушка только что снесла золотой слиток размером с кулак.

Генри покосился на «подружку» невесты — ну что ты там медлишь? Грустные и романтические истории (а эта история, очевидно, была и грустной, и романтической) Красавчику нравились. Брак по сговору, нежеланный супруг, тайный возлюбленный... В Чикаго он пересмотрел с десяток таких картин. Теперь же, не на экране, но на расстоянии вытянутой руки трагедия разворачивалась живьем. Мистер «Подружка» уже не жался на корточках. Он поднялся (правда, не во весь рост — по-видимому, и ему «пальтишко» оказалось коротковато). И встал так, чтобы девушка увидела — он здесь, он пришел, несмотря на ее запрет! И тут же невеста медленно, словно ее кто-то взял за плечи и закрутил в нужную сторону, повернулась. Медленно убрала со лба вуаль и так и застыла с поднятыми к лицу руками, тонкая, большеглазая, бледная, как простыня, и напуганная, но все же (а в физиогномике Красавчик разбирался не хуже, чем в драгоценностях)

бесконечно счастливая. Красавчик, не будь он Красавчиком, вполне мог бы сейчас потерять голову. Но он оставался собой, пребывал на территории сераля по причинам далеко не романтического свойства и, к тому же, никак не мог забыть о тициановских кудрях малышки Эйты.

Красавчик еще с полсекунды поглазел на двух влюбленных, вздохнул, вспомнив про рыжеволосую горничную. Потом вздохнул еще раз, потому что многое в жизни повидал и отлично догадывался, чем подобные истории имеют свойство заканчиваться. Вздохнул третий раз для ровного счета и вернулся к осмотру помещения. Двое молодых людей все никак не могли оторвать друг от дружки пылких взглядов, но никому до них дела не было. Красавчик двинулся вдоль комнаты на поиски Моржа, а бесчисленная женская братия (кстати, допустимо ли говорить «женская братия», нет ли в этом лингвистического парадокса?) продолжала шуршать подарками, ахать, охать и хлопать в ладоши. Были они чем-то неуловимым похожи и на канареек, и на кур, и даже на «девочек Бет», толпой окруживших состоятельного клиента.

Морж был где-то здесь, в будуаре. Баркер перекочевал в сторону туалетного столика, рассчитывая начать поиски оттуда. Опасности для себя он не видел никакой — ни от вздорного «курятника», ни тем более от влюбленных голубков. Ма еще в детстве обучила его таким кунштюкам, что Генри мог выудить даже кость из-под носа у койота, тот бы не почувствовал. А здесь хоть печку через окно выноси — никто даже бровью не поведет! Красавчик настроился на быструю удачу, но едва лишь потянул на себя верхний ящик, как

в коридоре раздался шум, и в комнату влетела немолодая турецкая мадам, судя по удивительной схожести с невестой — хозяйка дома. В глазах у мадам генеральши полыхало праведное возмущение, а в руках у нее... в руках у нее хрустела фольга и алела феска, про которую Красавчик напрочь позабыл и, видимо, оставил на полу возле двери в сераль, когда рядился в чертову плащ-палатку. А Ма ведь предупреждала, идешь на дело — красного не надевай.

Генеральша обвела глазами присутствующих и что-то резко крикнула по-турецки.

— Вайбе! Адам! Адам бурада! Имдат! — заклокотал «курятник». — Адам! Вай!

Красавчик обомлел от того, с какой скоростью женщины выхватили откуда-то платки, покрывала и накидки и обернулись ими в несколько слоев. Особенно спешили закрыться и спрятать свои «прелести» старухи, и чем древнее была старуха, тем ловчее она куталась и тем громче вопила: «Имдат! Помогите! Имдат! Здесь мужчина!»

— Вот так попал... — успел посетовать про себя Красавчик, вспомнить, что такую ситуацию Соломон назвал бы «полным цугундером», и начать потихоньку (как будто он мог иначе) перемещаться за ширму. Шажок, другой, третий. Спасительная ширма была рядом. Но тут Красавчик случайно бросил взгляд на невесту. И остановился, будто вкопанный. Благодаря Бет и ее девочкам, он многое знал о женских слезах, обмороках и мигренях, но до этой секунды даже предположить не мог, что девица без пудры и белил способна достичь цветом такой бескомпромиссной белизны. Глаза у девчонки от ужаса стали в пол-лица, руками она бессмысленно вышивала по столу, пытаясь нащупать вуалетку, но если так трястись, то не только вуаль, стол не нащупаешь.

Красавчик вздохнул. Было ему отчего-то жаль горе-невесту, вот-вот ее милого дружка обнаружат, и кранты ему, и ей тоже кранты... если... если только... О, черт! Если только вместо мил-дружка первым не обнаружат кого-то другого! Черт! Черт! Черт!

Красавчик Баркер был человеком хладнокровным и жестоким. Вне всякого сомнения! Но порой ненавидел себя за приязнь к синематографу, романтическим историям и патетическим выходкам. И вообще... Черт! Черт! Черт!

Достаточно было легкого толчка плечом, чтобы ширма с грохотом обрушилась на пол.

Генри Джи Баркер выбрался из-под поваленной ширмы и похромал к дверям, безжалостно пиная пуфики и опрокидывая кофейные столики тростью. «Эй! Красотка Пегги! Трам-парам-пам-памс... Прыгай в дилижанс. Умчу тебя во Фриско», — напевал он не лишенным приятности голосом и скабрёзно подмигивал онемевшим от такого бесстыдства старухам.

Где тот Фриско? Красавчик не одолел и половины пути до двери, как молчание сменилось воплем, как десятки женских пальцев стянули с него кухаркин чаршаф (все же это была дурацкая идея, как ни крути) и принялись раздирать его на тысячу «красавчиков». Как-то один метис-кабокло из Бразилии рассказывал ужасы про тамошних пираний. Но лишь сейчас Генри понял, что пираньи — пустяки по сравнению с тем, что ему придется вытерпеть, прежде чем он, разодранный в лоскутки, испустит дух! И главное — ради чего? Ради хэппи-энда, которому все одно не бывать?

Генри Джи Баркер почти уже смирился со своей незавидной участью, но тут хищная бабья стая схлынула, и сквозь

полуобморочную пелену Красавчик узрел спасение в лице доктора Потихоньку и седовласого военного в парадном генеральском мундире. Усы у военного красиво загибались вверх. Нос был тонким, с горбинкой. «Надо же, — успел восхититься Красавчик, — действительно похож». Сразу за хозяином в двери ввалилась дюжина разъяренных молодых турок под предводительством жениха. Через секунду Красавчика бесцеремонно выволокли из серала, протащили по галерее, небрежно уронили возле высокого зеркала, предварительно отобрав кольт с ножом, и там обступили хмурой молчаливой стеной. Одетые кто во фрак, кто в парадный мундир, наодеколоненные турки расположились вокруг Красавчика так, словно намеревались не кастрировать «грязного сластолюбца», а позировать модному фотографу. Да-а, вляпывался он в переделки и похуже этой, но вряд ли живописнее.

— Что ты тут делаешь, дорогой? Заблудился? — нарочито суровый голос доктора Потихоньку подарил Красавчику хоть и призрачную, но все же надежду на лучшее.

— Ну... Это... Гарем же! Такое дело! Охота было взглянуть глазком!

Когда стрелять не из чего, драться бессмысленно, а спорить глупо; когда силой и численностью противник превосходит тебя минимум в двенадцать раз; когда ты скрючился от боли на полу и вряд ли сможешь чихнуть, не поймав пулю в лоб, остается одно — притворяться дурачком и давить на жалость. Случись на месте Красавчика кто другой, к примеру, Гуталин или О Хара, вряд ли бы они выбрали такое позорное амплуа. Скорее всего, бились бы до последнего вздоха, размазывая напoмаженных щеголей по стенкам. А потом бы их напшпигованных свинцом, голых и без

документов нашли бы в сточной канаве равнодушные стамбульские жандармы. Рыжий О'Хара или даже Гуталин были, во всех смыслах, людьми гордыми и джентльменами до мозга костей. Может, именно поэтому оба они давно стали ланчем для кладбищенских червей. А Генри Баркер все еще был жив, относительно бодр и в состоянии шевелить мозгами.

Красавчик протяжно застонал, схватившись за бок. Взгляд его, мутный и печальный, взмыл сперва вверх, к потолочной лепнине, а потом доверчиво уткнулся в багровое от возмущения лицо доктора Потихоньку. Так котята тычутся носами в ладони хозяев.

— Так это, док. Я ж разве знал, что оно у вас так сурово... Так если б я знал... Прости. Слышь, кажется, отбили мне печенку... И дыра кровит.

— Погодите, — попросив взглядом разрешения у хозяина дома, доктор нагнулся над Баркером. Быстро и довольно-таки невежливо прощупал рану, после чего что-то шепнул паше на ухо. Тот нехотя кивнул в ответ.

— Встать можешь? Тогда вставай. Ступай домой потихоньку. И благодари аллаха, что Тевфик-паша — человек просвещенный, современный, как и все наши уважаемые гости, поэтому никто сегодня не зарежет тебя, как собаку. Иди домой. Ты мой пациент, ты в Стамбуле гость — тебя не тронут. Завтра не тронут, послезавтра тоже не тронут. Но если через неделю ты все еще будешь здесь, то случится неприятность, дорогой.

Турки вполголоса переговаривались, недобро поглядывая на Красавчика, но, очевидно, убивать его передумали. Это Красавчика устраивало, хотя потраченных усилий было невероятно жаль. Теперь вряд ли выйдет так легко проникнуть

в дом к генералу, и вряд ли получится сделать это в ближай-
шие несколько месяцев. А все его дурацкая жалость!

Красавчик собрался было уже убираться вон, не солоно
хлебавши, как вдруг в зеркале появилось отражение атлас-
ных туфельек лилового цвета. Хозяйка туфельек — маленькая
ханым, протиснулась между офицерами и встала прямо пе-
ред отцом, отгородив Красавчика от всех худенькой своей
спиной. Такой мелодраматичный поворот сюжета оказался
как нельзя кстати. Оставалось лишь разбавить эпизод умест-
ной репликой, а лучше — тяжким стоном, что Генри не пре-
минул изобразить.

— Не беспокойтесь, сэр. Я не позволю вам никуда ехать
в таком состоянии, — бросила Зехра через плечо Красавчику
и повернулась к мужчинам. — Человек ошибся, но ошибся
по незнанию — из-за разницы в наших культурах, а вовсе не
из-за дурных намерений. Странно, что многие здесь не спо-
собны такой простой вещи понять. Эрхан-бей... Я умоляю
вас как ваша будущая супруга. Альпер-бей, я прошу вас по-
чтительно как ваша будущая дочь. Отец, я настаиваю... Се-
годня — моя помолвка, мой большой день. Будь великоду-
шен, прикажи разместить нашего гостя до утра в гостевой
мансарде.

Прислушиваясь к звонкому голоску невесты, исподтиш-
ка разглядывая в зеркале безразличную гримасу жениха,
встревоженное лицо доктора Потихоньку и полный отече-
ской нежности взгляд генерала, Баркер совершенно опреде-
ленно решил как-нибудь при случае поблагодарить аллаха.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О переменах в мировоззрениях и изменениях в планах

Там же

В Стамбуле говорят — «честная ханым и от петуха бежит». Для женщин робость здесь считается достоинством, а решительность и смелость наказуемы. С самого рождения турчанка знает, что однажды она выйдет замуж и главным ее приданым будет непорочность, скромность и послушание. До свадьбы честь турецкой девушки находится под строгим присмотром родных, после свадьбы ответственность за жену и ее поведение в обществе принимает супруг. Впрочем, этого и не нужно — турчанка сама прекрасно знает, как себя блюсти и никогда... никогда не опозорит семью недостойным поступком. В Стамбуле про лучших девушек говорят — «знает, как встать, и как сесть», что означает абсолютную безупречность в поведении.

Правда, нынешние стамбульчанки не так благовоспитанны, как прежде и, ходят слухи, что некоторые запросто открывают лицо в компании незнакомцев. А некоторых турецких воспитанниц галатского католического пансиона на прошлой неделе видели катающимися в трамвае, в мужской его половине. Нахалки громко смеялись, дразнили

кондуктора и грызли тыквенные семечки. Кошмар! Если так дальше пойдет, глядишь, скоро они и брюки начнут носить, научатся курить табак, водить авто, как какие-нибудь развратные француженки, а там и университетов захотят! А все потому, что Стамбул нынче не похож сам на себя. Каждый район, каждый квартал, каждый переулок города захватили чужаки. Куда ни плюнь, попадешь в гяурскую рожу. В Харбие русские, на Галате греки, в Бешикташе англичане. Американцы, итальянцы, индусы и даже арапы, черные, белозубые и глазастые. Точь в точь гаремные евнухи. Был великий город Истанбул, да весь вышел! Поменяй ему название на Вавилон — не ошибешься. И какое же счастье, когда твоя дочь среди всей этой грязи и бесстыдства осталась, как и положено девушке, скромной и доброй. Счастье, когда можешь с чистой совестью вложить ее руку в руку ее нареченного, когда уверен, что ни словом, ни жестом, ни мыслью дочь твоя себя не опорочит. У достойных родителей — достойная дочь! Внуков бы вот еще, побыстрее.

Тевфик-паша в последний раз обошел дом, лично проверил, не дрыхнут ли сторожа и заперты ли все двери, и лишь потом, отпустив ординарца, направился к себе. Перебрав почту и раскрыв свежий «Заман», до которого с утра по понятным причинам не дошли руки, паша нахмурился — новости в последнее время были одна другой хуже. Впрочем, были они такими уже лет шесть. Тевфик винил во всем немцев, их надутого Кайзера, болтливого генерала фон Сандерса и дрянную интендантскую службу. Союз с Пруссией, который, казалось, должен был нести одни лишь победы, оказался для Турции фатальной ошибкой. Османская империя рухнула почти в одночасье, став вдруг похожей на развалины старой крепости Топкапы. Когда-то непобедимая армия

Османов превратилась в толпу голодных оборванцев, а халиф оказался всего лишь куклой в руках победителей... всего лишь куклой. Тевфик-паша скрипнул зубами. Он пытался... Из всех сил пытался убедить себя, что перемирие с бывшим врагом — вынужденный шаг, и что и султан, и великий визирь пошли на это, скрепя сердце, что покориться врагу требует куда большего мужества, чем героически погибнуть самим и погубить страну. Но все же был Тевфик-паша боевым офицером, и поэтому терзала его душу ненависть и к бывшим противникам — теперь вдруг «благодетелям», а еще больше к торгашам и гяурским прихвостням из нынешней Блистательной Порты и военного министерства. Происходящее вокруг заставляло генерала все чаще сомневаться в тех, кого он прежде считал друзьями. «Деньги, власть, нефть... И никому дела нет до того, что станет с моей Турцией... Шакалы! Грязные, алчные шакалы!» — Тевфик-паша плеснул себе на полпальца раки, разбавил водой. Резко запахло анисом. Одним махом опустошив бокал, паша открыл бюро и достал чернильницу. Он и так слишком долго медлил.

«Мустафа-Кемаль, полагаю, что мы, как люди одинаково заинтересованные в процветании Турции и турецкого народа...» — почерк был размашистым и немного (ровно столько, сколько этого требовалось, чтобы адресат понял — ему пишет находящийся рангом выше) небрежным.

О! Этот Мустафа-Кемаль, этот напoмаженный щенок из провинции, этот карамельный щеголь, бабник и пьянчужка, был генералу омерзителен. Его внезапную политическую карьеру паша считал результатом грязных закулисных игр, а военные успехи — чистой случайностью. Да вот только для Тевфик-паши... да что там для паши... для всякого настоящего турка выбор выходил невелик: либо этот выскочка

из Салоников, позволяющий своим прихвостням называть себя Ататюрком, то бишь отцом всех турков, либо бесконечный, несмываемый позор до самой смерти. Жить под игом неверных? Терпеть их высокомерные насмешки? Их снисходительный тон? Их подачки и плевки? Ну уж нет! Тогда лучше сразу пулю в лоб.

Тевфик-паша подумал с полсекунды, отложив прежде написанное в сторону, вытянул из стопки чистый лист.

«Мой Ататюрк! Я и мои офицеры готовы присягнуть тебе...» — почерк был аккуратным и очень выверенным. Таким почерком пишут лишь султану, великому визирю и родителям.

«Ты сошел с ума, Тевфик дорогой, — закричал бы доктор Альпер, окажись он сейчас рядом. — Ты что? Переходишь на сторону разбойника? Бунтовщика! Негодяя!» «Тебя шайтан попутал? Как можешь, дорогой? Это же измена!» — добавил бы, схватившись единственной своей рукой за лысую голову. Но однорукого доктора здесь не было, поэтому паша прижал пресс-папье к исписанному листку, тут же содрал промокашку с зеркально отпечатавшимся текстом, сжег ее в пепельнице и лишь после этого запечатал конверт. Конверт Тевфик-паша с утра собирался передать своему будущему зятю, чтобы тот отвез его прямо в Анкару, «выскочке» в руки. То, что мальчишка — давний и восторженный кемалист, для генерала секретом не являлось. О политических пристрастиях амбициозного юнца в Стамбуле не знал, пожалуй, только его отец. Да и то верно — к чему страшась всяких перемен старику лишние переживания. После Сарыкамыш, а особенно после своего увечья, стал доктор Альпер трусливым, как дворняга, которую избили до полусмерти и которая начинает повизгивать и пресмыкаться, едва лишь на нее

замахнешься. Доктор — славный человек, вот только как мужчина и солдат, увы, закончился. Как будто вместе с рукой ему ампутировали смелость и мужество. Дача где-нибудь в измирском вилайете, пешие прогулки под ручку с женой, по пятницам мечеть, по субботам чай и нарды с соседом — на большее доктор бей теперь вряд ли способен. То ли дело Тевфик-паша! Он еще послужит родной Турции!

Намаз генерал бить не стал. Зато с удовольствием выпил еще два бокала анисовой водки. Потом забрался под одеяло и немедленно захрапел. Снилось ему, как сидит он на краю деревянного лодочного пирса, опустив босые ноги в Босфор, в руках у него удочка, а рядом ведро, в котором замерла по стойке «смирно» громадная, размером с фугас, форель. И как бегут к нему из дома внучата, мал-мала меньше, все румяные и щекастые, и кричат: «Деде! Деде! Дедуля, дорогой, покажи рыбку!»

А вот интересно, что бы видел во сне Тевфик-паша, знай он о том, что происходит на женской стороне его дома? Что дочка его — красавица и скромница Зехра, мечется по своей комнате, которую по привычке все еще называют детской? Что рядом с любимыми куклами стоит на ее неразобранной кровати раскрытый саквояж, в который она уже сложила свой дневник, и диплом галатского женского пансиона, и три лучших акварели, на которых нарисована Девичья Башня, деревенская мазанка в мальвах и кот Памук? И что в руках у Зехры шляпка, которую ей купил отец, но надевать которую в Стамбуле нет никакой возможности, потому что она чересчур модная, яркая и со слишком коротенькой вуалеткой? И что лицо у Зехры заплаканное, а руки дрожат? Что бы

видел во сне генерал, знай он о том, что в комнате, которую по привычке все еще называют детской, привалившись спиной к оклеенной обоями «в ситчик» стене, сидит мужчина. А то, что на нем надета женская одежда, и что он послушно закрывает глаза, когда Зехра командует «закрой глаза», не делает его меньшим бесстыдником. Что бы снилось генералу, догадайся он, что в самых его надежных тылах случилась самая страшная измена? Измена двойная. Ведь ночью в серале находился не просто мужчина — неверный. Судя по раскатистому характерному «р» — уроженец Соединенных Штатов.

— Зехррра, поторопись! Нужно успеть до утра... — даже шепот его звучал абсолютно по-американски. Как будто в уютную девичью комнатку вдруг ворвался сам Нью-Йорк с его грохотом, лязгом, шумом и суетой.

— Нет! Не могу... Презираю себя! Ведь умоляла же ...Говорила же, что все! Что я помолвлена, чтобы ты больше сюда не приходил! Ну почему? Почему ты не послушал? Ну, что мне теперь делать?

— Я люблю тебя! Больше жизни люблю! И ты меня любишь! Тебе надо просто уйти со мной!

— Аллах свидетель! Я думала, сумею перетерпеть, забыть... Но сегодня днем, когда за тебя так испугалась, поняла — не могу без тебя! Люблю! Больше жизни!

Что бы снилось генералу, подслушай он этот разговор?

К счастью, Тевфик-паша спал, спали и все остальные в доме, изнуренные большим и не слишком удавшимся (благодаря стараниям Красавчика Баркера) праздником. Поэтому комната, которую по привычке все еще называли детской, оставалась в полном распоряжении невесты и ее таинственного возлюбленного.

— Но ведь я — честная девушка! Я слово дала! Я помолвлена! Кольцо вот... Аллах-аллах! Что я творю? Меня все родные проклянут! Что? Что ты творишь со мной?

— Я люблю тебя! И, пожалуйста, Зехра, быстрее! Нужно убраться отсюда до утра! Поторопись!

Тон, которым это говорилось, был печальным, но твердым. А по тому, с какой непоколебимой уверенностью спина юноши теснила обои «в ситчик», было очевидно — он принял решение, решение это не оспаривается, и один он из этой комнаты (которую кто-то еще почему-то называет детской) не уйдет. Кажется, именно эта неумолимость заставляла девушку бегать еще быстрее, нервничать еще сильнее и пихать в саквояж совершенно ненужные вещи, например, здоровенные пальцы с неоконченной вышивкой.

— Послушай... — она вдруг остановилась посреди комнаты, посерьезнела. — Ты точно понимаешь, что это для меня значит? Я ведь... Я ведь не европейка, не американка... Я ведь... То есть... Я должна быть уверена, что ты знаешь — если я уйду с тобой, то для меня это... как смерть, только много хуже!

— Зехра! Я люблю тебя! — у него были такие длинные несуразные ноги, и они так нелепо высывались из-под чаршафа, что он мог бы выглядеть ужасно смешно... Да вот только голос его — измученный и от этого слишком ровный, не допускал ни капли комедийности. Именно так выглядят и говорят шуты за кулисами после представления — вроде бы все еще в рыжем парике и с носом, но почему-то держаться за животики никому не хочется. — Зехра! Помнишь, что я тебе рассказывал? Про то, кто я, зачем я здесь? Про то, что со мной случится, если меня найдут? Для меня это тоже смерть... только много... много хуже! Но это уже не имеет значения, потому что есть ты! А ты — главное! Ты — мое все!

— Да? Да! — она вдруг успокоилась. Вздохнула как-то совсем по-женски, тихо и очень ласково, совершенно неподходяще ни для комнаты, которую в доме почему-то еще называли детской, ни для обоев «в ситчик», ни для кукольной лупоглазой шеренги. Вздохнула так, словно за один вздох простилась с прошлым. Потом захлопнула саквояж, выкинув вон дурацкие пальцы и дневник с акварелями. Подошла к юноше и, присев рядом с ним на корточки, улыбнулась. — Вот. Я собралась. Сейчас принесу то, что ты просил... И поторопись! Нам нужно успеть до утра!

Порой жаль, что во сне мы видим не то, что происходит на самом деле. Тогда бы скольких бед мы могли бы избежать. Тогда Тевфик-паша увидел бы вместо форели размером с фугас то, как дочь его — умница и скромница Зехра, которая лишний кубик лукума стеснялась взять без поощрительного кивка отца — вскрыла домашний тайник (ну а где ему еще находиться, как не в серале, в тайном ящичке туалетного столика генеральши?) и достала оттуда с десятков золотых браслетов, тугую колбаску из монет и небольшую металлическую фигурку Моржа на коротком шнурке.

— Жди. Я постараюсь быстро, — шнурок юноша накрутил себе на палец. — И не беспокойся. Он вспыльчив, груб, но он... знаешь... Он умеет быть великодушным. Даже к таким подлецам, как я.

— Ты не подлец. Ты — лучший! Я люблю тебя! Жду! Отсюда прямо по галерее, потом за отцовским кабинетом направо, через две двери будет поворот налево, а дальше наверх в мансарду... Жду! — девушка быстро шагнула вперед, приподнялась на цыпочки и прижалась губами к чадре, которую молодой человек (вот ведь незадача) так до сих пор и не откинул.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О перемещениях в пространстве

Часы Красавчику вернули вместе с феской и тростью. Лучше бы отдали кольт, но рассчитывать на это было бы глупо. Феска, трость, часы... Спасибо и на этом, господа турки.

Красавчик поднес циферблат к глазам — через минут сорок-пятьдесят должно было рассвети. Пора было уже заняться делом, ведь именно предрассветный час лучше прочих подходит для одиноких прогулок. Это час, когда опытный человек может с минимумом неудобств прошвырнуться по чужому дому, если только дом не охраняется, как федеральный резерв Соединенных Штатов Америки. Красавчик выглянул в окно мансарды, чтобы еще раз убедиться — без потасовки прорваться не выйдет. Трое сторожей кемарят вполглаза на скамье возле ворот, еще трое фланируют вдоль забора. А сад и дорожка, ведущая к задней калитке, патрулируются по меньшей мере дюжиной до зубов вооруженных башибузуков.

Охранники о чем-то переговаривались вполголоса, и Красавчик впервые пожалел о том, что за два месяца удосужился выучить лишь два турецких слова — «чай» и «тамам», где «чай» означало чай, а «тамам» — все остальное. Ситуация выглядела погано, а с учетом раненой ноги, погано вдвойне.

Впрочем, у Красавчика имелась трость, в трость был вставлен отменный клинок, к тому же, за углом его поджидал Креветка. Пятьдесят на пятьдесят — так бы оценила шансы Ма и тут же полезла бы в драку. Пятьдесят на пятьдесят, сказал бы Гуталин, и тоже попер бы на рожон. Но им не надо было думать о Малыше Стиви, которого, останься Красавчик сегодня здесь с раздробленной башкой, никто уже не вытащит. Эх! Как бы пригодилась сейчас Жужелица, разом избавив Генри от сомнений. Но, увы, Жужелицы под рукой не было, поэтому Красавчику пришлось обойтись старым проверенным методом.

«Орел — рублюсь с турками, решка — жду утра и валю ни с чем», — пятицентовик взмыл в воздух. В эту же секунду в дверь поскреблись, и Красавчик моментально скатился за кровать, прикрывшись на всякий случай матрасом. Монетка звякнула ребром о кованую спинку и отскочила в дальний угол.

— Валяй, входи! — проорал Красавчик, поудобнее перехватывая трость.

Дверь распахнулась.

И ни «здрассте» тебе, ни «как поживаете». С места в карьер, как будто так и надо. Как будто Красавчику больше заняться нечем, чем сидеть и ждать, когда к нему в комнатуху завалится нежданный предрассветный гость.

— Нужна ваша помощь! Вот! Держите! Я знаю, вы пришли за ним! Держите, и дайте мне возможность все объяснить! Это очень важно и для меня, и для вас, сэр!

Все еще упрятанный в чаршаф, мужчина (в нем Красавчик безошибочно вычислил незадачливого возлюбленного

генеральской дочери) держал в левой руке подсвечник, и веселая тень приплясывала вместе с пламенем, запаздывая на полтакта. От порывов сквозняка сначала вздрагивал огонек, а через четверть секунды — тень. Но не пляшущая тень взволновала Красавчика. И даже не то, что на пальце молодого человека болталась туда-сюда фигурка Моржа, привязанная к короткому шнуру, и даже не то, что невестин дружок говорил без малейшего акцента. Голос... Ах ты! Аболиционисты твою бабушку дери! От этого голоса у Красавчика перехватило дыхание, потому что принадлежал он Малышу Стиви! Полсекунды хватило Генри, чтобы восстановить в памяти все сегодняшние эпизоды, в которых был задействован «голубок». Вот галерея — человек, одетый в женское, машет рукой, вот зала в серале — мальчишка «греется» у печи, вот он поднялся и замер... вот шагнул назад, напугавшись разоблачения. Чертово тряпье, да еще то, что парень нарочно старался двигаться, будто баба, не позволяли Баркеру с уверенностью сказать: да, это Стиви, или нет, это не Стиви.

— Мистер Баркер... Сэр! Возьмите фигурку! С ней вы легко прорветесь через охрану... Я бы отдал вам и браунинг, но он может мне понадобиться. Сэр, я прошу вас! Отвлеките погоню, сэр! Если бы я был один, справился бы сам, но со мной будет она... Зехра... девушка... Прошу вас, сэр!

Определенно, это говорил Малыш, но как... Как? Как он здесь оказался? И что за чушь он несет? Красавчик, несмотря на тянущую боль в бедре, одним прыжком подскочил к юноше и бесцеремонно содрал покрывало с его головы. «Баркеровский» нос, высокие скулы, упрямо сдвинутые брови, а главное глаза — синие, как небо над Пенсильванией, а не мутные от настойки белладонны и не разноцветные... Если еще мгновение назад Красавчик решил было, что старая

стерва Марго опять воспользовалась Малышом для своих сучьих целей, то теперь никаких сомнений не оставалось.

Перед Красавчиком стоял подлинный Малыш Стиви, маленький его братишка. Потеряшка-дурачок.

— Малыш! Как же я рад... Как рад я тебя видеть! Где ты застрял? Как выкарабкался из лап этой заплесневелой карги? Хотя, что я спрашиваю — ты же Баркер! Но почему ты меня не отыскал? Тьфу! Да ты и не мог найти... я бы и сам себя не нашел в этой дыре! Тебе помощь нужна? Черт! Что я несу? Ты же сам только что сказал, что тебе нужна помощь! Но дай же я тебя сперва обниму! Я ведь беспокоился за тебя, сопливая твоя рожа! А ты тут! Ну, надо же... Наш дурашка Стиви жив, здоров, к тому же влюбился! С ума сойти! Ма так точно сойдет с ума!

Красавчик неуклюже облапил брата, все еще продолжая приговаривать вслух, что вот ведь удивительные дела — Малыш взял и втрескался в турчанку. Он сильно разволновался, может, поэтому не насторожился оттого, что Малыш не спешит с ответными излияниями братской любви.

— Сэр! Погодите же! Да стойте же! Выслушайте меня — я не Стиви! То есть... Меня зовут Стивен, но я не ваш брат. Ваш младший брат мертв. Стул... или, возможно, виселица — не знаю, что там предусмотрено законом штата, где его приговорили. Мне жаль, сэр! Но я — не Стиви!

— Какая виселица, какой стул, какой к ушам собачьим сэр? Ты что порешь? — «баркеровские» золотистые брови недоуменно сошлись к переносице.

— Когда вы последний раз видели своего младшего брата — Стивена Баркера, сэр? Я имею в виду, до нашей с вами встречи на «Аквитании», — Малыш, то есть тот, кого Красавчик все еще считал Малышом, ждал ответа, нетерпеливо

покусывая верхнюю губу — очень по-баркеровски, между прочим. Даже как-то слишком «по-баркеровски», если поразмыслить.

«В девятьсот третьем. Или чуть позже. В старой норе Ма под Арканзасом. Малыш тогда еще пешком под стол ходил. Смешной такой, смышленный мальчонка... Мы еще с ним котят малевали угольком. Пароходики. А больше и не видел — как убрался в Чикаго, так и не довелось встретиться с братишкой. Узнавал про него все больше от Ма, ребят, ну, и по слухам».

Нет! Ничего этого Генри не произнес вслух. Всего лишь крепко подумал про себя, свел друг с дружкой кой-какие нескладухи, еще раз прокрутил в голове все события, начиная с появления Печатки, и заканчивая пресловутым ужином в Восточном Экспрессе. Затем заставил себя посмотреть на стоящего напротив мальчишку не глазами старшего брата, но хладнокровного наблюдателя. И вдруг прозрел, все понял и заржал вслух сам над собой. Ржал вкусно, раскати-сто и искренне, как будто ему только что показали отличную комедию. Как будто вовсе не было ему бесконечно горько за настоящего маленького Стиви, за себя, получившегося в этой истории круглым болваном, а главное, за то, что взяли его тепленьким, поймали на братскую бескорыстную любовь, как на живца...

Мальчишка ждал, пока Генри прекратит хохотать, но тот все никак не мог успокоиться. Нет! Ну, надо же, как его облапошили масоны! Подсунули парнишку, выбрали ведь где-то до чертиков похожего на него самого, да еще и так ловко натащали! Генри перебирал в памяти мелочи, которые казались ему прежде такими искренними, уморительными и для деревенского паренька такими подходящими.

Вспомнил Красавчик то, как старательно строил из себя мальчишка увальня и неумеху, как радовался парижским обновлениям, и как неуклюже щурился, изображая близорукость. Как таращился на иностранцев в поезде — «ах, Генри, итальянцы... ох, Генри, французы» — ну, точь в точь олух Джонни из баек про красношеих канзасских фермеров. До Красавчика внезапно дошло, что пацан вовсю переигрывал, а он весь этот дешевый харч лопал без подливки. А все потому, что хотел лопать! Хотел, чтобы хотя бы в тридцать с гаком годиков случилась у него хоть какая-то семья.

Красавчик скрипнул зубами, пораженный догадкой — а ведь только старый скунс Соломон Шмуц догадывался, на что может пойти Генри ради младшего братишки.

— Выходит, мертвый Малыш-то? Жертва, выходит, правосудия? Вон оно как, — смех резко оборвался. Теперь Генри говорил так, словно гладил против шерсти собственную ярость. Медленно и через силу. — Ну и кто ж такой тогда будешь у нас ты? Отвечай, масонская гнида! Раз ты сюда явился, значит, без меня тебе никак... Значит, готов все свои секреты раскрыть, как на духу... Ну? Валяй! Исповедуйся, сучонок!

Мальчишка даже не дернул подбородком, когда Генри приставил к его горлу острое клинка, как будто был к такому развитию событий готов. Впрочем, почему это «как будто»? Что еще мог он ожидать от человека, который только что узнал, что он вовсе не козырь, а разменная карта в руках игрока.

— Меня зовут Стивен, сэр. Правда, не Баркер, но это не имеет значения. Я... Я должен был за вами следить, вас контролировать, направлять, а потом... Когда все закончится... Вас устранить, сэр.

— Значит, кокнуть собирался? Ну! Жми дальше, а то у меня руки чешутся выпустить тебе юшку, — Красавчик пощекотал кончиком стилета совершенно «баркеровский» кадык Лже-Стиви. Крошечная капля крови выступила на шее юноши. Тот побледнел, но тут же справился с собой и продолжил.

— Ведь вы наверняка кое-что уже поняли про предметы, сэр? Если да, то должны понимать, никто не позволит вот так, как вам заблагорассудится, рыскать за ними по Европе? Настоящий охотник здесь не вы, а я. А вы — ищейка. Отличная ищейка, может быть, лучшая за последние пару веков. И, увы, чужак... Мы поздно на вас вышли, сэр, всего лишь десять лет назад. Еще десятком лет раньше, и все сложилось бы иначе. Вас воспитывала бы ложа, вы бы стали одним из нас. Да только объявились вы слишком поздно. Вы — хороший человек, мистер Баркер, но... как это... ну, знаете... — мальчишка замялся.

— Туповат, — подсказал Красавчик, ухмыляясь. — Угадал?

Ответом ему было красноречивое молчание.

Красавчик прищурился. Если во всем этом дерьмовом балагане ему отводилась незавидная роль шестерки (или как там масончик сказал — ищейки?), то почему именно он? К чему весь этот поганый цирк? И какого черта ему вообще показали список, если тут все засекречено и опечатано, как у монашки в панталонах? Ищейка... Какая к ушам собачьим еще ищейка?

— Так, какая к ушам собачьим ищейка? Какие десять лет? Я ваши кислые рожи увидел впервые три месяца назад...

— Выслушайте меня, сэр... — мальчишка набрал в себя побольше воздуха и замер, будто перед прыжком в пропасть.

Видно было, что ему нестерпимо трудно, почти невозможно сказать то, что он сказать собирается.

Красавчик знал это выражение лица. С таким лицом закладывают копам лучших своих друзей. Закладывают от отчаяния, когда иного выбора нет, когда все, что было до этой секунды, останется навсегда в прошлом, а ты пойдешь жить дальше с уродливым каиновым клеймом.

— Валяй! У тебя десять минут. Присев на край кровати, Красавчик бросил взгляд на часы. До рассвета оставалось совсем немного.

Давным-давно, во времена рыцарей, прекрасных дам и злых драконов...

На самом деле, ни о каких рыцарях и драконах речи не велось, хотя зашел мальчишка уж очень издалека. Начал с того, что еще черт-те знает когда кое-какие чересчур возомнившие о себе умники взяли, да и назначили сами себя главными по предметам. Любопытно, что серьезных причин у них для этого не имелось, разве что ребятки умели читать, что по тем временам считалось чуть ли не чудом, имели доступ к монастырским библиотекам и немного сообразительности. Ну и попались им на глаза интересные записи про «чудесные вещицы». А потом и сами «вещицы». Вот умники и постановили, что они вправе решать, как этим добром распоряжаться. Вещей было — кот наплакал, толку от них было чуть... но идея! Идея управлять миром, распределяя предметы «правильным образом», показалась господам Хранителям (так они себя окрестили) весьма привлекательной. Ну а что? Многим кажется, что лишь они понимают, как должно выглядеть всеобщее счастье. (К примеру, Ма любила за ужином,

наливая себе бурбона, напомнить детишкам, что они — безмозглые хорьки, никто за их жизнь не даст ни цента, и лишь она — их дорогая мамочка — точно знает, как лучше.)

Вскоре, однако, выяснилось, что предметов вокруг гораздо больше, чем могут себе представить Хранители, и что не все из них безопасны и годятся лишь для того, чтобы зимним вечером развести в камине огонь. Тут бы господам опомниться, понять, что человечество, в общем-то, прекрасно до этого обходилось без них, и заняться чем-нибудь приятным, например, разведением фиалок. Да вот только сохранять мировой порядок — хобби куда более захватывающее. Открывает гораздо больше простора фантазиям и амбициям. Тут тебе и тайные ложи, что прячутся под прикрытием существующих мистических орденов. Тут тебе и ритуалы, и секретный кодекс, за нарушение которого, разумеется, полагается смерть. А как же иначе? Если ты подписался вершить судьбы мира, то будь добр — соответствуй. Будь суров, аскетичен и немногословен. Квадратный или треугольный фартук, шелковый балахон и колпак с прорезями прилагаются. Такие веселенькие хобби подобны чуме. Поэтому довольно скоро ложи Хранителей появились повсюду. Были установлены ландмарки, в пределах которых группы местных Хранителей осуществляли «контроль над человеческим счастьем», и вот уже Хранители от Владычицы Морей не лезли на территорию Речи Посполитой, а Австро-Венгерская ложа могла лишь рекомендовать шведам, как тем лучше распорядиться своими предметами.

Сами Хранители «благородно» предметами не пользовались... А зачем? Чтобы вспахать целину, вовсе не обязательно самому идти за плугом — достаточно правильно распределить «инвентарь». Зато они вели скрупулезные записи,

сlediли за тем, чтобы предметы не доставались людям, на мудрый «хранительский» взгляд, недостойным или неспособным воспользоваться ими должным образом и в полную силу. При необходимости изымали и перераспределяли. При острой необходимости прятали до подходящего случая. Хранители пытались вычислить закономерности взаимодействия предметов, определить наилучших владельцев и составить цепочки оптимального «предметонаследия». Происхождение «волшебных» вещей беспокоило их не меньше, но тут версий было столько, что во избежание путаницы вопрос постановили раз и навсегда закрыть. Вообще, дискуссии внутри лож не прекращались и порой бывали весьма жаркими. Каждая ложа, а внутри ложи и каждый Хранитель имел уникальную точку зрения на то, как наилучшим образом следует хранить.

Но все же, несмотря на чудовищные разногласия, долгое время это была одна организация, со своими законами и Кодексом чести и с единой, довольно немудреной идеей сохранения мировой гармонии. Хотя, что бы там кто ни заявлял, мол «Хранители вне политики» и «для Хранителя не существует границ», в первую очередь всегда рассматривались интересы собственных территорий. Своя рубашка, как говорится...

Шли годы.

Невозможно вычислить даже приблизительно, когда от единого ордена осталось лишь название и бессмысленный свод правил. Нет. Все еще съезжались на ежегодный совет главные магистры тайных лож, все еще зажигались свечи, надевались фартуки и балахоны, все еще шла тайная переписка и обмен сведениями. Вот только сведения эти были либо давно просроченными, либо насквозь лживыми, а переписка становилась все больше похожа на переписку давно

уже опостылевших друг другу любовников — за осторожными словами скрывались обиды и взаимные обвинения. Внутри лож тоже начался раскол. Молодые магистры собирали вокруг себя сторонников, организовывали собственные ложи, исчезали, прихватив с собой архивы. Информация о предметах начала просачиваться наружу. Ее обменивали, ею торговали, при помощи нее шантажировали и подкупали. В дела, которые прежде считались доступными лишь избранным, стало вмешиваться правительство. Слишком много алчных и тщеславных людей получило доступ к данным о предметах и к самим предметам. К началу двадцатого века европейских лож, как таковых, не осталось, а самих Хранителей можно было пересчитать по пальцам. Почти все из них были так или иначе замазаны в политике, а те Хранители, что все еще оставались верными идеям ордена, вызывали у остальных в лучшем случае недоумение.

— Вам все ясно? — мальчишка внимательно следил за выражением лица Красавчика, пытаясь определить, понял ли гангстер хоть слово из сказанного.

Если бы Красавчик любил сказки, он бы точно впечатлился услышанной только что историей. Но сказок он не любил. Из Ма рассказчица была так себе, все ее истории имели воспитательный характер, поэтому заканчивались примерно одинаково — «и дурачка линчевали». Иногда «дурачка замели копы», иногда «дурачку прострелили его тупую башку».

Сказок Баркер не любил. Поэтому остановил мальчишку жестом:

— Ясно... Все, как у всех. Как в Чикаго. Макаронники держат один район, ирландцы другой, в чайна-тауне заправляют

желтые... К друг дружке не суются. Есть договор — есть порядок. Но все равно однажды кто-то один лезет в бутылку, кому-то другому кажется, что его обделили, и начинается бардак. Общак разворован, полгорода в трупах, шлюхи рыдают, копы радуются. Год-полтора город стоит на ушах, а потом откуда-нибудь появляется новый козырный, наводит порядок и подбирает весь бизнес под себя. Ничего нового. Сворачивай болтовню. Осталось три минуты.

— Вот сейчас в Европе и есть такой бардак. А Америка и есть такой козырный, — мальчишка проигнорировал нетерпеливый тон Красавчика, продолжил размеренно, как будто читал наизусть псалом.

«... да будут дни его кратки, и достоинство его да возьмет другой; дети его да будут сиротами, и жена его — вдовою; да скитаются дети его и нищенствуют, и просят хлеба из развалин своих; да захватит заимодавец все, что есть у него, и чужие да расхитят труд его...»

Мировая война и многочисленные местечковые смуты внесли и в без того не слишком удачливую судьбу европейских хранительских лож свои коррективы. Из-за гибели одних Хранителей, предательства других, из-за равнодушия третьих огромные европейские территории остались полностью без контроля. Архивы этих территорий были утеряны, агентурные сети развалились, и отследить и проконтролировать известные предметы представлялось почти невозможным. К тому же, из-за утечки данных в гонку за предметами включились все, кто хоть что-то о них слышал. Разведки, контрразведки, тайные полиции, промышленные картели, профсоюзы, существующие режимы и их оппозиции,

террористические организации, да просто солдаты удачи — все они направились по следу вещей и их владельцев...

И тогда американская ложа, в отличие от лож европейских богатая и сильная, решила на охоту за предметами на чужом континенте.

— По понятиям живете, братишки, — понимающе хмыкнул Красавчик. — Пока хозяева в отлучке, прете все, что найдется.

— Ну, вообще то это даже в Кодексе прописано, — почему-то обиделся мальчишка. — Если где-то нет Хранителей, то любая из существующих лож может считать эту территорию охотничьими угодьями. И другие ложи обязаны охоте всячески содействовать. Или не препятствовать, по меньшей мере. Охота — занятие для джентльменов. Знаете, сэр, если быть откровенным, то у нас — Хранителей — не так уж много сведений. К примеру, мы в Штатах смогли отследить не больше десяти европейских предметов, и те — с огромным трудом. Остальные ложи знают примерно столько же. Поэтому даже самый ловкий охотник никогда не выберет с чужой территории все предметы до последнего. Если только рядом с ним нет ищейки!

— Похоже, мы дошли до сути! — у Красавчика напряглись жилы на шее. — Зачем я? Почему ищейка? Ну, в камушках я — дока, ну картинку сразу запомнить могу, в покер не продуваю обычно...

— Нет-нет! Не это. Вы, мистер Баркер, гораздо больше! Вы — ценность и огромная же опасность для нас всех! Вы рисуете память предметов!

— Чего-чего?

— Память предметов... — тон, которым мальчишка это повторил, был таким, словно речь шла о наследстве в миллион долларов. — Вы рисуете знакомый вам предмет, а потом то, что находилось рядом с ним в ту секунду, когда его последний раз использовали. Понимаете, что это значит? Понимаете, сэр? Та десятка вещей — всего лишь начало. А дальше курьер должен был привезти новые данные. И еще... И еще... Понимаете, сэр? Все те предметы, которые считаются безвозвратно утерянными, могли бы принадлежать Америке... И как знать, может, и что-то новое, прежде неизвестное, тоже выйдет отыскать. Вот поэтому никому чужому, а тем более вам вовсе не следовало догадываться о вашем даре, а еще... еще вам не полагалось жить дольше, чем требуется. Мне, правда, жаль... жаль, что мэтр Шмуц нашел вас всего лишь десять лет назад. Тогда все было бы иначе.

Баркеру вдруг отчего-то смертельно захотелось пиццы — большой итальянской пиццы, такую подают в забегаловке у седого Джованни. Он вспомнил, как с неделю назад намалевал Моржа и что из того вышло, и захотел пиццы еще сильнее. Горячей, залитой желтым сыром, в котором плавают кусочки салями и кружки соленых крепких огурцов.

— Соломон? Ах, ну да... «Рисуй, сынок, рисуй»... А я то думал, идиот, что ему нравится мой стиль...

— Мэтр Шмуц «натаскивал» вас. Все в ложе хотели убедиться, что дар — не случайность, и не исчезнет тогда, когда вы понадобится. Ну и из виду вас выпускать было уже нельзя. Мне жаль... Но теперь, — мальчишка осторожно шагнул к Красавчику, протягивая тому Моржа, — вы можете сами распоряжаться своей способностью. Хотите, ищите предметы — продадите их потом ордену, но только помните о моем предупреждении. А хотите, предложите свои услуги любой

разведке мира. Но только сначала помогите мне... нам. Я понимаю, мне наивно на это рассчитывать... Но притворяться вашим братом я больше не мог, а без вашей помощи мы отсюда не выберемся. Я... я бесконечно люблю ее, сэр!

Все беды из-за женщин! И все самые невероятные глупости, когда-либо совершенные мужчинами, тоже из-за них. Можно сколько угодно предупреждать самого разумного юношу о том, какие непоправимые ошибки он способен совершить из-за длинных кос, стройных ножек и тонкой талии; можно заручиться его словом и письменными уверениями, что он всегда останется хладнокровным и целесообразным... но все это впустую. Ведь даже самый циничный мужчина хотя бы единожды терял голову из-за женщины! Генри Джи Баркеру это было давно известно, поэтому то, что ему рассказал Стиви (который не Стиви) его ни капли не удивило.

— ...и тогда я понял, что потерял вас! Охотник потерял ищейку! Орден такого бы мне не простил... Да что орден! Я был готов сам себя задушить! По десять раз в день я обходил все адреса, где вы могли объявиться. Дежурил на почтамте, облазил все местные госпитали, богадельни и гостиницы... Изучил все константинопольские притоны. Вы представить не можете, сколько здесь притонов! В конце концов, я решил, что произошло самое ужасное — ищейка убита! Тогда я решил искать предметы сам. Это глупо, знаю. Но я был в отчаянии. И начал с простого, с Моржа.

— Да Моржа и нигер бы отыскал... Ну и? — Генри поднялся с кровати, убрал клинок в трость. Подошел к окну и с интересом принялся изучать кладку, прикидывая, сможет ли он спуститься в сад прямо отсюда, не сломав шею.

— Дом-то я нашел, а как в него попасть? Несколько вечеров бродил вокруг, а потом... потом через ограду увидел девушку. Она читала книгу, сидя на садовой скамье. Ну... я спросил ее как пройти к Босфору, не надеясь, в общем-то, что она мне ответит. Девушка могла просто не знать английского, или убежать, испугавшись, или позвать охрану... А она взяла и ответила. Оказалось, она дочь хозяина дома, зовут ее Зехра, она только что закончила французскую школу и ей скучно... Ну, девушка была такой милой и наивной, такой открытой, что я решил...

— ...соблазнить глупышку и заставить ее вытащить тебе Моржа? Да? А потом, оказалось, что сам по уши втрескался? Да... Аххаахаха...

— Это не смешно! — обиделся юноша. — Совсем не смешно. Каждый вечер она выходила в сад, я перелезал через забор и мы сидели и разговаривали, разговаривали до самого рассвета и мечтали, как мы уедем отсюда, купим домик, заведем собаку. И мне уже ничего не нужно было, только слышать ее милый голос и держать ее за руку. А потом... ее отец вдруг заговорил о быстрой помолвке! Я тогда предложил немедленно бежать... В Бразилию или хотя бы вон... в Россию. Кто нас там найдет? Ни орден, ни тем более ее родные! Я ей все-все рассказал. И про себя, и про охоту, и про то, почему я оказался здесь и зачем с ней в тот вечер заговорил... Я думал, она сумеет понять и простить, а она расплакалась и убежала. И не появлялась в саду до самой помолвки. Я с ума сходил! Прятался под ее окнами до рассвета. А вчера, когда я увидел, как собираются гости, когда понял, что я ее потеряю навсегда, тогда решился... Хотел посмотреть в ее глаза последний раз. Спросить, любит ли она меня. А там все равно — жить или умирать. Какая разница, если без

нее? Но теперь... теперь она готова уйти со мной, и я не хочу больше рисковать. Прошу! Помогите сэр, отвлеките погоню на себя...

— Вот дурила... Даром, что масон! А в поезде-то ты зачем в драку полез? Тоже влюбился? Может, ты во все, что в юбке, влюбляешься, а? — удовлетворенно кивнув, Генри отошел от окна.

Ему все еще хотелось выпустить масончику кишки за Малыша Стиви, но он уже понимал — ничего такого он не сделает. После всей той лапши, что сопляк ему тут навешал, мечталось Красавчику посидеть где-нибудь в тихом заведении Джованни с большой круглой пиццей и кувшином домашнего кислого вина, подумать... Помозговать о том, куда дальше. Все планы, которые Красавчик строил эти два месяца, летели к чертям! И запасные планы, и запасные планы для запасных планов, а также еще с дюжину вспомогательных сценариев. Все! Не надо теперь Красавчику было ни спешить за Гусеницей, ни разыскивать предметы. В кармане у Красавчика, рядом с часами лежал Морж и, наверное, фигурку можно было кому-то втюхать за хорошую сумму, но сейчас Генри совсем не хотелось об этом думать.

— В поезде? Заигрался я. Решил, что настоящий Стиви Баркер, окажись он на моем месте, непременно полезет в драку. Ну и потом, сэр... я все-таки джентльмен!

— Сопля ты, а не джентльмен! Пшел вон отсюда! Бегом беги! Через четверть часа слушай сад. Услышишь у ворот шум, стрельбу и так далее, хватай свою турчаночку под мышку и дуйте через заднюю калитку отсюда прочь... И на глаза мне больше не попадайся — Малыша я тебе не простил.

— Сэр... Спасибо сэр... Сэр... Я знал, что вы поймете. Что вы великодушны... Я говорил ей. Я... мы... Мы будем за вас

молиться, сэр! — мальчишка попятился к двери. Огарок чадил, и черный дым кривлялся в воздухе, похожий на хитроумного Карагеца — короля театра теней.

До узкого балкона, обвитого многолетним плющом, можно было добраться двумя способами — либо по внешнему карнизу, либо, как все нормальные люди, через дом. Красавчик выбрал первое, рассчитывая, что карниз достаточно широк, и он на нем легко удержится. Он бы вытерпел любую боль, но раненая нога просто отказалась выворачиваться нужным образом. Через три минуты неуклюжих попыток выбраться наружу через окно, Генри от этой затеи отказался. Комнатка с тем самым удобным балконом должна была находиться не так далеко от его мансарды, добраться до нее можно было минуты за три. Но Красавчику снова не повезло — прямо у мансардной лестницы он наткнулся на древнего старика. Тот сидел на нижней ступеньке, напевал что-то под нос и чистил генеральские сапоги. Окажись на месте старика генеральский денщик или любой из охранников, Красавчик, не думая, вырубил бы его одним ударом кулака. А тут, пока примерился, пока рассчитал силу удара, чтобы не вышибить из деда дух, пока обыскивал, забирал шило и кривой нож, пока оттаскивал под лестницу и связывал осторожно, стараясь не перетянуть и без того синюшные дедовы запястья, прошло времени чуть больше, чем он думал. Дом уже начал просыпаться — пришлось осторожничать, идти медленно, пережидая каждый шорох. Моржом Красавчик пользоваться раньше времени не хотел. Он, если откровенно, совсем не горел желанием связываться с предметами — и так слишком многое ему довелось сегодня про них и про

себя узнать. Надеялся Генри на то, что получится отбить у сторожей оружие и прорваться, как все нормальные люди, со стрельбой и резней, а не как чертовы колдуны.

В общем, до дверцы, за которой предполагался вожденный балкончик, Красавчик добрался не так быстро, как ему хотелось бы. Да и с замком пришлось повозиться — отращенный в Чикаго «замочный» ноготь пришлось еще до поездки спилить. Тут Красавчик кстати вспомнил о дедовом шиле и вопрос немедленно решился в его пользу. Дверь поддалась и распахнулась. А вот балконная дверца, хоть и выглядела хлипкой, оказалась не в пример капризнее. Провозившись с ней целых три, а то и все четыре минуты, Генри плюнул, втянул кулак в рукав и размахнулся, чтобы со всех сил ударить по окну.

Откуда-то издалека слышалась беспорядочная стрельба... Несколько одиночных выстрелов из ружья, потом мужской смех. «Ворон гоняют... или кошек», — догадался Красавчик. Все охранники мира одинаковы, при виде вороны или кошки в любом стороже просыпается инстинкт, и он не успокоится, пока не засадит в нарушителя порцию дробы... или соли, смотря чем заряжена его берданка. Генри снова хорошенько размахнулся...

И тут в саду, уже где-то рядом, раздался мужской окрик. Еще окрик... Хлопок... Грохот... Тишина... Женское бормотание. Хлопок!

Кулак замер в двух дюймах от стекла. Что за черт! Это уже было не сторожевое безобидное ружьишко. Не узнать выстрела из кольта Красавчик не мог. Это был он — родненький. Такой же, а то и тот самый, что отобрали у Генри днем турки. Слышались шаги. Шаги мужские, быстрые, по-хозяйски уверенные. Кто-то спешил от ворот сюда — внутрь

сада. Тут же внизу, под самым балконом забормотали громче и Красавчику почему-то стало страшно. Не сильно, не до пустоты под ложечкой, но он вдруг вспотел.

Зашумел взбудораженный выстрелами дом, кое-где хлопала ставни, застучали по половицам подошвы сапог, зашуршали по коврам домашние чувяки... «Что? Что такое?..» И над всем этим еще негромким, но тревожным гулом раздался вдруг женский крик.

— Стывииииин! Любимый! Стывин!!! Вставай! Очнись, Стывин! Вот смотри... Я здесь, я с тобой, пойду, куда ты скажешь... Стывин!!! Милый... Очнись! Смотри, я здесь! Я и чемодан взяла, и сложила туда все, и пирожки сложила... Стывин!!! Не умирай...

Она произносила «Стивен» как «Стывин» и кричала неумело, очень тихо, как будто шепотом. Уже не раздумывая, Красавчик выбил стекло, вылетел на балкон, склонился над перилами — тело человека по имени Стивен (фамилия неизвестна) лежало поперек мощеной гранитом дорожки. Лежало в небольшой темной лужице и не двигалось. Здесь же была девчонка. Она билась в руках сторожей, мотала непокрытой головой и пыталась что-то прокричать. Но кто-то накинул ей на голову и плечи шаль, прикрывая «стыдное» от мужских взглядов, и она замолчала. Так замолкает канарейка, стоит лишь набросить на ее клетку плед. Подбежали женщины — трое или четверо. Одна, похоже, сама генеральша. Подхватили несопротивляющуюся девушку под руки, поволокли в дом. Она загребала ботиками цветную гальку с дорожек, как капризный ребенок, которого насильно оттаскивают от ярмарочных каруселей. «Вот и все... не будет собаки у вас... ничего не будет», — подумал Красавчик и перевел взгляд на тело незадачливого жениха. По всему выходило, что глупый

мальчишка принял стрельбу сторожей по воронам за обещанный Красавчиком шум и поторопился.

Совесть Красавчика не мучила, он сделал для «голубков» все, что мог, и даже больше. Пришло время подумать и о себе. Перемахнув через перила, Генри вцепился в обжигающий ладони плющ и ловко стал спускаться. Секунда, другая... он спрыгнул прямо на немолодого турка, стоящего на шаг дальше остальных, и свалил того с ног. Вырубить турка ударом в челюсть и выхватить из рук заряженный парабеллум было делом одной секунды. И в эту же секунду Красавчик начал стрелять. Он еще пока спускался, прикинул, что сперва снимет плечистого, потом усатого, а за ним сразу бровастого и одноглазого. Там очередь дойдет и до тех, кто бежит от ворот. В общем, девяти патронов за глаза должно было хватить. Однако непривыкший к немецкому оружию Красавчик, несколько раз промазал. А когда, через несколько секунд, приноровился, магазин его был уже пуст. Турки заклекотали, засуетились, защелкали затворами. Красавчик Баркер прямо почувствовал, как старушка-смерть ласково похлопала его по плечу.

— Морж... Морж, сэр!

— Что? Жив, что ли? — нагибаться и выяснять степень живости масонского выкормыша у Генри времени не было.

Он сунул руку в нагрудный карман, сперва нащупал часы, с проклятьем отшвырнул их в сторону, а потом вцепился в Моржа всеми пальцами, понятия не имея, делает ли он то, что надо, и что вообще сейчас произойдет. А когда трое турок, тех, которые находились к Красавчику ближе всего, вдруг осели на землю и там застыли в неуклюжих позах, Генри опешил. Опешил не он один — остальные его противники замерли в ужасе, уставившись на своих застывших насмерть товарищей.

— Господи Иисусе... Это что за леденцы из жмуриков? — выдохнул Генри.

— Морж... — прохрипел мальчишка.

Случаются мгновенья, когда и надо бы позволить себе минуту-другую на осознание произошедшего, а вот некогда. Это было именно такое мгновение. Красавчик, стараясь не прикасаться к обледеневшим конечностям турок, быстро обшарил их и обнаружил в кобуре у одного из «леденцов» собственный кольт.

— А ты не такой уж и легкий, как мне казалось... — Генри взвалил своего не-брата Стивена на спину и тяжело поковылял к калитке. — Пошли отсюда, пока они не опомнились.

Креветка, за ночь застывший немногим меньше свежемороженных турок, увидев Красавчика в конце квартала, тут же растормошил фаэтонщика и заставил того ехать Генри навстречу.

— Тихо, тихо класть коляска. Бей эфенди кютю... Чок кютю.

— Без тебя знаю, — огрызнулся Красавчик. — Что? Его там бросать надо было? Он, конечно, масон и конфедерат, но все же американец! Едем к Потихоньку... Пусть зашивает! А заочевряжится, так у меня есть, чем его подбодрить...

Генри грозно сдвинул брови к переносице. Потом отвернулся и так, чтобы никто не видел, сглотнул соленый ком. Парень помирал, и чтобы это понять, не надо было быть хирургом. Пуля вошла мальчишке в спину, и вышла наружу спереди, разворотив живот. Кровищи было столько, что фаэтонщик даже ныть не стал, когда увидел, во что превратились ковровые сиденья его экипажа. Махнул рукой и молча принял у Креветки десятидолларовую купюру.

— Морж... Предметы... Я — Иуда? Предал своих, умру теперь предателем? Но ведь не позорно предать из-за любви, сэр? Вы как думаете? А?

— Ничуть не позорно! Ты не разговаривай много... Я тебя сейчас к хорошему лекарю свезу, он тебе кишки обратно вставит.

— Вот... Вы грозились мне кишки выпустить, а теперь грозитесь обратно вставить... Акаахххха... — пацанчик закашлялся, запузырилось на губах розовое.

Красавчик обернулся, хотел сказать Креветке, чтобы тот поторопил фаэтонщика, но тут увидел, как из-за поворота вылетают верхом на скакунах турки. Видимо, из дома подошло подкрепление.

— Гони! — заорал Красавчик.

— Генри... Простите меня за все... Вы — хороший чело...

«И ты меня извини, Малыш», — подумал Генри, и «Малыш» совершенно точно относилось к злополучному мальчишке, который за свою короткую жизнь наделал столько глупостей, что хватило бы человек на сто. Но который все-таки прожил не зря, потому что успел полюбить по-настоящему. «Извини... Так надо». Красавчик кивнул Креветке, и тот столкнул тело того, кого Красавчик Баркер целых четыре месяца считал своим братом, на обочину. Фаэтонщик прыгнул сам — решил, видно, что пара сломанных ребер лучше, чем разmozженная в кашу черепушка.

— Гони!

Креветке не надо было повторять дважды. Он ловко перекатился на облучок, подхватил вожжи и завопил громким фальцетом. «Хайди! Хайди! Чабууук!»

Прорвать шилом солидную дыру в кожаной обшивке фаэтона — плевое дело. А вот стрелять с двух рук, когда ты едешь

в болтающемся, подпрыгивающем рыдване — дело не плевое. Но доставать из кармана Моржа Красавчик не собирался. Турок или японец, кому охота помирать вот так не по-человечески, превратившись в сосульку?

— Куда ты правишь? Едем куда? — крикнул Красавчик Креветке, не оглядываясь. На мушке у него был кто-то очень похожий на самого Тевфик-пашу, и Красавчик размышлял, стоит ли делать сиротой девчонку, уже потерявшую сегодня любимого.

— Капалы чарши... Гранд пазаар. Там есть, где ходить сразу далеко от Истанбул... Секрет! Никто не знает... Креветка знает! Сразу шаг раз-два — и далеко-далеко от Истанбул. Лондра можно. Можно Парис! И Москва тоже можно. Никто плохой человек никогда Красавчик не ловить! Хайди, хайди! Чабууук!

— Чего? Да на кой мне Лондон? Да и Париж не особо сдался. Москва? Вот, Москва, пожалуй подойдет. Ходуля — милый дружок мой, поди, все еще там... Все еще гоняется за Жужелицей. А что? А ведь это дело. Ходуля — человек свой, хоть и нытик. И про чертовы цацки многое знает. Так, может, Ходуля подскажет, кому из их кодлы может понадобится хорошая ищейка...

— Хайди, хайди! Чабууук!

Остановив повозку возле каменной, на первый взгляд абсолютно глухой стены, Креветка скатился на землю и потянул за полу Красавчика. Тот увлеченно целился в чью-то красную феску, и совсем уже было попал, но, получив чувствительный удар крошечным кулачком прямо в бедро, выругался.

— Аболиционисты твою бабушку... Ты что творишь?

— Чабук!!! Быстро!

Креветка потянул на себя огромный мшистый камень, что, казалось, врос в землю веков эдак десять назад, и камень неожиданно легко поддался. И не он один. Целый кусок стены отодвинулся в сторону так легко, словно был нарисован на куске картона. Красавчик пригляделся. Нет — не словно, а на самом деле на куске картона. Пока он рассматривал шедевр неизвестного художника, Креветка живо закатился в открывшуюся щель и замахал ручонками, мол, чего ты там телишься — поторопись.

«Жизнь все-таки странная. Вчера все надо было делать потихоньку, а сегодня наоборот», — философски подумал Баркер, втиснулся вслед за Креветкой и прикрыл за собой ход.

По темным лабиринтам они двигались довольно долго. Креветка бойко бежал впереди, топоча ножками, Баркер лез за ним вслепую, чертыхаясь и то и дело обдирая о камни бока и голову. Несколько раз Креветка останавливался, чтобы «отодвинуть стену», тогда Баркер с размаху налетал на него и чертыхался еще сильнее. Креветка безропотно ждал, пока Красавчик восстановит равновесие, отдышится и продолжит путь. Было ясно, что в этом лабиринте Креветка обитает уже довольно давно, и все здесь приспособлено для того, чтобы легко скрыться от любой погони.

Прошло еще минут пять, пока через еще одну нарисованную стену они не вывалились в маленькое, но очень высокое помещение, больше всего похожее на высохший колодец. Внутри было пыльно и абсолютно пусто, если не считать огромного, в два человеческих роста зеркала на стене. Сперва Красавчику зеркало странным не показалось, а то, что мутное, так может, ему лет пятьсот. Но даже когда он подошел

к зеркалу почти вплотную, отражения так и не появилось. Даже намек на отражение. Даже силуэта. А главное, Баркеру почудилось, что зеркало источает сияние. Действительно, других источников света в «колодце» не оказалось, как Баркер ни озирался. Выходило, что светится зеркальная поверхность.

— Что за дрянь? — опустил Красавчик взгляд на копошащегося где-то между его коленок Креветку и едва не закричал — карлик погрузил в зеркало обе свои ручки по самые плечи. Выражение лица у него было задумчивое, словно он что-то пытался там... за зеркалом нащупать.

— Это? Это дверка другое место, бей эфенди. Можно Москва. Давай! Хайди!

— Дверка другое место... — передразнил Красавчик, уже в который раз за сегодняшнее утро решивший ничему не удивляться. — Я тебе что, клоун, чтобы в стенки башкой нырять?!

— Алле хоп!

Высоко подпрыгнув, Креветка вывернулся в воздухе акробатическим кувырком и ловко ударил Красавчика обеими пятками под ложечку. У Красавчика перехватило дыхание, он, чтобы удержать равновесие, непроизвольно шагнул назад, и еще на полшага... и тут его голову окутало серебристым туманом, тело охватила слабость и Красавчик испугался, что сейчас его стошнит прямо на ботинки. Но не успел он нагнуться, как серебристая взвесь рассеялась. Зато прямо перед Генри замаячили две створки, в которых он без труда узнал створки платяного шкафа. «Ну, не гроб — уже приятно», — Красавчик осторожно толкнул ладонью левую створку. Та с отчаянным скрипом отворилась, и Генри вышел из шкафа. Зброшенная, скудно обставленная комната,

в которой, по-видимому, давно никто не жил, встретила гостя страшным холодом. Похоже, здесь тысячу лет уже не топили.

— Бей эфенди... Я тут! — Креветка выскочил на середину комнаты, как табакерочный веселый чертик. Тут же бросился к сундуку, стоящему у зашторенного окна. Пошарил там и достал какое-то тряпье. — Другое место — Москова! Москова холодно. Плохо. А так будет хорошо. Ножка тепло, животик тепло — хорошо.

— Опять бабьи обноски? Давай-давай. Мне не привыкать... Значит, все ж таки Москова? А что? Отлично! Берем!

Приподняв штору, Красавчик выглянул наружу. Известно, что он ожидал увидеть, но точно не роту красноармейцев, шагающую по заснеженному тротуару куда-то вдаль, по направлению к далеким луковичным куполам и башням из красного кирпича. Шел снег.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О долгожданных и неожиданных встречах

Москва. 2 января 1920 года по новому стилю

«Эх, яблочко, куды ты котисся, в члезвычайку попадес... не волотишься... Готоооовсь! Цельсь! Пли! Улаааа».

Едва ли лет шести отроду, в огромном, перетянutom на поясе веревочкой ватнике, в мохнатой папахе беспризорник орал во всю глотку обидные куплеты и швырялся снежками. Швырялся сверху — больно и очень метко. Ловко оседлав обледеневший конек крыши бывшей богадельни, что на Сивцевом Вражеке, постреленок сгребал вокруг себя ладошками снег, стряпал белые тугие колобки и пулял по только что заступившему в утренний дозор красноармейскому патрулю, состоящему из двух вохровцев. «Готовьсь! Цельсь! Пли! Улаааа!» Серолицый человек в буденовке вел себя по-командирски и нервничал из-за того, что ему приходится подстраиваться под неровный шаг второго патрульного. Второй же ощутимо косолапил и время от времени останавливался, чтобы передохнуть. Эти вынужденные остановки позволяли засевшему на крыше «алтиллеристу» запускать особо точные и болезненные снаряды.

«Готовьсь! Цельсь! Пли! Улааа!»! Каким-то невероятным образом мальчонка умудрялся еще пыхать цигаркой, зажатой между зубами. Дым красивым штопором ввинчивался в небо. Ээх! Вот кабы оказался кто-нибудь сейчас по ту сторону облаков. Вот кабы дернул за этот самый штопор. Вот кабы вылетела невидимая пробка и, вспенившись от рывка, выплеснулась бы в космос, в самую его серединку студеной московской синь... Вот было бы здорово! Да только нет там никого — по ту сторону облаков.

— Прикончу засранца! — беззлобно погрозил кулаком буденовец, получив чувствительный удар снежком в затылок. Шевельнул для острастки плечом, будто собрался тут же скинуть со спины трехлинейку.

— Позалей, дядя. Не стлеляй силоту — я тебе лутце пещенку спою. Опа-опа. Амелика-Евлопа. Тли плитопа, тли плихлопа. У цекиста в тсыпках зепа!

— Геть! А ну улепетывай отседова, сопля! Пасть с мылом мамка дома пусть тебе помое!

— Дядь, а дядь, у тебя тетя-то есть или тебе и лосадь — тетя? — мальчишка выплюнул самокрутку, норовя попасть в кого-нибудь из патрульных, и соскользнул с конька прямо во двор. Громыхнуло жестяным листом, скрипнуло несмазанными петлями калитки и где-то уже на параллельной Гагаринской засвистело, заулюлюкало, завопило во всю мощь «у кооски четыле ноги»...

— Была б та мамка. Бедолага... Кому он нужный-то? Сгниет от тифа или чахотки или в яме асфальтовой насмерть замерзнет, а коли сам не помрет — пером подцепят где-нибудь или в башку пульнут ненароком. Эээх... Табачку бы, — остановился косолапый, чтобы дать отдых больной ноге. Машинально пошарил в кармане бушлата, наткнулся на прореху,

сунул ладонь за подкладку, наскреб скудную щепотку сухарных крошек и липкой махры — ни покурить тебе, ни пожевать. В сердцах швырнул крохи на снег. И тушуясь, выхватил из сугроба еще тлеющий окурок.

— Как кому? Советской власти нужный! Товарищ Дзержинский лично вопросом этим занимается. Год-другой и ни одного сироты не останется. Жить будут в царских хорах и золочеными половниками щи хлебать. Налопаются, отогреются, а там, глядишь, грамоте всякой обучатся. Счастливыми людьми вырастут! Большими! Не то, что мы с тобой, — командир сделал вид, что не заметил окурка. А, может, и вправду не заметил — думал ведь совсем о другом.

— Дай то бог, дай то бог... — косолапый лихорадочно затягивался, обжигая губы.

— А бог тут к чему? Кто такой этот твой бог-то? Вот нет... Ты скажи мне, Шульга, зачем бога приплел, а? Ты же Красной Армии боец, пролетарий...

Буденовец отчего-то страшно обиделся и до самого поворота на Староконюшенный не умолкал, поясняя «несознательному» своему товарищу, как он не прав, привлекая к обсуждению будущего какого-то буржуйского бога. Отголоски его густого баса еще довольно долго раздавались над Сивцевым Враждеком, пугая стайку отчаянных городских снегирей.

Хотя, возможно, эхо было ни при чем. И снегيري никак не решались опуститься на землю к вожакам сухарным крошкам из-за того, что белая в рыжих пятнах кошка давно уже наблюдала за происходящим, болтаясь на фонарном столбе, точно над типографским серым листком Реввоенкома и нацарапанным на тетрадном обрывке объявлением: «Готовлю по-английски во все классы трудовой школы. Продаю

почти новые стулья работы Гамбса. Двенадцать штук. Бывший доходный дом Шаблыкиной. Обратиться в квартиру номер 13, спросить Сусанну Борщ».

Стоило голосам вохровцев затихнуть, как кошка сползла по столбу чуть ниже, замерла, уставившись желтым немигающим взглядом в размытые каракули, а потом тщательно сцарапала листок со столба. Со стороны могло показаться, что сначала кошка прочла объявление, а затем подумала и решила его уничтожить. Но ведь быть такого не может! Не может такого быть!

— ...Борщ! Борррщ! Борщщ. Борщ ведь то же самое, что щи? Национальное русское блюдо, похожее на уже один раз съеденный кочан капусты? Боррщ? Я правильно произношу?

Звук «щ» Артуру никак не давался. «...Борщщщ...» — повторил он несколько раз, но Даша продолжала молчать, тем самым давая Артуру понять, что он напрочь лишен языкового чутья, музыкального слуха, чувства юмора и вообще ему бы лучше помолчать.

— Абсолютно безнадежен? Борщщщ... Ну? — повторил Артур с деланной шутливостью. — По крайней мере, читаю я уже неплохо... Даша, вы не знаете который час. Свои часы я оставил в Севастополе. А из объявления следует, что нас ждут на явочной квартире в полдень. Хотелось бы не пропустить этот самый полдень, но и преждевременно являться не нужно.

Даша презрительно дернула укутанными в пуховый платок плечиками. Вспомнила, что свои часики — настоящие «Мозер» в золоченом корпусе, привезенные тетей Лидой из

Берлина — она давным-давно отдала Нянюре, чтобы та обменяла их на горох. Вспомнила, как Нянюра долго ходила вокруг да около, тушевалась и громко кашляла, вспомнила, как старая нянька так и не сумела сказать своей любимице сама, что придется той расстаться с часиками, и как делегировала эту тяжкую обязанность тете Лиде... Как тетя Лида долго извинялась, а дядя Миша краснел, отворачивался в сторону и делал вид, что не понимает происходящего. Даша вдруг так отчетливо увидела их родные лица, услышала любимые голоса, что к горлу подкатила противная горечь. Сообразив, что в темноте подвала Артуру вряд ли удастся что-нибудь толком рассмотреть, Даша решила чуть-чуть всплакнуть. «Не видно... Все равно ему не видно... Поэтому можно... Немножечко совсем можно. Присесть, обнять коленки, плакать. Главное, не всхлипывать и дышать так, будто ничего не происходит», — слезы текли и текли по щекам — горячие, соленые. Первые настоящие слезы за этот тяжелый зимний день. Было в этих слезах все — было горе, и печаль, и обида, и безысходность — совсем взрослая, лишенная даже крошечной надежды. Даша плакала по маме, которую совсем не знала, по папе, по дяде с тетей, по кузенам. По глупой Нянюре, по платьям и шляпкам, по тифлисским грузчикам и невкусному шила-пилаву, по даче в Судаке, по полке с журналами мод, по ненавидимым гаммам и дурацкому Бетховену, по злому учителю Закона Божьего, по «углу совести» и по высокому зеркалу в прихожей. По себе прежней, которой не будет уже никогда. По детству.

— Поплачьте, Даша. Это не страшно. И давно уже пора.

Жалость, прозвучавшая в голосе Артура, показалась девушке липкой, словно помой. Даша задохнулась и едва не вцепилась ногтями в его лицо — знать бы еще точно, где его

лицо — тьма вокруг, хоть глаз выколи. Все подвальные оконца забиты наглухо, не видать ни зги. И как это ему, интересно, удалось разобрать, что она жметя тут на корточках вся в слезах и соплях?

— Это все ваша кошка, простите... Как вы, говорили, ее зовут? Манон? — пробормотал Артур, словно прочитав Дашины мысли. — Кошки, Даша, отлично видят в темноте. Я не преднамеренно за вами следил. Просто стоит мне расслабиться и утратить бдительность, как ваша кошка пробирается в мою голову... А ведь Леопарди предупреждал... Неуправляемые, хитрые твари! Но вы не обращайтесь на меня внимания. Плачьте! Я ведь сейчас несу чушь, чтобы хоть как-то загладить неудобство оттого, что случайно заметил ваши слезы. Извините меня, Даша. И плачьте. Просто плачьте. А я пока что вернусь в кошку, слезу со столба, пробежусь до угла и выясню обстановку. Плачьте вволю, Даша! Вам просто необходимо выплакать горе.

Даша вскочила, краем платка утерла лицо и шагнула на голос англичанина, чтобы наконец-то треснуть ему со всех сил по носу кулаком, но именно в этот момент случилось непредвиденное.

Манон слезла на землю, встряхнулась, огляделась и... заметила копошащуюся возле штакетника собаку. Не собаку даже — щенка. Но и этого оказалось достаточно. Кошка выгнулась спиной, раздулась в мохнатый шар, обнажила острые мелкие зубы.

— ...Плачь... ппппхщщщщр! Маааууууаа!

В эту же самую секунду находящийся в подвале полуразрушенного особняка в самом центре Москвы майор норфолкского полка армии его величества Артур Уинсли совершенно неприличным образом замяукал. Прозвучало это

настолько гротескно и случилось настолько неожиданно, что Даша напрочь забыла о намерении поколотить «этого шпиона» и о принятом решении «никогда с ним не разговаривать».

— Майор? Артур? Что? Что с вами такое происходит? Почему вы мяукаете?

— Пщщщхррррщщщааау... Э дог... Dog! Черт!!! Тут со... ба... ка... — выдавил Артур по слогам, из последних сил удерживая в себе человеческое. Казалось, что каждый звук дается ему с невероятным трудом. — Ваша кошка в ярости, и эту ярость невозможно сдерживать! Мед... ведь... Предмет! У-братъ из моей руки! Now! Мисс, Даша. Не-мед-лен-но... Или у меня от вашей кошки сейчас лопнет сердце... Пщщщщхххрщщщ! Маууууаа! Мааааау!

Ни секунды не раздумывая, Даша рванулась вперед, выставив перед собой руки. Почти сразу же наткнулась на англичанина и, ничуть не стесняясь, нащупала его грудь, потом плечи. Схватила за его правую стиснутую в кулак руку и, несмотря на сопротивление, начала разжимать пальцы. Один, другой, третий... Фигурка Медведя — маленький металлический амулет — скользнула в Дашину ладошку, опалив кожу. Но девушка даже не ойкнула. Быстрым движением запихнула Медведя себе в валенок, туда, где уже лежала Жужелица и переложенный из кармана маленький мешочек с тремя другими фигурками, потом шумно выдохнула и строгим шепотом поинтересовалась:

— Ну? Как ваши дела? Не молчите! Но если вы намерены снова шипеть и мяукать, лучше уж молчите!

— Я в порядке! Благодарю, мисс, — Артур стянул с себя ушанку, опустил на холодный пол, прислонился спиной к стене и зажмурился. — Только теперь мне ни черта не

видно. Но это пустяки! Сейчас... посижу немножко. Запомните на будущее, Даша. Никаких кошек! Медведи, слоны, верблюды, носороги, анаконды и мегатерии! Кто угодно, лишь бы не кошка! И куда вы дели Медведя? Не вздумайте его трогать. Где? Где он?

— Ваша штукавина лежит у меня в валенке, там же, где и все остальное! — Даша прислушалась, удовлетворенно кивнула, разобрав, что майор наконец-то перестал дышать хлипко и с перерывами (хотя «этот шпион» был ей противен, смерть его никак не входила в Дашины планы). — Только я вам ее не верну. До нужного места мы с вами добрались, дальше справляйтесь самостоятельно. Все я отлично поняла. Чем больше у меня фигурок, тем я вам нужнее. Силой отобрать вы их у меня не можете — сами же и проболтались. Так что приходите-ка в себя, мистер кошачий управляющий, и пошли уже к вашему английскому резиденту!

— Да вы мошенница и шантажистка, мисс Чадова! Называется, девушка из приличной семьи. Хотя стоило сделать выводы еще с утра. Тогда, когда вы практически принуждали меня к браку... А ведь я едва не поддался на ваши уговоры. Слава Богу, чувство самосохранения удержало меня от фатальной ошибки. Как знать, чем это мне грозило. Как знать, женись я на вас, был бы я еще жив? Брачная аферистка!

Артур не без удовольствия ерничал. Ситуация выглядела забавной, и не будь он сейчас измучен Медведем и кошкой, не сиди в стылой темноте на ледяном полу, потихоньку вмерзая спиной в кладку, он бы наверняка позволил себе чуть больше ехидства. Но ни место, ни время этому не способствовали. К тому же Артур догадывался, что должна чувствовать эта домашняя девочка, которая так старается не поддаваться растерянности и горю. Да еще и шутит,

хотя вряд ли ей сейчас до смеха. Артур покосился на девушку, пытаясь разглядеть в кромешной тьме ее лицо. Все же ему было Дашу жаль. Кроме того, она... (и тут Артур не совсем разобрался в себе, но, конечно же, ни о каком флирте и речи идти не могло — она же сущее дитя, ей же в куклы еще играть и играть)... Кроме того, девушка Артуру нравилась. Нравилась совершенно неожиданно, несвоевременно, ненужно и настолько сильно, что майор сам не понял, что с ним происходит.

Следует сделать небольшое отступление и напомнить читателю о том, что несмотря на довольно унылый характер, майор Уинсли считался жутким ловеласом и в хорошие времена не пропускал ни одной юбки. Когда майора спешно перевели в Константинополь, офицеры Дамаска и Александрии наконец-то вздохнули спокойно и убрали дуэльные пистолеты подальше в сейфы. Их супруги тщательно демонстрировали равнодушие, но все же выглядели подавленными и, кажется, немного даже завидовали дамам полусвета, которые в связи с отъездом майора открыто объявили траур и целую неделю держали двери своих театральных, литературных, музыкальных и прочих салонов закрытыми для гостей. Говорят, одна драматическая и одна оперная актрисы даже разорвали свои контракты, чтобы последовать за майором вслед, и что из-за этого в Александрийской Опере чуть не сорвалась премьера «Риголетто». Говорили, что сама великая Нахдия Салям... Впрочем, вот это, скорее всего, уже слухи.

В общем, Артур пользовался успехом у слабого пола, с удовольствием вступал в амурные отношения, но рассматривал

свои недолговечные романы с ленивой иронией. Он никогда и ничего женщинам не обещал, с легкостью заводил любовниц, с еще большей легкостью порывал с ними, а слезы и упреки принимал как неизбежную расплату за удовольствие. Майор разумно старался избегать чересчур экзальтированных девиц и уж тем более не связывался с наивными «домашними» барышнями. Может быть, поэтому все расставания проходили более-менее гладко и без потерь. Пара-тройка скупых слезинок, обещания «помнить до гроба», томик Байрона и нитка крупного жемчуга — право, не в счет.

Любопытно, являлось ли донжуанство свойством его характера, или все же сочинительницы дамских романов правы, предполагая, что предательство первой возлюбленной делает из мужчины циника? Что ж! Тогда всем покинутым Артуром бедняжкам следует благодарить Маргариту Зелле. Однако автор склонен думать, что коварная Мата Хари тут вовсе ни при чем. И Артур Уинсли сам по себе был повесой. А то, что он время от времени любил «подпустить туману» и намекнуть очередной девице о трагической истории, после которой он «навечно разочаровался в любви» — так это метод избитый. Хотя с девицами отчего-то всегда срабатывает. По крайней мере, всегда срабатывал с девицами, которых предпочитал майор Артур Уинсли.

Шутки шутками... Но Дарья Дмитриевна Чадова майору Артуру Уинсли не подходила никак. И нравиться не должна была. Совсем. Слишком юна, слишком взбалмошна, при этом слишком уж «кисейная барышня». Да, собственно, достаточно было уже первого «слишком». Артуру даже мысль о флирте с восемнадцатилетней девчонкой в голову

прийти не могла. А приди вдруг — вызвала бы гомерический хохот. Поэтому и сострадание свое к этой измученной девочке, и незнакомую щемящую нежность, и даже то, что он исподтишка откровенно любовался сероглазым нелепым «чудовищем» с растрепанной косой и курносый носом, Артур предпочел отнести к братской заботе или даже к отеческим чувствам. Даже то, что несколько раз он едва не коснулся ее лица, чтобы спрятать под пуховый старушечий платок русую прядь, вытереть со лба следы сажи, а со щек потеки слез, а главное то, что он так и не решился этого сделать... а также то, как он по-мальчишески подшучивал над ней, оправдывая себя тем, что это все для поддержания боевого духа... даже это его не насторожило. А ведь взрослый уже человек — майор норфолкского полка Артур Уинсли — мог бы распознать основные признаки сильной увлеченности.

Нет! Все же сочинительницы дамских романов правы, когда пишут, что мужчины, даже самые опытные, до последнего не готовы признаться себе в том, что по-настоящему влюблены.

— Меня, Даша, сам господь от вас уберег! Вы же Синяя Борода в юбке! — продолжал ерничать Артур, скалясь во весь рот и радуясь, что в темноте ей его не разглядеть.

— Хватит! — выпалила Даша и тут же захлебнулась, испугавшись, что кто-нибудь снаружи может ее услышать. Продолжила уже страшным шепотом: — Как вам не совестно! К тому же, это же была не я... А мое под-соз-на-ни-е.

— Вот только из чьей это хорошенькой головки Жужелица выудила эту мыслишку, а?

— Вы... вы... Насмехаетесь, да? — Даша стиснула кулаки, вернувшись к мечтам о разбитом в кровавую юшку англосаксонском фасе и профиле.

— О! Еще как! А вы — шантажистка. И что гораздо хуже — упрямица. Сколько еще твердить, что у меня фигурки, во-первых, будут сохраннее. Во-вторых, я сумею ими правильно воспользоваться, случись необходимость. В-третьих и главных, я буду уверен в том, что вы не натворите необратимых глупостей. И еще, Даша, как бы узнать поточнее который час.

— ...а в-четвертых, если фигурки будут у вас, что тогда помешает вам от меня избавиться? Ну? Что? То-то же! Здесь рядышком на Афанасьевском колокольня, но звонить не будут... поэтому пошли наугад. Теперь здесь у нас все наугад. Еще долго прохлаждаться изволите?

Артур попробовал пошевелиться. Все тело болело, как после спарринга с Хью Эгертоном. Все-таки почти два часа непрерывного использования Медведя, да еще и с неподходящим для этого животным, давали о себе знать.

— Эй! Вас у Сусанки уже здут, а цекистов я плогнал! Смотри сама — маненькая стелка там, где клестик и две палоськи, — отъехала с лязгом в сторону заслонка. В полукруглом проеме явилась замурзанная мордаха, щербатый рот, раскрытая пятерня, на которой поблескивали отлично знакомые Даше часики.

Девушка позволила Артуру подсадить ее к оконцу, выбралась наружу, подождала, пока, покряхтывая и постанывая, выкатится на натоптанный снег тротуара «этот шпион», пока с трудом распрямится и отряхнет колени.

— А ты откуда знаешь, что это нас ждут, а? — спросила она строго у беспризорника, перехватив вопросительный

взгляд майора, который, как ни старался, так и не сумел разобрать ни слова из сказанного мальчишкой.

— Яска тут все знает! — припечатав плевком ошалевшего от такой неожиданности снегиря, мальчишка прищурился. — Вы же в Цаблыкинский? К Сусанке? Цпионы, да? К Сусанке две недели наад один аглицкий цпион пелеехал. Холосый цпион — не задный. И Сусанка холосая стала — не задная, хлебуцка дает. Ланьсе меня на полог не пускала, только лугалась. А тепель лугается, но хлебуцка дает. С повидлой! Посли за мной, цпионы, на хазу цпионскую.

«Господи! Во что я ввязалась!» — Даша ужаснулась, но уже привычно взяла себя в руки. Шепотом перевела Артуру только что услышанное. Тот с полсекунды помедлил, потом решительно кивнул оборванцу — веди.

Не то из-за кусачей стужи, не то потому, что время выдалось как раз обеденное, Сивцев Вражек оказался малолюдным. Опять мерзла, скрючившись на каменном крылечке, закутанная в тряпье побирушка с ребенком, да вдалеке какой-то интеллигентского вида хмырь смешно перешагивал через сугробы — точь в точь циркуль. До здания, похожего с боку на барак, а с фасада на греческий храм, утыканный «самыми настоящими» дорическими колоннами, Даша с Артуром добежали за три минуты. Мальчишка их уже поджидал, прыгая заводным болванчиком от нетерпения. «Здесь», — выдохнула Даша. Это и есть Шаблыкиной дом. Артур рванул дверь парадного.

— Заклыто! Плиличные господа-товалисци с челного ходят. Сюда!

От пинка распахнулась неприметная калитка, деревянная щеколда вылетела вместе с гвоздем, шлепнулась в снег и в нем благополучно утонула. Две ступеньки вниз, и Артур оказался перед настежь распахнутой дверью черного хода.

— Не оскользнитесь, мамсель. Васу луцьку! Иди впелед, флаел! Цего застлял?

Каким-то образом Артур сообразил, что и процеженная сквозь зубы фраза, и взгляд, такой, каким опытный портной окидывает небогатого клиента, обращены к нему. Первым шагнул в подъезд. Постоял с полсекунды, привыкая к полутьме. Попробовал, было, проверить дом на следы предметов, но вовремя сообразил, что Медведь снова выбрал его силы и его дар. Поэтому Артур просто огляделся. Вокруг было по-казенному неуютно, словно это был вовсе не жилой и когда-то богатый дом, а заброшенная приходская школа или старый госпиталь. Где-то наверху то и дело хлопала дверь. С улицы без всяких церемоний и уведомлений задувал ветер, свистела по обшарпанным половицам поземка, наметая в углы кучки снега и мусора. На стенах тесно, а кое-где и друг на дружку лепились блеклые прямоугольники дореволюционных афиш и плакатов. Изображения истерлись до неузнаваемости, но одно типографское глянцевоe лицо... лицо в белом театральном гриме, с тщательно прорисованными тушью треугольными бровями и печальными умными глазами Артур сразу узнал... Вертинский! Майор едва не выругался вслух от досады. Про карточку, ту самую, что Саша Чадов подписал в Симферополе для кузины, и которую майор намеревался вручить девушке на день рождения — про карточку-то он напрочь позабыл. А теперь уж точно — не самое подходящее для подарков время. Артур нащупал через пальто нагрудный карман гимнастерки, убедился, что картонка

на месте, и взял сам с себя обещание вручить ее Даше при первом же удобном случае. Позже, разумеется. Разумеется, не сейчас. Не тогда, когда они, задыхаясь, бегут вверх по узкой лестнице, перепрыгивая через ступеньки и стараясь не отстать от оборванца в казачьей шапке. И не теперь. Не тогда, когда они стоят перед обитой дерматином дверью, слева от которой тускло поблескивает медная табличка «Борщ С. И.» и красуется дверной молоток в виде львиной головы.

— Стуцать! — скомандовал беспризорник. Артур с облегчением высвободил палец из медной пасти и занес кулак.

Дерматин цвета кофе с молоком, словно уворачиваясь от удара, отскочил назад, и на пороге квартиры номер тринадцать появилась мадамочка с мутным взглядом заядлой кокаинистки, одетая не по времени и сезону в газовое платье-трубу. Из-за дюймового слоя белил, пудры и румян вычислить возраст мадамочки возможным не представлялось, а ее шея и грудь прятались под лисьей горжеткой с лапками и злобной одноглазой мордой. На ногах у дамы были расшитые бисером домашние туфли, а на лбу парчовая и, кажется, прежде служившая отделкой для гардин тесьма с лихо воткнутым в узелок фазаньим перышком. Сам фазан, точнее его чучело, примостился над трюмо. Судя по его общипанному виду, сегодняшнее перышко послужило не первой его жертвой на алтарь бессердечной моды.

— Ну? — взвыла дама так, что ее, наверняка, услышали даже голуби на чердаке. — Подсэлэнцы?! Я жэ заявляла в домово́й комитэ́т, что у мэня особые обстоятельства, и мэня никак нэвозможно уплотнять!

Стиснутая пухлыми губами, качнулась вверх-вниз длинная пахитоска. Дама медленно закинула к потолку стриженную под пажа голову, медленно поднесла к глазам благоухающую

одеколоном «Коти» ладонь. Униженные дешевенькими колечками пальцы медленно сжались в «трагический» кулачок. «Пластические барышни» — называл таких манерных глупышек дядя Миша и откровенно над ними потешался. «Кино насмотрятся с Холодной, Блока начитаются, на Айседору потаращатся с галерки и тут же решают, что рождены для сцены. Ходят потом, как наизнанку вывернутые, кочевряжатся, жеманничают, гнусавят «под иностранок» и «акцентируют», словно у них в носу полипы размером с виноградину — смех, да и только».

Даша соглашалась с дядей, но «пластических барышень» ей было немного жаль. Ведь им было невдомек, насколько стыдно они выглядят со стороны. И разве можно их винить в том, что уродливое они сочли красивым? Даша Чадова частенько страдала от неловкости за людей, если ей вдруг казалось, что те ведут себя глупо, пошло и неуместно, лезут не в свои дела или берутся за то, что им не по зубам, или истоково спорят на незнакомые им темы, а все вокруг посмеиваются исподтишка. Даша покосилась на Артура, ожидая обнаружить на его лице снобистскую ухмылочку, но ничего подобного — майор разглядывал хозяйку квартиры с откровенным удовольствием. Ну, насколько у него хватало на это сил. Болван! В другой день Даша немедленно прониклась бы презрением к падким на «мишуру» мужчинам, но сейчас все это было настолько бессмысленным и пустым, что она просто отвела взгляд.

— Не подселенцы это. Цпионы твои. Хлебуска дась? — высунулся из-за Дашиной спины пацаненок и тут же спрятался обратно, наткнувшись на пудовый взгляд хозяйки.

— Люлэй тебе, а не хлэбушка! Маршь в кухню, там каша с утра осталась. На примусе погрэешь сам. Смотри мнэ, чэго

потыришь или в кладофку сунэшь нос — урою! — Сусанна Борщ, а по всей видимости, это была именно она, на секунду почти вышла из образа «пластической барышни», как-то вдруг постарела, осунулась. Но тут же взяла себя в руки, моргнула слишком длинными и черными, чтобы быть настоящими, ресницами. — Так чэм могу?

— Интересны стулья работы Гамбса, мадам.

— О! Так вы за этим, дуся? — как-то уж чересчур откровенно обласкала Артура взглядом дамочка и сделала ладонью приглашающий жест. — Давнэнько вас ждут-с. А это ваша... эээ... сэстрица? Жэлаете мокки, милочка? Могу угостить коньяком или крэмбэмбулэвой воткой. Вы же, я вижу, замэрзли, как цуцэк.

— Водка будет весьма кстати, — ответил Артур, как будто не замечая, что вопрос был адресован вовсе не ему. — Благодарю за гостеприимство, миссис Борщ.

— Зовитэ мэня Сусанной. Борщу — он, знаете ли, был нотариусом, но скончался от пнэвмонии — так вот я многим ему обязана, но того, что он одарил меня этой фамилией, не прощу до конца днэй своих. Не повэрите, но я даже заупокойную по Борщу не заказывала...

— Разумеется, Сьюзен. Как вам будет угодно, Сьюзен! — Артур не понял сказанного, но даже если и понял, вряд ли его интересовал смысл. Баритон Артура засахарился, стал вкрадчивым и липким, словно все звуки облили шоколадной глазурью — вид легко доступной дамы действовал на Артура совершенно определенным образом.

От сиропа в голосе майора Дашу слегка замутило. А уж когда мадам Борщ, оступившись, покачнулась, и майор умело придержал ее за костлявую спину, Даша явственно ощутила подкатившую к горлу тошноту. Она бы не удержалась,

сказала бы что-нибудь едкое, но тут за бархатной гардиной скрипнули половицы, раздались осторожные шаги, и через секунду в прихожей появился худощавый, очень ухоженный мужчина. На первый взгляд, ему можно было бы дать лет тридцать, не больше, но стоило чуть пристальнее взглядеться в его невозмутимое вытянутое лицо, как становились заметными и «гусиные лапки» возле глаз, и мимическая складка между бровей, и по-стариковски вялые подбородок и щеки. Где те тридцать? О тридцати речи уже не шло — около пятидесяти, может, чуть больше... Однако кожа у него была розовой, баки ухоженными, усики подбриты кокетливой щеточкой. В движениях и мимике был он моложав, телом поджар, в одежде щеголеват и в целом похож на марципанового жениха — чуть потускневшего, слегка помятого, но все еще готового украсить собой свадебный пирог. Но ни холеная внешность, ни мягкие манеры не могли скрыть от пронизательного наблюдателя повадок хищника. Если бы какой-нибудь безумный профессор обнаружил способ превращать животных в людей, создал бы чудо-вакцину и заручился поддержкой коллег, если бы профессору удалось заманить матерого волка-одиночку в операционную и сделать ему чудо-инъекцию, и если бы метаморфоз оказался успешным... то в результате получился бы именно этот молодящийся старик, называющий себя...

— Мой бог! Райли... Сидней Райли!!! — Артур отклеился от тощей хозяйской талии и бросился навстречу вошедшему с таким воодушевлением, что тот отшатнулся.

— Нет. Сейчас не Райли! И уж никак не «мой бог»... В Москови и то, и другое нынче под запретом. Сейчас я Массино! Сидней Массино, — поморщился старик. — Ну, где вы застряли? У меня не терпящие отлагательств дела в Одессе.

Но премьер-министр лично отбил шифровку, и вот я не возвращаюсь в Одессу, но жду вас здесь. А вас все нет и нет. Нет день, другой, третий... Я не знаю, может быть, вас расстреляли красные, а, может, вы справились прекрасно и без меня. Но я жду, рискуя головой. Вам, конечно же, неинтересно, однако полтора года назад ЧК вынесла мне смертный приговор. Железный Феликс лично предал меня анафеме и объявил травлю. Я, Уинсли, люблю риск, я его люблю даже сильнее бипланов и флеш-роялей. Но лишь тогда, когда игра стоит свеч. Сомневаюсь, что все эти ваши игры в Хранителей и Кодекс стоят моих свеч.

— Какая игра? У меня приказ... Я — солдат, а не игрок... Тем более не Хранитель и никогда им толком не был, — Артур обиделся на несправедливое обвинение, попытался было возразить, но Райли не желал слушать. Он шумел, жестикулировал и, в общем, был велеречив и пафосен, словно позабыл, где находится, и представлял нового Гамлета на подмостках театра в Вест-Энде.

— Четырнадцать лишних дней, Уинсли! Четырнадцать лишних дней в красной Московии! Я, словно какой-нибудь Шерлок Холмс, нанял беспризорника, чтобы тот обклеивал для вас шифровками столбы и следил, чтобы другие отщепенцы не сдирали их на самокрутки. Я завтракаю, обедаю и ужинаю пшеном, как будто я курочка! Я таскаю обноски покойного нотариуса... — Райли, точнее Массино, двумя пальцами уцепился за кармашек жилета, скривившись от омерзения — такое выражение лица случается у молодых отцов, когда они видят испорченные пеленки первенца.

— Сожалею, Сидней. Я не мог быть раньше.

— К тому же хозяйка квартиры глупа, как пожилая левретка! — старый шпион проигнорировал извинения Артура. —

Ни слова по-английски, манеры кухарки и придурочный акцент! Но ее услугами пользовался сам Локкард, а рекомендации старины Боба я доверяю безоговорочно. Сусаннушка, вы прелесть!

Сидней Райли... точнее Сидней Массино, отсалютовал хозяйке квартиры двумя пальцами, и та закивала так отчаянно, словно ее только что, как минимум, произвели в фельдмаршалы.

— Смешай нам водки с вермутом! Заодно предложи чаю госте... Ну же! Представьте же меня, Уинсли! За годы, что мы с вами не виделись, вы превратились в солдафона. Представьте меня барышне, а потом мы переместимся в гостиную, пощечем там о своем. Ах, боже ж ты мой! Не мучайтесь так, Артур, пытаюсь вспомнить мое нынешнее имя, я сам... Массино. Сидней Массино к вашим услугам, красавица! Лучший на сегодня агент Интеллидженс Сервис!

Даша вздрогнула, почувствовав на себе взгляд такой пронзительный и острый, что об него можно было и в самом деле оцарапаться. Девушка вежливо наклонила голову и, подумав, протянула для поцелуя руку. Поцелуй, как она и ожидала, оказался сухим, быстрым и похожим на укус. «Массино» Даше не нравился. К тому же, девушку насторожило, что старый и, очевидно, матерый британский разведчик ничуть не таился ее — Даши. Ну, в самом деле, не считать же то, что он назвался вслух фальшивым именем, достаточной легендой. Кстати, про «легенду» Даша вычитала из шпионских романов, которые предпочитала и обожаемому всеми гимназистками «Задушевному слову», и скучной «Сибирочке» пера госпожи Чарской, и даже бульварным романчикам про «это самое», за которые, проведай дядя Миша, ей пришлось бы минимум пять часов торчать в углу совести. Так

вот, отсутствие у Райли «легенды» Даше совершенно не понравилось. Видите ли, можно сколько угодно быть кисейной барышней, можно догадываться о настоящей, большой жизни только по книжкам и синемамографу, можно быть уставшей и от этого ничего толком не соображать, но дважды два — всегда четыре. Поэтому агент британской разведки, не считающий нужным скрывать свою к этой разведке принадлежность, либо врет... либо намерен от тебя в ближайшее время избавиться!

Даша попыталась сосредоточиться, хотя бы кое-как слепить мозаику событий воедино и понять, что же происходит. «Так... Пожалуй, с майором, то есть с Артуром, все ясно — он и пришел-то к нам в дом, ничуть не скрываясь. Смысла скрываться у него не было — его появления давно ждали. Да и матушка Феврония предупреждала, что однажды появится курьер. Стоит признать, что майор, то есть Артур, действительно меня спас, хотя мог бы и бросить. Зачем человеку в его ситуации лишние хлопоты? Он ведь знать не знал, что я прихватила из тайника его драгоценные предметы. Или знал? Или ему достаточно было одной Жужелицы? Догадывался ли он, что, вытаскивая меня, вытаскивает и Жужелицу? Стоп! Я же тогда ему соврала — сказала, что оставила Жужелку тете Лиде... Но он мог ее заметить, или не мог? Господи! Не соображаю от усталости ничегошеньки! Надо срочно выпить кипятку! Лучше сладкого! А вот если... А если Артур... — Даша едва не вскрикнула, напугавшись собственной догадки: — Точно! Все же ясно, как на ладони! Майор же сам утром признался, что не может забрать предметы силой. Но что мешает господину Массино их забрать? Убрать помеху, убить никчемную девицу... и забрать. А дальше просто-напросто передать предметы майору. Дважды

два — четыре! Почему? Почему она все это время была настолько доверчивой! Почему позволила майору затащить ее сюда? Ох, не права была Нянюра, называя Дашу полудурьей. Какая же она полу? Она самая что ни на есть дурья! Даже дурья в квадрате. Доверилась английскому шпиону! Да еще и замуж за него напрашивалась»!

Даша сцепила зубы, чтобы ненароком не выпалить этим насквозь пропитанным ложью «господам» в лицо всю правду.

— Так как ваше имя, голубушка? — убийца (а в том, что перед ней стоит ее будущий убийца, Даша почти не сомневалась) все еще держал ее похолодевшую ладошку в своей ухоженной ладони.

— Чадова Дарья... Дмитриевна, — Даша уцепилась за отчество, как за соломинку. Ей нужно было напомнить себе, что хоть она и одна-одинешенька перед лицом смертельной опасности, хоть нет у нее ни дома, ни семьи, ни даже кошки (кстати, куда же скрылась Манон — надо потом, если получится, выйти к подъезду поискать, вдруг она еще здесь), она не просто так Дашка-дурашка без роду и племени. Она — Чадова Дарья Дмитриевна!

— Рад знакомству, Дарья Дмитриевна. Рад. Настоятельно рекомендую, пока мы с майором беседуем, умыться, покушать, а потом часок-другой отдохнуть. Как это? «Ляг, опочинься, да ни о чем не кручинься». Сусаннушка, выдайте барышне мыла и свежего белья. И... — он наморщил нос — тонкая щеточка усов забавно съежилась, — платье. Поскромнее.

С майором похожий на волка старик говорил по-английски, но, обращаясь к Даше, настолько непринужденно и с удовольствием перешел на русский, что стало понятно

сразу — русский для него родной. Происхождение легкого, певучего акцента Даша определила со стопроцентной точностью. Именно так, характерно выпячивая ударные слоги, тараторила Ляля Собак — бывшая тетелидина портниха, что еще до революции приехала в Москву из Одессы вместе с дочкой Фимочкой — вертлявой глупой козой. Тут бы Даше обрадоваться, броситься выяснять у Массино, не на Дерibasовской ли случайно проживает его родня и не знает ли он Лялю Собак, но вместо этого подозрения только усилились. Одессит на службе Его Величества Короля Англии, да еще и в разведке — не слишком ли много несуразностей?

Осторожно осмотревшись и сообразив, что немедленно сбежать не выйдет, Даша направилась сперва в гардеробную, а затем и в буфетную вслед за Сусанной, скинув наконец-то ненавистный полушубок с платком, но наотрез отказавшись переобуться. Про себя Даша решила, что с предметов нужно глаз не спускать, быть внимательной, но выглядеть уставшей, сонной и безобидной, чтобы расположить к себе хозяйку и, может быть, даже выведать про черный ход. А какие могут возникнуть сложности с тем, чтобы выглядеть уставшей, сонной, голодной, напуганной, если это рядом с истинной!

— Какой интересный господин, этот Массино! А давно ли вы с ним знакомы? А здесь проживаете давно? Отличное жилье! Странно, что обошлись без подселенцев... А черный ход здесь имеется? — вопросов в лоб Даша старалась не задавать, ходила вокруг да около, но за целых пять минут ничего добиться так и не смогла.

— Давно, давно... Знаю давно, проживайю давно. Пэйте ваш чай! Кашу катэгорически не хотитэ? — Сусанна постукивала ложечкой о край бокала и думала о чем-то своем. — Платэ не туго в груди? Ну и славно! Другого, увы, не нашлось.

— Благодарю, я не голодна, — Даша подумала, что в пшенку та же Сусанна запросто могла положить снотворного, а то и чего похуже, зато чай Даша сама себе наливала и заваривала тоже сама, и со вздохом от каши отказалась. Девушка то и дело косилась на свое отражение в стеклянной двери буфетной и никак не могла определиться, похожа ли она в этом платье на Филиппка, которого для потехи нарядили в кружева, или на сенную девку, стащившую у сумасшедшего барина исподнюю рубашку и нацепившую ее поверх сарафана.

— Мммм... Дарья Дмитриевна, да вы просто вдвое похорошели. Фасон чрезвычайно вам к лицу, — прилизанная шевелюра «Массино» появилась в буфетном окошке. — Где же наш вермут, Сусаннушка?

«Массино» укоризненно глядел на госпожу Борщ, которая, словно по мановению волшебной палочки, снова преобразилась в «левретку» и зашелестела ресницами с усердием листающего молитвослов дьячка.

— Нэсу-нэсу, еще полсэкунды, — Сусанна повернулась к Даше, подмигнула ей и продолжила громко, так, чтобы в коридоре и, может даже, гостиной было слышно: — Ах! Мужчины, дорогая моя, — как хлопушки с конфэтти. Пять минут фэйерверка и праздника, а потом один бэспорядок да мигрэни! Я вам это как жэнщина с большим опытом говорю... Но Сидней Массино! Он такая дуся!

— Я каску-то псенну малехо снизу подпалил! Лугаца будес? Бить будес?

Из кухни выскочил мальчишка, прислонив к пузу закоптевшую кастрюльку, от которой явственно пахло пшенкой. Пусть чуть подгорелой, но все же настоящей пшенной кашей, заправленной не рапсовым, а самым взаправдашним сливочным маслом. У Даши перехватило дыхание. Сладкий аромат пшенки дразнил, сводил с ума и заставлял желудок предательски урчать. Урчание живота, звяканье ложечки о край стакана, болтовня Сусанны и неразборчивый гул мужских голосов в гостиной — все это вдруг накрыло Дашу с головой, как ватное одеяло, она почувствовала слабость, уцепилась за край буфета и начала потихонечку сползать на пол.

— Ай. Ой. Сусанка. Балысня-то помирает! Ой, господа-товалисци цпионы, бегите сколее сюды!

Даша попыталась было удержаться на ногах, улыбнулась и потеряла сознание.

Остро воняло нашатырем. С полсекунды Даша пыталась сообразить, где она, и почему вокруг чужие люди — какая-то женщина с пером в голове, старик с волчьим взглядом, беззубый и не очень чистый ребенок. Помятая, серая от усталости и недосыпа физиономия Артура Уинсли показалась ей почти родной. Даша даже попробовала дотянуться до его тонкого с крошечной, совсем не британской горбинкой носа, чтобы убедиться, что он — не призрак. А еще Даша внезапно поняла, что Артур ни при чем и действительно желает ей добра. Что он тоже смертельно вымотан, замерз, голоден и все это время терпел ее капризы. Другой на его месте давно бы уже от нее избавился и был бы прав. Забрал бы фигурки, а там передал бы их раз-другой «своим» людям, да хоть тому же

«Массино», и вернул бы к себе уже «чистенькими». Даша обрадовалась, сообразив, что майору никто не мог помешать поступить именно таким образом, и что подозревать майора с ее стороны было просто непорядочно. Впрочем, она тут же решила, что ее подозрительность оправдана, и решила себя за это не корить.

— Даша! — Артур маячил где-то далеко под потолком, размытый, словно брошенная на веранде под дождем акварель. — Даша! Очнитесь!

— Дарья Дмитриевна! Голубушка! Коньячок-с... Отведайте, — «человек-волк» притворился сладкоголосой овечкой, но вот ему Дашу было не обмануть. Он-то уж точно был «при чем».

«Человек-волк» меж тем продолжал улыбаться и размахивать сияющей, словно полярная звезда, рюмкой с янтарного цвета жидкостью внутри. Рюмка то увеличивалась в размерах, то, наоборот, сужалась в полыхающую точку, потом начинала изменять форму, превращаясь то в рождественский огонек, то в стеклянный со снежинками внутри шар, то в золотую елочную пику. «А ведь и вправду, Рождество-то совсем скоро», — невпопад вспомнила Даша.

— Я ни разу коньяк не пробовала...

— А и не надо пробовать. Вы одним махом. Как это у русских говорят — первая рюмка колом, вторая — соколом, а после третьей мелкими пташечками... Хлоп. Ну? Ну не капризничайте, барышня. Дарья Дмитриевна, вам необходимо меня послушаться и выпить! Дарьюшка-голубушка, вы сейчас выпьете этот коньяк... — старик зачем-то быстро засунул левую ладонь за пазуху — девушке почудилось, что он словно бы почесался, и это выглядело так странно и так не соответствовало «марципановому» виду старика, что она

и в самом деле изумилась. Но тут Массино расплылся в очаровательной, заботливейшей улыбке: — Пейте коньяк!

К нашатырной вони вдруг примешался тоненький, еле заметный запах нафталина. Даша сама не поняла, как «волк» превратился вдруг в милого человека, и более того, показался ей необыкновенно приятным, умным и добрым настолько, что еще чуть-чуть и она бы в него влюбилась. Даша кивнула, вытянула губы «трубочкой» и позволила влить себе в рот целых полрюмки терпкой горечи.

— Вот и хорошо, вот и умница. А теперь покушаем. Хорошо бы вам, конечно, корнбифа с кровью, но не те... не те времена. Давайте-ка, я помогу вам перебраться в спальню. Обопритесь.

— Ах! Да ничего с ней такого смертельного не случилось! Из-за обыкновенного обморока столько шума! Как будто вы не знаете, какие эти барышни притворы! — Сусанна как-то уж чересчур грубо втиснулась между Дашей и Райли и, прильнув к агенту всем телом, оттерла его от девушки.

Райли поморщился, но промолчал и позволил Сусанне снять с его пикейного жилета несуществующую пушинку.

— Я помогу, — майор Артур Уинсли ловко подсунул руку под Дашину спину. — Держитесь-ка за шею.

Даша покорно позволила майору перетащить ее на руках в отлично протопленную спальню, по-видимому, хозяйскую. Она даже не стала возражать, когда майор, усадив ее в подушки, взял из рук притопавшего следом мальчишки тарелку с пшенкой и принялся кормить с ложки. Хотя, конечно, мысли о том, что выглядит все это чрезвычайно глупо и пошло, пару раз возникли у нее в голове. Но хотелось есть, совершенно не хотелось шевелиться и думать, майор выглядел

серьезным и не подтрунивал, а коньяк оказался неожиданно пьяным, и Дашу начало клонить в сон.

— Все. Я поела и теперь спать буду, — сообщила она майору и потянула на себя пикейное покрывальце. — Как же голова кружится... И еще что-то колетса в ногу — Мишка, наверное! Или Жужелка!

— Ох! — Артур хлопнул себя по лбу. — Еще бы она не кружилась! Хорошо, что не отвалилась еще! Ну-ка! Скидывайте обувь! Быстро!

— Зачем?

— Затем, что у вас целых два предмета пытаются сработать наперебой. Чулок, наверное, дырявый, и предметы напрямую касаются вашей кожи... Да? Да-а-а! Ко всем прочим «достоинствам», вы еще и неряха!

Даша зарделась так, что всякому стало бы понятно — чулок в самом деле дырявый, дырявый давно, и хозяйка об этом прекрасно знает. Но едва Артур попытался стянуть с девушки валенок, Даша запротестовала.

— Я сама!

— Ладно, ладно. Только быстрее. И спрячьте их в тот же мешочек, где и остальные. А как уберете фигурки, немедленно ложитесь спать. К вечеру я вас разбужу.

— Ясно. Идите же!

Даша погодила, пока Артур прикроет дверь, потом взялась рукой за валенок и едва не заснула вот так, уткнувшись носом в коленки. Но все-таки собралась с силами и уже через минуту стояла посреди комнаты босая, держа на вытянутой руке кисет и два амулета. Вышивка на кисете показалась девушке необычной — не то японский иероглиф, приблизительно такой же был на привезенной дядей Мишей из Манчжурии шелковой картине, не то на букву иудейского

алфавита — алеф. Разбираться было недосуг. Даша дернула за узел кисета и осторожно опустила внутрь сначала Медведя, а потом, поразмыслив, и Жужелицу.

Вот только, пряча такой прежде дорогой «мамин кулон», девушка не удержалась и коснулась тонкой металлической лапки — тут же словно черт присел ей на плечо и зашептал на ухо: «Посмотри-ка на остальные»!

«Посмотри, посмотри», — подзуживал въедливый бесенок, похожий на беспризорника Яшку. «Посмотри, ну, посмотри же! Ничего не случится», — голосок бесенка был так звонок и сладок, что, в конце концов, девушка, не выдержав уговоров, вывернула кисет прямо над кроватью. Пять фигурок выпали на пикейное покрывало одна за другой.

Жужелица, Медведь, Летучая Мышь, Кролик и... Фенек — маленькая африканская лисичка с ушами, огромными, как веера китайских танцовщиков. Даша потянулась, чтобы погладить звереныша. И отдернула ладонь, вспомнив, с чем имеет дело. И снова протянула руку, уже точно зная, что сейчас она перетрогает все фигурки. «Буду аккуратной, не стану держать их в руках подолгу. Если почувствую себя неважно, то тут же отброшу в сторону. Или позову... Артура». Даша впервые в своих мыслях назвала майора по имени, без язвительного «этот англичанин», без отстраненного «майор». Но, занятая разглядыванием фигурок, не заметила, что это случилось как-то само по себе, без усилий. Жужелицу с Медведем Даша вернула в кисет сразу. Во-первых, она уже знала, как они работают, во-вторых, лишний раз слушать советы металлического жучка Даше не хотелось. Честное слово, даже Нянюра и та не была настолько настырной. Где теперь Нянюра? Жива ли? Даша в очередной раз запретила себе думать о старой няньке, чтобы не рвать себе сердце,

и вернулась к размышлениям о том, с какой же фигурки следует начать.

«Возможно, Мышь требуется, чтобы летать... Или чтобы хорошо видеть в темноте? Нет... Вряд ли. Видеть в темноте, наверняка, должна Кошка. Летать! Точно летать... А Кролик тогда нужен, чтобы быстро бегать! Или чтобы все грызть в труху... Хотя грызть — это к бобрам, или же бобры строят плотины», — фантазия потащила Дашу совсем уж в дальние дали, и она, чтобы не тратить время зря, решила начать изучение трофеев с Летучей Мыши. Тем более что та лежала ближе всех.

И сон как рукой сняло.

Голова стала ясной, ровно застучало сердце, рукам и ногам стало тепло. Даша почувствовала себя свежей, выспавшейся, сытой и готовой пройти пешком тысячи верст. И, может быть, по пути даже передвинуть парочку горных вершин, если понадобится.

«Вот как! Эта штука пополезнее Жужелицы будет... Хотя странно, конечно. Парадоксально...» — Даша порадовалась, что сразу подобрала правильное слово. «Парадоксально! Ведь если все предметы отбирают силы, то как вписать сюда Летучую мышь, которая, наоборот, силы придает?»

Разумно решив разобраться с парадоксом позже, Даша аккуратно убрала Летучую Мышь в мешочек и взялась за Кролика. Каково же было ее разочарование, когда ничего не произошло. Мир не перевернулся, с неба не пошел дождь из капустных кочерыжек. Из угла в угол Даша пробежала с обычной для себя скоростью и подпрыгнула не так, чтобы до потолка. Летать (хотя на это Даша и не слишком

рассчитывала) тоже не получилось, или следовало все же залезть на шкаф и стартовать оттуда... Даша еще пощурилась, ожидая волшебных видений, ущипнула себя за бок — ну а вдруг Кролик снимает чувствительность к боли? Убедившись, что никто не подсматривает, попробовала надкусить гипсового Сократа и долго рассматривала свое отражение в зеркале, убеждаясь, что никаких видимых изменений с ней не произошло. «Выясню у Артура как-нибудь поосторожнее про Кролика, а пока хватит», — Даша отправила Кролика в кисет и потянулась за Фенekom.

Фенек — очаровательная безделушка. Самый симпатичный в мире зверек! Случись прежде Даше увидеть такую прелесть у кого-нибудь из подруг на шее или запястье, наверняка позавидовала бы. А теперь меньше всего девушку интересовал вид предмета, но гораздо больше интересовали его магические свойства. Стиснув Фенека в кулаке, Даша сделала глубокий вдох и замерла в ожидании чуда.

— Сколько говорите у нее вещей? Три из обещанных? И еще две, одна из которых принадлежала девчонке, а вторая ваша личная, но бандитка ее у вас стащила? Ха-ха-ха! И стоило проделывать такой путь из-за пяти железных зверьков, которые, к тому же, и не у вас? Ха-ха-ха! Узнаю вашу ложу с ее идиотскими тайнами и родную контору с ее вечным бардаком! Помнится, когда орден еще оберегал от моего Управления свои секреты, я верил, что хотя бы где-то есть порядок и логика. Мне было необходимо в это верить, как и в гений Буонапарте. Но теперь у меня не осталось иллюзий. Подумать только — пять глупых финтифлюшек, а столько вокруг них суеты!

Насмешливый голос Сиднея Райли раздался внутри Дашиного черепа. словно старый шпион находился не просто рядом с ней, а сидел у нее в голове. Разместился с комфортом где-то в левом полушарии — нога на ногу, в одной руке бокал с водкой-мартини, в другой сигара.

— То есть? То есть внешняя разведка и орден за эти годы спелись? Оказывается, я многое пропустил...

В голову теперь забрался еще и недоумевающий Артур. И хотя к такой внезапной интервенции Даша не была готова, хотя, что уж лгать, напугалась до полусмерти, Фенека она не отбросила. Наоборот, сжала еще сильнее. «Вот, значит, ты каков, ушастик», — прошептала одними губами и приготовилась внимательно слушать то, что для ее ушей не предназначалось.

— Да уж давно. Кажется, тот год, когда мы с вами гудели в Пера, был последним годом Великой Тайны. Хотя в наших кругах уже тогда ходили слухи, и у кое-кого из тайных агентов имелись на руках предметы. Да что я вам-то рассказываю? Разве не вы, влюбившись, как болван, вручили самой Хари ту штуковину, что изменяет внешность!

— Бабочку... Да, — Артур закашлялся. У Даши задребезжали перепонки. — Давняя история.

— А! Не жалейте, Уинсли! Старушка Марго того стоила! Экзальтированна, глупа, но как же талантлива, чертовка! Как ловко она вытянула у вас тогда побрякушку! Но лично я — противник этих забав. Предметы! Чудеса! Мистика! Чушь. Современная наука предоставляет умному человеку куда больше возможностей. Никакого тебе мракобесия, никаких «сговоров с дьяволом», а результат ничуть не хуже. Ухмыляетесь, Уинсли? Не верите? Да хоть эта ваша Бабочка... К чему она, если в том же Наркомпросе по бумажке из

Кремля можно взять пятьдесят фунтов грима и столько же париков. Чуть умения — и меняй себе внешность, сколько влезет. Или вот, к примеру, через два квартала отсюда, на Пречистенке проживает профессор по фамилии Преображенский. Чудак, но ума палата! Работает над вопросами старения. Лично наблюдал, вот только не спрашивайте, какое мое до этого есть дело... — старый шпион вкусно захотал: — Так вот лично наблюдал: заходит в его приемную толстуха лет ста, а через час выходит уже институткой с румянцем во все щеки. Или возьмем, к примеру, успехи господина Сикорского в авиации! А последние эксперименты Теслы по перемещению в пространстве? Вот где настоящее чудо и торжество человека над природой! Вся же ваша мистическая суета с «волшебными зверушками» с точки зрения науки — чушь, с точки зрения религии — ересь. Нет, ну надо же! Пять фигурок, а сколько вбухано сил и средств! У русских есть по такому случаю поговорка — овчинка выделки не стоит... У русских по всем случаям есть отменные присказки и поговорки.

— В ставке рассчитывали на десять–пятнадцать штук. И это очень... Это очень много. Но вмешались обстоятельства.

Даше показалось, что Артур оправдывается, и ей стало за него обидно. Захотелось, чтобы майор немедленно ответил этому ухмыляющемуся старику что-нибудь тяжеловесное, чтобы тот замолчал и признал раз и навсегда, что предметы представляют из себя ценность, и что не зря на них потрачены были время, силы и жизни стольких людей. И что не зря из-за них, возможно, погибли тетя Лида, и дядя Миша, и Саша, и Нянюра... не зря, не зря, не зря, не зря!!!! Не зря! Слышите, вы, господин Сидней Райли, он же Сидней Массино, он же агент Интелидженс Сервис! Не зря!

Даша переложила Фенека в другую руку, устроилась в кровати, подобрав под себя ноги и вознамерившись дослушать до конца. Побольше узнать о происходящем ей ой как не помешает, к тому же в шпионских романах всякая информация, в конце концов, оказывается герою полезной. Больше знаешь — меньше спишь, но дольше живешь! Если бы Фенек давал возможность не только слышать, но и видеть сквозь стены, Даша была бы бесконечно удивлена, обнаружив, что Сусанна Борщ вовсе не взбалтывает длинной ложечкой коктейли для господ шпионов, но находится в кладовке, приложив ухо к дну стеклянного графина. Горлышко графина приставлено к стене — той самой, за которой расположена гостиная. Правой ногой в бисерной шлепке Сусанна для устойчивости опирается на тюк, который (вот странность) изредка шевелится и похрюкивает. Лицо у Сусанны сосредоточенное, губы искусаны, взгляд нехороший, как у гиены, и как-то плохо верится, что нотариус Борщ помер своей смертью.

— Все равно балаган и гурджиевщина! — судя по звуку, Райли поднялся. — И бардак! Кстати, ну зачем вы притащили с собой девицу? Что теперь с ней прикажете делать? Убирать? Я, Уинсли, слишком стар и сентиментален, чтобы душировать невинных барышень.

— Чтоооо? Да, скорее, я сам задушу вас! Эта девочка, она... Она же совсем ребенок! Она вчера лишилась семьи! Она растеряна и напугана! Да если бы не мисс Чадова, я бы вряд ли сидел сейчас здесь и слушал ваш, — Артур закашлялся от возмущения... — ваши домыслы. Я обещал доставить девушку в Крым и обещание свое выполняю. И да! Я чистоплюй!

Сноб... И держу слово! Помогите с бумагами, Райли — больше от вас ничего не требуется. Чистые проездные документы на меня и на девушку! Два места в поезде! И мы немедленно отсюда уедем в Крым. А там я как-нибудь решу вопрос с предметами сам... Кардинально.

Даша стиснула фигурку Фенека так, что побелели пальцы. «Ну же? Ну! Говори! Говори!» — шептала она, словно там, в гостиной ее могли услышать. Меж тем, в кладовой мадам Борщ не больно, но обидно ткнула носком шлепки в хрюкающий тюк, поставила графин на пол и достала из пасти «одноглазой горжетки», служившей одновременно оригинальным тайником, наполненный прозрачной жидкостью шприц. Ловко сделав «тюку» укол, Сусанна вернула пустой шприц в лису и извлекла из того же тайника маленькую склянку, оборудованную резиновой круглой «грушей». Внутри склянки переливалась сиреневым «обморочным» цветом субстанция плотности и текучести обыкновенной аш-два-о.

— Ах-ха-ха-х-ха, — заливался на всю гостиную Сидней Райли. — Ах-х-ха-ха... Нет уж, Артур! Кардинальные решения предоставьте мне. Уж я-то знаю, как заставить девчонку отдать предметы... Ах-а-а-ха! Да вы побледнели! Не бойтесь — никакого физического воздействия! Девица ваша останется жива-здорова. Вот, вы, например, заметили, как я давеча заставил ее выпить коньяк?

— Да... И весьма удивился, если честно. Если бы вы не были таким ярым ненавистником предметов, то решил бы, что у вас Кролик. Или даже Орел.

— Кролик, зайчик, белочка, бурундучок? Нет, Уинсли! Нет у меня никаких безделушек, зато есть химическое вещество с известной лишь мне и еще одному человеку формулой! Не странного происхождения побрякушки, но продукт

человеческого разума! Фармацевтика! Морфин и феромональный патентованный компонент! Достаточно двумя пальцами сдавить грушу и направить пульверизатор (слово «пульверизатор» Райли произнес с видимым удовольствием, словно это он сам его только что придумал) на вас, как вы с удовольствием станете делать то, что я вам прикажу, а также послушно отвечать на любые мои вопросы... Где же? Где же он? Черт!

— Вэрмута с водкой, господа? — с ласковой улыбкой всплыла в комнату Сусанна. В правой, согнутой чашечкой ладони она держала сиреневую склянку, двумя пальцами левой руки касалась круглой резиновой груши.

— Сусаннушка... Что это вы такое творите? Откуда у вас эта вещь?

— Значит, экзальтированна и глупа... — задумчиво протянула Сусанна по-английски. — Да вы — хам! Но за «талантлива» я прощаю вас, Сидней! А теперь, «дусья», дышите глубже...

Танцевальным, неуловимым движением Сусанна метнулась к старому британскому разведчику и выпустила прямо в его вытянувшееся лицо облачко фиолетовой жидкости. Туман с отчетливым нафталиновым душком окутал голову старика, потом неохотно развеялся... Сидней чихнул, еще раз чихнул, и еще раз...

— Ааапчхи!!! Ты старая бесстыжая мразь, Маргарита Зелле! Ааапчхи!!! Какого черта ты здесь делаешь? Когда успела вытащить у меня склянку? Где настоящая хозяйка? Ааапчхи! И мой грим... Ты что? Стащила у меня грим?! Ааапчхи! Боже мой! Как я рад нашей встрече, Марго! Дрянь! Марго, я всегда был бесконечно вами очарован... Жаль, что тебя в семнадцатом французы так и не дорасстреляли до конца! Как же жаль!

— Многим жаль, «дусья». А ты постарел с нашей последней встречи. Стал точь в точь старый напыщенный петух! Как это по-русски? Пэтушок-пэтушок, золотой гребэшок, масляна головушка... Да вот только лиса его ам — и съела, — Маргарита Зелле, она же Мата Хари, она же Сусанна Борщ (а еще скольких ее имен мы не знаем) стянула с головы дурацкий черный парик и, выдернув из него фазанье перо, лихо всадила его прямо в горжеточью пасть.

Скорчившись в кресле, майор норфолкского полка Артур Уинсли беззвучно и с наслаждением хохотал.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Которая раскроет читателю не только глаза на некоторые обстоятельства

Примостившись на широком подоконнике среди увядших фикусов и жухлых гераней, Маргарита терпеливо ждала, пока майор наконец-то перестанет смеяться. Под слоем грима лицо ее казалось кукольным и бесстрастным, но руки слегка нервничали. Она то поправляла сползающую с плеча лису, то одергивала юбку, то норовила убрать в крошечный, прежде прятавшийся под париком пучок тонкую седую прядь. Опомнившись, замирала. Сидела, не шевелясь и не мигая. Свет, пробивающийся сквозь пыльное стекло, размывал ее силуэт, делал его зыбким, неотчетливым. Высветленный четырехугольник окна и деревянная рама, похожая на массивный багет, создавали иллюзию гигантского натюрморта, на котором марионетка отдыхает среди увядших цветов. Выглядела Маргарита старой и очень измученной, хотя бодрилась изо всех сил.

— Да пристрелите же ее, Райли! — прохрипел сквозь смех Артур. — Или пистолет ваш она тоже стащила?

— Он не может... — ухмыльнулась Маргарита. — Подействовал препарат. Старичок наш сейчас в меня почти

влюблен, да и к вам тоже равнодушен! И здравствуйте, *mon cher*! Подумать только, что за фортели вытворяет с нами судьба! Я ведь была уверена, что наша встреча в поезде — последняя. Но обстоятельства изменились. Знали бы вы, какие мне пришлось выдумывать трюки, какие перебирать маски, сколько изобретать лжи, чтобы отыскать вас здесь. Ах, Артур, мы с вами вроде Англии и Франции. Разделены узким Ламаншем горечи и обиды, зато сколько общего! Страсть, измена, ненависть, милые пустяки, вроде Бабочки и вашего бумажника с гардеробом. Ну и, разумеется, общие друзья — Сид Райли, ваш дедушка Артур Уинсли... Теперь, кстати, еще этот Бейкер из Кентукки.

— Из Чикаго, — поправил Артур, посерьезнев. — Его зовут Генри Баркер.

— Баркер — Бейкер, никакой разницы. Уже никакой. Много изменилось за последние пару месяцев, и теперь вы — моя последняя надежда, Артур. Вы, мой дружок, и никто другой приведете меня к Гусенице! Ведь вы же великодушны, добры и не допустите, чтобы я умерла?

— Ах, Гусеница? Ну да! Уж спешу за ней со всех ног! — ирония была настолько неприкрытой и откровенной, что хотелось немедленно накинуть на нее плед. — Нет, дорогая Марго! Я даже пальцем не шевельну ради вас! Даже если вы испустите дух здесь и сейчас. Даже если вы станцуете «Баядерку» полностью обнаженной. Увы, я уже не тот Артур, которого вы знали прежде, и, боюсь, вам теперь нечего мне предложить. Право, не думаете же вы, что получится соблазнить меня во второй раз? Достаточно того, что из-за вас когда-то я потерял все! Дом, семью, будущее...

— Дежавю-дежавю! Маленький Артур снова уверен, что он взрослый и умный мальчик, который разбирается во всем

и даже чуть больше. Послушай-ка сюда, дружок! — Мата Хари вдруг перешла на фамильярный тон, в котором игровые нотки отчетливо переплетались со снисходительными интонациями. — Ты у меня словно слепой котенок! Но кто-то должен раскрыть тебе твои серенькие глазки! Но кто? Кто же это сделает? Могла бы и я, но ведь я утратила твой кредит доверия? Тогда кто у нас тут еще имеется?

Она демонстративно огляделась и ткнула пальцем в Райли. Артур непроизвольно проследил взглядом за пальцем и увидел, как шпион пристально рассматривает пустой бокал. Будто на дне его желает отыскать истину.

— Кто же? Кто? — продолжала кривляться Маргарита. — Да хоть вон тот — с лицом заблудшей овечки. Ведь он у нас сейчас абсолютно и полностью бескорыстен и правдив. Не веришь? Так давай же поскорее проверим! Спросим старичка Сиднея Райли, к примеру, про восьмой год. Папочка Сид, ну-ка поведай крошке Артуру, что ты делал в восьмом году в Константинополе. Отвечай же! Ну!

Шпион яростно замотал головой, будто встряхивая остатки воли и здравого смысла, с трудом поднес руки ко рту и даже зажал его на доли секунды, но тут же растянул губы в гуттаперчевой улыбке и заговорил. Говорил он трудно, то и дело останавливаясь и напрасно пытаясь справиться с неудержимым желанием говорить правду.

— Мне тогда... приказали «случайно» свести... свести одного мальчишку... Артура Уинсли-младшего... с небезызвестной Матой Хари... Да-да! С вами, Марго. Выдернули прямо из Пекина, чтобы я всего лишь устроил это знакомство! А когда человеку вроде меня... вроде меня дают такие, вроде бы, простые задания, обязательно нужно навести справки. За простыми заданиями кроются порой самые страшные

секреты... Вам ли не знать... И я... Я навел справки через своих приятелей в Лондоне... в Лондоне, выяснил весьма любопытное... — Сидней Райли набрал побольше воздуха, раздул щеки, пытаясь задержать дыхание, но всего лишь отсрочил неизбежное. Воздуха хватило на минуту, ровно столько же длилось молчание, зато, выдохнув, шпион продолжил гораздо быстрее и уже без мучительных пауз. — В общем, за кое-какие услуги мисс Хари полагалась премия — некая (тогда я даже не представлял, о чем идет речь) драгоценная вещь в виде насекомого. Речь шла не то о бабочке, не то о гусенице, но это было не так уж и важно. Главное, что передать эту вещичку Мате Хари должен был молодой Артур Уинсли.

— Что? — Артур в волнении привстал, но тут же под взглядом Маргариты, больше похожим на окрик, опустился обратно в кресло.

— Гусеница или бабочка! Да! Бабочка! — Райли замахал руками, по-видимому, изображая летящее насекомое. Любой энтомолог, увидь он вдруг такую «бабочку», на всю жизнь обзавелся бы ночными кошмарами. — Какого черта, подумал тогда я? Во-первых, не так уж мадемуазель Хари не востребована, чтобы работать за побрякушки. А во-вторых, эту безделушку мог ей передать и я. Мне это доставило бы удовольствие — мадемуазель Хари мне импонировала, хоть всегда была сукой... Увы, Марго, но я не способен сейчас лгать — таково действие препарата. Меня неудержимо к вам тянет, я в вас почти влюблен и готов за вас отдать жизнь, но не проинформировать вас, что вы мразь, и когда-нибудь не без наслаждения я наверчу ваши кишки на свою трость, я тоже не могу.

— Дальше! — прервал болтливого старика Артур. — Продолжайте...

— Да, конечно, — обреченно вздохнул Райли. — Подумав, я предположил, что дело не в ней, не в Мате Хари, но в нем... Дело в Артуре Уинсли — напыщенном глупом юнце — внуке Безумного Шляпника. Не обижайтесь, Артур, но вы и были напыщенным юнцом, а вашего деда все в Лондоне за глаза называют Шляпником. Он же у вас сумасшедший. К тому же роялист и тори, а кто сейчас любит тори? И тогда я понял — если из-за маленького дурня Контора поднимает таких серьезных людей, как я и мисс Хари, то наш дурень — не дурень вовсе. У русских, кстати, по такому случаю есть замечательная поговорка: «кляча неказиста, да бечь хороша»!

— Сплошной фольклор вперемешку с трепом! Так мы и до утра не закончим, — Марго медленно достала из-за пазухи браунинг и щелкнула предохранителем. — Дальше говорить буду я. А вы, болтун этакий, просто кивайте, чтобы майор видел — я не лгу. Ясно?

— Более чем ясно! У русских и на этот счет есть поговорка...

— Просто кивайте! — Маргарита стукнула рукоятью пистолета по столу.

Стол крикнул. Богемского стекла «под старину» люстра вздрогнула подвесками и тоненько зазвенела. Икона-копчушка, стыдливо прячущаяся на нижней полке ногастой этажерки, шлепнулась картинкой вниз прямо на модный журнал с фотографией дамы в купальном полосатом костюме. Даша, которая настолько увлеклась происходящим в гостиной, что даже, кажется, перестала дышать, подпрыгнула на месте. Сердце ее от испуга едва не вылетело вон, и пришлось отложить Фенека в сторону, чтобы целую минуту ждать, пока оно успокоится. Заодно и обдумать услышанное. То, что за эти двадцать минут Даше довелось узнать, было в тысячу раз интереснее любого прочитанного прежде романа. Про

великую Мату Хари Даша, разумеется, была наслышана, но кто бы мог подумать... кто бы мог предположить, что Артур с ней давно знаком и даже... (Даша поморщилась) прежде находился с ней в романтических отношениях. Несмотря на то, что про романтические отношения упомянуто было лишь намеками, Даша все замечательно поняла. К тому же Даша впервые в жизни узнала точное значение выражения «укол ревности». Это был именно укол — острый, очень быстрый... и неожиданно болезненный. В иной ситуации Даша поразмышляла бы о причинах ревности, но сейчас гораздо важнее было думать о другом, например о том, что же случится дальше. Девушка погладила ушастую лисичку по спинке и снова оказалась в самой гуще событий, пропустив совсем ничего.

— То есть... — майор говорил тусклым, неприятным голосом. — То есть дед сразу знал, что я не привезу ему Бабочку? Не понимаю... К чему тогда весь этот театр? К чему обмен предметами? А встреча с менялой? А испытание выбором... Бабочка или Гусеница? Это что? Чей-то план? Чей? Разведки? Ваш, Маргарита? Деда?

— Артур... Милый мой Артур, — Маргарита вздохнула. — О чем и речь. Вы всегда настолько уверены в собственной проницательности, что не видите дальше своего носа. Не видите, как вами вертят все, кому не лень. Впрочем, не огорчайтесь. Все мы — часть чьего-нибудь плана. Как говорят русские, «человек предполагает, а бог...»

— Располагает, — радостно завершил фразу Сидней Райли. — Вообще-то вы угадали, Артур. Это Безумный Шляпник устроил тогда отличную многоходовку. Можете гордиться своим стариком! Он у вас гениальный стратег, хоть и сумасшедший!

— Не понимаю... Зачем все это ему? Чтобы что? Чтобы лишить меня наследства? Чтобы унижить? Зачем, черт побери, он сначала потратил восемнадцать лет на мое обучение, а потом в один день вышвырнул меня вон из ордена и дома?

Даша, закусив нижнюю губу и нахмурившись, ждала ответа не меньше Артура. «Шарада выглядела не простой! В любимом дядей Мишей петербургском ежемесячнике «Иллюстрация» таких точно не встречалось. А шарады она решать любила и умела. Например, головоломку про Шпицберген решила слету, а дядя Миша весь день бурчал себе под нос и исчиркал целый блокнот. И про следопыта решила тоже... Как там было? «Часть первая на земле остается, когда по ней кто-то пройдет. Вторая — дается ошибками в долгом труде...» След плюс опыт — выходит сле-до-пыт».

В гостиной вздохнули, кашлянули, что-то мелкое упало и покатилося по полу, раздались легкие шаги, словно кто-то танцующей походкой пересек комнату.

— Артур! Милый мой Артур... — Маргарита присела на валик кресла, почти коснувшись локтя Артура своим бедром. — Я хочу, чтобы ты знал — в той отвратительной истории я не так уж и виновата. За месяц до нашей с тобой встречи меня познакомили с одним джентльменом. Да-да! С твоим дедом, Артур. У нас получилась весьма познавательная беседа... Поверь, я чуть не подавилась трюфелем, когда твой старик поведал мне о существовании предметов и при помощи Моржа убедительно продемонстрировал, что он не лжет. Канарейку было немного жаль, но я не люблю птиц. А в конце нашей недолгой встречи мне был обещан предмет — один из двух. Бабочка или Гусеница. Меня устраивал

любой... Пожалуй, Бабочку я тогда хотела больше. Я была полна сил, а когда у тебя впереди целая жизнь, о смерти думаешь мало. Ты должен понять меня, Артур. К тому же, мне угрожали французы и нужно было что-то особенное, чтобы сбить их со следа... Бабочка для этих целей подходила великолепно! Взамен же от меня требовался суший пустяк — забрать обещанный предмет у молодого и пылкого юноши любым способом. Обманом, хитростью или силой. А ты был так свеж, так наивен, что я не удержалась — я совратила тебя, мой мальчик. Прости. Но это вышло так легко и в то же время было так возбуждающе...

— Зачем же?

— О! Русские на этот счет говорят...

Маргарита приложила указательный пальчик к губам Артура и одарила Райли таким красноречивым взглядом, что тот закашлялся.

— Тссс... Не перебивай! Слушай! — пальчик игриво коснулся носа майора. — Видишь ли, целых восемнадцать лет дед тебя натаскивал. Натаскивал тщательно, умело. Знаешь, как хорошие охотники натаскивают чутыстых подружейных щенков? С веревкой и парфорсом! Не ты ему был нужен, дружок, а твой уникальный дар. Мне, к примеру, это стало ясно сразу, едва ты так искренне и так неосторожно поделился со мной детскими воспоминаниями и разболтал о необыкновенном своем чутье. Вообще-то, это выглядело очень трогательно... Мне все время хотелось тебя защекотать... Mon cher! Все просто как дважды два — Безумный Шляпник разложил перед тобой приманку. Сделал все, чтобы ты с радостью и добровольно принял с рождения определенную для тебя роль. Я! Я и стала твоей приманкой, дорогой мой мальчик! Подстроенная твоим стариком позорная

«утрата» ценного трофея — Бабочки, обязана была тебя разъярить и заставить броситься за мной, используя все, чем одарила тебя судьба. Я про твой дар следопыта, голубчик... Не подумай, бога ради, чего скабрезного. Ты тогда должен был взять след! Обязан был взять! Старый Уинсли положил на тебя восемнадцать лет и теперь ожидал от тебя решительности и азарта! А ты что? Заскулил, заартачился, испугался... Приполз к дедушке под бочок с повинной, даже не попробовав исправить промах! Фу! Ни тебе самолюбия, ни злости, ни страсти. А что главное в хорошей ищейке, если не страсть? И что, скажи, остается охотнику, если ищейка, на которую он так рассчитывал, оказалась с изъязном?

— Избавиться от недоделка! — горько выдохнул Артур.

Он вспомнил, как вернулся в Лондон — разбитый и униженный и как искал у деда сочувствия. Как ждал слов поддержки или хотя бы молчаливого сострадания. Но старик продолжал выпрашивать подробности про Бабочку, а на просьбу Артура прекратить его мучить, сухо рассмеялся. Артур вспомнил, как старый Уинсли пришел в его комнату, чего не делал уже лет десять, сел в неудобное кресло с прямой спинкой и спросил: «Так ты намерен ее искать или нет?»

Тогда Артур решил, что дед говорит о Марго — ему тогда ничего другого и в голову-то не лезло. Но оказывается, старик спрашивал о Бабочке. Через три недели, когда Артур спешно уезжал в Оксфорд, дед вышел на крыльцо, долго наблюдал, как внук грузит чемоданы в ландо и, уже распрощавшись, вдруг обернулся и процедил сквозь зубы: «Ты ведь мог бы использовать для поисков свой дар. Почему это не пришло тебе в голову?»

Артур сделал вид, что не расслышал. Сама мысль о том, что ему придется отправиться в бесконечное путешествие,

останавливаться в шумных городах и грязных городишках, жить в гостиницах и на съемных квартирах, бродить по чужим улицам, замурив глаза и разбирая следы предметов, показалась Артуру отвратительной. Он сделал вид, что не услышал вопроса деда, быстро запрыгнул в экипаж и уехал, не оглядываясь. С тех пор старика Уинсли Артур больше не видел, если не считать короткой встречи в Константинополе.

— Вот именно! Избавиться от недоделка, — эхом повторила Марго. — Больше ты ему был не нужен. Теперь ты видишь, как мало в том, что произошло, моей вины? Я — всего лишь инструмент... А возможно, даже жертва. Ведь старик твой «забыл» предупредить меня о последствиях частого использования предмета... Когда же я догадалась обо всем сама, было уже поздно. Предметы, словно кокаин. Ты знаешь, что они тебя убивают, но отказаться уже не в силах.

Артур, поднявшись, размял затекшие ноги, отошел к окну. Глубоко задумался, машинально передвигая с места на место горшок с кактусом.

Слишком стройно и слишком правдиво выглядела версия Марго, чтобы в ней усомниться. Восстанавливая в памяти события, Артур все больше убеждался в том, что шпионка не лгала. Возможно, не договаривала, наверняка преследовала собственные интересы, но не лгала. Все складывалось один к одному. И тогда, в восьмом году, и сейчас. Тем более сейчас!

Чего стоит подсунутое ему норфолкское дело — манок, мимо которого он никак не мог пройти? Чего стоит намек на то, что Султанская пара поможет решить норфолкскую неразрешимую головоломку? А неожиданный приказ направиться в Москву, где хранится такая нужная Артуру Жужелица плюс

(любопытное совпадение) еще несколько предметов, которые необходимо вывезти из России? Вывезти не потому, что так требует дед, не потому, что так нужно ложе Хранителей, но во благо всей Британии. А что дальше? Дальше должен появиться кто-нибудь с еще одним списком, и с еще одним... Беги, Артур, беги! Держи по ветру свой чуткий нос! Собирай предметы, неси их хозяину и не забывай вилять хвостом!

Нет! Марго не лгала. Дрессировать родного внука, как щенка, вполне было в духе старого Уинсли. Страстный спортсмен, любитель верховой и ценитель норной охоты — дед разбирался в собаках не хуже самого преподобного Раселла, чьих длинноногих терьеров предпочитал прочим породам, даже фоксхаундам, свору которых держал для лисьего сезона в Глостершире.

На восьмой день рождения дед подарил Артуру щенка спаниеля. Со стороны деда это была уступка. Почти признание поражения. Со спаниелем на волка или лису не походишь, порода подходит только для луговой или болотной дичи. А разве это достойное джентльмена занятие? Стрелять птицу дед не любил, отчего-то полагал ниже своего достоинства, но, увы, иного выбора Артур старику не предоставил — наездник из него был никудышный, стрелок так себе. Поэтому либо утки с вальдшнепами, либо придется похоронить надежду когда-нибудь привить мальчишке любовь к охоте. Дед лично съездил в Кеннел-клуб, взял адрес лучшего питомника спрингеров и сам выбрал крупного, здорового щенка. Артур вежливо поблагодарил деда, назвал щенка Совереном, но лишь тогда, когда дверь детской закрылась, и Артур остался с Совереном наедине, он позволил себе схватить

щенка в охапку и расцеловать слюнявую морду. Щенок не возражал. Он вообще обладал веселым и добродушным нравом. Как все молодые спаниели, Соверен был бестолков, суетлив и непослушен. По утрам он прыгал к Артуру в кровать, днем колотился лбом в закрытую дверь библиотеки, отвлекая хозяина от изучения «характеристик и свойств предметов, а также их взаимодействий», а вечером носился по парку, яростно облаивая неспешную серую кобылку. Кобылку эту маленький Артур обычно выбирал для конных прогулок, предпочитая ее более резвым обитателям дедовой конюшни. Дед неодобрительно наблюдал за внуком из окна кабинета. «Молодежь не та... не та молодежь, сэр», — Питер Хоуп отлично чувствовал настроение хозяина.

— Собираешься натаскивать щенка? — дед встретил Артура на крыльце, когда тот, вспотевший и только что извалявшийся в листьях, спешил к себе, чтобы переодеться к ужину. Соверен трусил следом.

— Да. Да... Конечно... Натаска, — Артур покраснел. Он прекрасно помнил, что собаку ему подарили не для игр и беготни, но ему отчего-то было жаль беззаботного и глупого Соверена. Почему Соверену нельзя просто быть щенком, почему он обязательно должен что-то делать, чему-то учиться, кого-то вынюхивать, выискивать, таскать в зубах...

— Пospеши, Артур. Как бы не оказалось поздно. Сколько ему? Шесть месяцев? Семь? Начни с дупелей — вот тебе мой совет. И гляди, чтобы пес не хватал ежей, не гонял жаворонков. Один раз собьешь у собаки привычку к настоящей дичи — потом не переучишь.

— Да. Я понял, сэр. Завтра с утра начну...

Конечно же, «завтра с утра» Артур проспал, к ланчу нашлось занятие поинтереснее — Эгертоны устроили пикник,

а затем надо было спешить домой — расписанием, написанным дедовым колючим почерком, Артур пренебрегать не смел. И на следующее утро как-то не получилось заняться с Совереном — из Лондона с оказией привезли свежие журналы и книги, надо было их разобрать, расставить по полкам, предварительно просмотрев все иллюстрации и подписи к ним. И на следующий день, и на следующий...

А потом случился тот лисенок. Соверен учуял его раньше, чем учуял старый терьер — любимец деда. Щенок завилял хвостом, прижался животом к траве. Дед придержал свою собаку свистком и посмотрел на Артура, мол, вперед — твоя добыча. «Down! Лежать!» — прошептал Артур, точно зная, что Соверен не ляжет. Когда Соверен даже ухом не повел на незнакомую команду, но, глупо таявая, поднял звереныша, а потом погнал его по кустам прочь от хозяина, Артур понял — щенка у него уже нет.

— Ну, решай, быть ему или не быть, — дед соскочил с гнедой кобылы и пренебрежительно кивнул в сторону забившегося под камень лисенка. — Только не затягивай с выбором. Джентльмену это не к лицу.

Ошалевший от радости Соверен прыгал вокруг камня и брехал. Артур не стал его подзывать — знал, что щенок не послушает команды. Отчего-то поднялась внутри злость на ни в чем неповинного лисенка — если бы не он, дед ни за что бы не догадался, что Соверена так никто и не натаскал. Артур отчаянно вскинул ремингтон. Соверен метался по полянке, мешая прицелиться.

— Лежать, Соверен! — зачем-то крикнул Артур сквозь слезы. Собака запрыгала вокруг него.

— Ты недоволен? Отчего же? — дед положил ладонь Артуру на плечо. Это не было жестом одобрения или сочувствия.

Это был вердикт. — Ведь твой пес загнал целую лису. Смотри-ка, с виду, вроде, спаниель, а повадки как у борзой. Может, это новая порода? Или, может, у тебя уникальная собака... Или все куда проще, и ты своей ленью и слюнтяйством испортил отличного щенка?

— Он... Я его еще натаскаю! Я натаскаю его на перепелов! И на зайцев! У него прекрасное верхнее чутье! И он сильный! И очень быстрый.

— Твоя собака уже никуда не годится. Поехали домой, Артур. И убери ружье. Лисенок не виноват.

Домой они ехали в молчании. Соверен прибежал к вечеру, когда Артур был уже в постели. Запрыгнул на кровать — вонючий, смешной, глупый. Принялся лизать Артуру лицо и руки. Артур обнимал пса за шею и твердил: «Мы всегда будем вместе! Обещаю тебе! Завтра в пять мы встанем и бегом на болота! Он еще увидит, на что ты... мы способны». Соверен скулил и соглашался.

Проснувшись в восемь, Артур спустился к завтраку. Собаки нигде не было. Артур вяло ковырялся в омлете, боясь поднять на деда глаза. Так и не спросил, ни в тот день, ни на следующий. А в среду вернулся откуда-то Питер Хоуп, он то и шепнул Артуру, что отдал Соверена какой-то своей давней знакомой из Сэнт-Мери-Мид. «Добрейшей души леди. Хоть и не без странностей. Не переживайте, сэр. Она любит животных».

Больше у Артура собак не водилось.

Майор Уинсли смотрел через пыльное стекло на улицу со странным названием Сивцев Вражек. Все также дрожала от холода сидящая на крыльце побирушка, все также прыгал

вокруг нее подросток, пытаюсь согреться. Показался вдали патруль — один патрульный тяжело приволакивал ногу. Белая с рыжим кошка прыгнула на забор, но, не удержавшись, съехала вниз. Шлепнулась в снег, но тут же вскочила, отряхнулась и, словно ни в чем ни бывало, принялась умываться. Шелудивый барбос следил за кошкой, прячась за тощим деревом. На ветках, похожие на огромные розовые яблоки, качались снегири.

— Выходит, старик думает, что я повзрослел и изменился. Выходит, дает мне шанс исправить ошибки и вернуться в орден? Да он и вправду безумец! Глупец! Я ведь еще в детстве презирал все это — и Хранителей, и их напыщенный Кодекс, и предметы, и всю связанную с ними ложь... Нет! В ложу ему меня не вернуть!

— Господи, Артур! Какой шанс? Какая ложа? Это не он, это ты — глупец! Ты — шлак! Пустая порода! Тебя давным-давно слили в помойное ведро! И именно поэтому ты здесь! Ты здесь, идиот, потому что ты — ищейка! Ни на что другое ты не сгодился! Да если бы не охота, о тебе бы никто не вспомнил. Но в Европе случилась о-хо-та! Твой краснорожий дружок Бейкер случился!

— Баркер, — машинально поправил Артур. — А это здесь причем? Не понимаю... За предметами охотятся постоянно. Не одни, так другие. Не другие — третьи. То, что американская ложа направила в Европу своего охотника, не значит почти ничего. Ну, увезет Генри в Америку свои десять предметов... А скорее всего, из десяти — два-три, не больше. При чем здесь он, причем здесь я?

— Да потому что фермер наш — не обычный охотник, каких сотни. Он, милый мой Артур, как и ты, ищейка! Тебе пояснить, что это значит? Или напряжешься и сообразишь

сам? Ну? Кто у нас тут умненький? Кого целых восемнадцать лет учили волшебству, магии и изредка думать головой? А?

В гостинной случилось молчание. Было оно недолгим, но громоздким и страшным. Так застывает неподвижной стеной океан, прежде чем обрушится безжалостной волной. Или земля... Именно так бездыханно молчит земля перед самым сильным землетрясением. Это особенная, вязкая тишина, которую нельзя спутать ни с чем. Именно про такую тишину говорят: «Застыло время». В соседней комнате и без того встревоженная Даша Чадова отчего-то вдруг почувствовала внутри себя рыхлую пустоту, задохнулась тоской.

— Какой у Генри Баркера дар? — майор Уинсли отчетливо скрипнул зубами и, кажется, побледнел (этого Даша знать никак не могла, но когда говорят таким сдавленным голосом, обычно бледнеют).

— Понятия не имею! Я и так, благодаря Бабочке, достаточно всего разузнала. И наболтала тут на целый шпионский роман. Однако, не удержусь, добавлю еще капельку... Твой старик, Артур, догадывается про ищейку. И выдернул он тебя, потому что с таким раскладом американцев крыть ему нечем! Лучше уж пусть будет бестолковый и непокорный внук, чем жадные заокеанские свиньи, которые еще чуть — и начнут мести предметы один за другим. Думаю, вон ему, — Марго показала подбородком на Сиднея Райли, который все это время кивал, будто китайский болванчик, — подробно разъяснили кто ты таков, что умеешь и как с тобой работать. Наверняка, что-нибудь примитивное... На большее СИС и не способна. Где-то уболтать, где-то соврать, где-то надавить на слабые места, припугнуть или воспользоваться химией. Ты же, уж прости меня, дружок, все такой же доверчивый болван, а Сидней, хоть и постарел, еще тот прохвост!

Так что, милый мой Артур, ты полагаешь, что стоишь у окна, а на деле же стоишь на пороге великих свершений! Только вот после великих свершений исполнителей обычно убирают. Это ты, надеюсь, понимаешь? Думаю, что как раз господину Райли и достанется эта честь. Так, Сид?

Шпион послушно кивнул.

Спички ломались одна за одной, но все же Артур сумел прикурить. Папироса показалась ему отвратительной — пришлось тут же раздавить ее в пепельнице. Маргарита поморщилась от кислой табачной вони.

— Фу... Что за дрянь ты куришь, Артур. Напомни, я найду тебе в закромах Сусанны Борщ отличную сигару. И да! Кстати, дед твой пообещал мне Гусеницу, если я вычислю американскую ищейку и устраню ее. Сперва ему достаточно было лишь имени охотника, но, узнав что это не просто охотник, а ищейка с даром, дедуля стал кровожадным и теперь требует голову янки на блюдечке — мол, будет блюдечко, мисс Хари, будет и Гусеница. Вот только я ему не верю... Ведь благодаря Бабочке я просто неприлично хорошо осведомлена. И наш дедушка наверняка уже заказал для меня заупокойную. Знаешь, милый, что самое смешное? Ему даже руки пачкать не придется — достаточно не допустить меня до Гусеницы, я ведь и так уже ходячий труп. И именно поэтому янки все еще жив, и поэтому я здесь, а не в Лондоне, в особенности твоего старика с головой твоего дружка Генри Баркера под мышкой. Не люблю я, когда мне навязывают ампула, даже если это сама Саломея. Между прочим, в вашем лондонском доме страшно дует из окна гостиной.

— Он так и не заменил стекло... — задумчиво протянул Артур.

— Что?

— Окно. Оно треснуло, когда я случайно попал в него мячом. Это случилось двадцать лет назад. Так что вы хотите от меня, Маргарита? Вы же не просто так, не по душевной доброте все это сейчас говорите? Так что?

— Артур! — Марго взяла его за руку. — Мне нужна Гусеница! Я ведь в самом деле умираю... Думаю, мне остался месяц или, может, два. Мне нужна эта Гусеница! Все, что я могла дать тебе взамен, Артур Уинсли, я только что отдала. У меня ничего нет, кроме информации. Разве что моя убийца — Бабочка. Вот где парадокс. Бабочка меня убивает, но без нее я не доберусь даже до границы — слишком многие хотели бы меня убрать. А театральный грим, увы, ненадежен. Помогите мне, Артур. Не Мате Хари, не бывшей своей возлюбленной, не той, что тебя однажды предала. Помогите старой, умирающей женщине, Артур! Ты ведь знаешь, где Гусеница? И твой дар... Ты ведь сумеешь помочь?

Артур мягко, но настойчиво вытянул ладонь из холодных цепких пальцев Марго.

— Я бы мог, Марго, но...

«Нет! Не верь ей! — Даше хотелось крикнуть это так громко, чтобы ее услышала вся квартира. Чтобы задрожали стекла, чтобы задрезжали подвески на люстрах. — Не верь! Она лгунья!»

Даша сама не понимала, отчего внутри нее поднялась вдруг волна бесконечной злобы, почти ненависти к совершенно незнакомой ей женщине. Будь она немного постарше, она бы догадалась, что в ней говорит ревность напополам с интуицией. Что она своим женским, нелогичным и необъяснимым чутьем слышит неуловимую для мужского уха фальшь. Что чувствует исходящую от Маргариты смертельную опасность: «Не верь»!

— ...но я вам не верю, — Артур пожал плечами.

— Тогда гляди! — она так яростно сдавила «грушу» флакона, что та запищала, будто протестуя.

Фиолетовое облако окутало их обоих. Мата Хари и Артур Уинсли стояли друг против друга в нафталиновом едком тумане.

— Мне нужна от тебя только Гусеница, и больше ничего! Я так хочу жить, Артур! Помоги! И больше, клянусь, ты меня не увидишь. Ma parole! Честное слово! А еще... Еще... Боже! Что я говорю? Зачем? Боже! Я любила тебя, Артур! — она спрятала лицо в ладонях, как будто застыдилась сказанного.

— Я тоже любил тебя, Марго! Сильно... даже слишком сильно любил.

Артур вздрогнул. Он не ожидал, что действие препарата окажется мгновенным и настолько сильным. В голове слегка гудело, но гул казался приятным и пьянящим. Хотелось болтать, балагурить и танцевать. Артур с изумлением огляделся, мир вокруг вдруг стал ярким, заиграл разноцветьем красок, заструился восхитительными ароматами. Все еще сидящий в кресле резидент СИС, о котором все позабыли, показался Артуру удивительно добрым, умным и приятным человеком. Маргариту же было бесконечно жаль, а взгляд все еще прекрасных глаз вызывал желание спасти ее от скорой и неизбежной смерти. А еще Артуру хотелось пойти в комнату и сообщить этой русской девушке Даше Чадовой, что она — маленький упрямый ослик, но пусть ничего не боится. Все будет хорошо — он ее не оставит и не предаст. А еще спросить Дашу, почему у нее такие удивительно нежные губы, которые...

— Теперь веришь? Я не лгу. Так ты поможешь мне? Умоляю! — Маргарита помешала Артуру додумать до конца, но

может, это было и к лучшему. Как знать, к чему могли привести майора подобные мысли?

— Да. Да! Черт побери! Я помогу вам! Гусеница сейчас или в Топловском у Хранительницы Февронии или уже у Генри Баркера, если он оправился от раны и успел туда добраться раньше нас. Пойдите, Марго! Ведь это Генри должен был добыть ее для вас... А Малыш Стиви? Он жив?

— Генри... Да... Стиви... — она замялась, словно подбирая ответ. — Стиви? Ах да! Конечно же Стиви. Мальчик в полном порядке. Он в Бухаресте под присмотром моих людей. Разумеется, его отпустят. Я отобью телеграмму. Немедленно! Ты ведь помнишь, все, что я сейчас говорю — правда. И я бы не тревожила тебя просьбой... я бы дождалась марта и этого твоего Баркера, но, боюсь, у меня уже не осталось времени. Впрочем, если Гусеница уже у янки, то тем лучше. Разве ты не сумеешь убедить его отдать предмет? Хотя бы... хотя бы на время!

— Тогда чего мы медлим, Марго! В Крым! Райли, где проездные документы? У агента? Тогда скажите имя вашего агента! И адрес! В Кремле? На Лубянке? — Артур чувствовал себя способным свернуть горы. И уж тем более забежать на четверть часа в ЧК, поболтать там с агентом британской разведки, оформить дорожные бумаги и выбраться беспрепятственно наружу.

— Бессонов Евгений... Бес... О черт! — Райли даже попробовал держать себя за челюсть, но препарат опять оказался сильнее. — Бессонов — лучший мой агент в Москве... чекист, лично знаком с Железным Феликсом... фанатик и чудак... опасный чудак. Бес доверяет лишь мне... мы с ним когда-то учились вместе, вместе были в одном социалистическом кружке... потом я нанял его для конторы... он сейчас

должен ждать меня и вас, Артур... но без меня он вам ничего не даст! Он параноик. Я его отлично знаю!

— И где ждет? На Лубянке? — Марго осторожно сняла с подоконника горшок с кактусом, взвесила его на ладони.

— Нет-нет! Я же не самоубийца! Там мы с ним, по понятным причинам, не встречаемся. Он сейчас на электрической станции, той, что на Раушской набережной. В главном цеху. Там у него своя лаборатория... Объект секретный, но иностранцу пройти можно. Пропуска в правом кармане. На Маркуса Вульфа и Зигфрида Шнейдера. Нет! Маргоооо! Нет!

Услыхав глухой удар и звук от падения на пол чего-то тяжелого, Даша даже не поморщилась. Она думала совсем о другом. О предательстве. Совершенно не вовремя и некстати она думала о том, что вокруг нее происходит что-то неправильное. Что каждый здесь играет в какую-то свою игру, в десятки игр, что у каждого несколько имен и десятки лиц, что ложь накручивается на ложь, а правда остается на такой страшной глубине, что никому уже до нее не добраться. Что в один миг друзья могут стать врагами и наоборот. Что она сама оказалась втянутой в этот уродливый балаган, подслушав то, что для нее не предназначалось, и теперь — хочет она или нет — ей тоже придется играть. Лгать. Изворачиваться. Притворяться. Даша положила Фенека рядом с собой на подушку и закрыла лицо руками. Все было не так. И календарь, и пропавшая навсегда «ять», и этот день, вывернувший всю ее жизнь наизнанку. И то, что она так и не нашла времени по-настоящему поплакать, и то, что отсюда, из этой чужой, утыканной искусственными бутоньерками жаркой спальни, ей уже не выйти прежней. Все было не так. И матушка Феврония, из-за которой предметы должны были уйти в Британию, и Бессонов — «лучший агент» Сиднея Райли, и майор Артур Уинсли, и она — Даша.

Дарья Дмитриевна Чадова встала перед зеркальным шкафом и дотронулась до своего отражения. «Филлипок какой-то в кружевах, а не барышня, — произнесла насмешливым, каким-то хриплым голосом. Сняла с букетика шелковых фиалок золотистый шнурок, деловито обмотала его вокруг лапы ушастого металлического зверька: — Больше знаешь — дольше живешь». Отражение согласно кивнуло и послушно нацепило фенека на шею.

— Поспешим! — голос принадлежал Сиднею Райли, доносился из коридора, но звучал так «по-женски», что Даша ничуть не удивилась, услышав, как майор называет голос Маргаритой. — И зря ты не позволил мне его прикончить. Он может стать серьезной помехой...

— Нет! Я сказал нет, Маргарита! Теперь это моя война! Чем старина Райли может навредить вам? Ничем... У нас — фора в целые сутки. Вы получите вашу Гусеницу и скроетесь, как и собирались! А то, что он, очнувшись, немедленно доложит в контору о случившемся... Так я сам, после того, как отвезу девочку в Крым и помогу вам с Гусеницей, намерен явиться в ставку. И с дедом тоже намерен все прояснить. Нет! Прятаться и бегать от своих я не стану. К тому же, у меня приказ и я выполню его так, как сумею. Отдам предметы, те что есть. И тут же подам рапорт об отставке... Я — солдат. Но мой дар — не собственность Британии. Распоряжаться им могу лишь я.

— Ах... Что за пафосное занудство... Все-таки ты — чересчур англичанин, Артур. Но нет так нет. Идем же, mon cher! Скорей!

Через минуту хлопнула входная дверь.

Даша подскочила к окну. Две мужских фигуры — одна долговязая, неуклюжая, вторая пониже, со странной вихляющей походкой — озираясь, вышли из подъезда. Тут же налетел из подворотни барбос, залаял звонко. Белая с рыжим кошка пулей рванула через улицу. Встрепенулась побирушка, подозвала к себе ребенка.

«Господи... Что я творю? Не так! Все не так». Даша достала из кисета фигурку Медведя, не раздумывая ни секунды, надела на себя. Медведь глухо стукнулся о Фенека, Даша почувствовала головокружение, потом ей стало так жарко, что захотелось распахнуть форточку, а потом она опустила глаза и увидела свои беленькие лапки в рыжих «тапочках». Заколотилось сердечко — яростно, зло. Вот бы сейчас вцепиться в косматую песью морду, разодрать бы ее в клочки! Глубокий вдох, усилие воли... «Прости, Манон. Но никаких кошек!»

То, что происходило дальше, было похоже на отчаянные поиски узкой тропинки в густом тумане. «Собака, собаченька, как тебя? Шарик... Иди же ко мне! Куть-куть! Ах, молодчина! Хороший пес! Ну, хватит уже вертеться и ловить собственный хвост! Побежали! Бежим!!! Нет. Погоди-ка. Сначала валенки наденем, а в левый засунем кисет с фигурками».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О том, что у каждого человека своя правда.

И кривда тоже своя

Напялив котиковую шубку, по-видимому, принадлежащую хозяйке квартиры, девушка прихватила с трюмо шапочку и метнулась к выходу. Она понятия не имела, как далеко распространяется действие Медведя, поэтому рисковать не хотела. Ей многое, очень многое нужно было разузнать до конца. Например, про Кролика, о котором майор обмолвился, но толком ничего так и не сказал. Про Гусеницу и Бабочку, про охотничий «дар» Артура и про то, как он действует. Про неизвестного Генри Баркера, оказавшегося какой-то непонятной, но, похоже, очень опасной ищейкой. И особенно про Евгения Бессонова, который был... предателем. «Предатель! Иуда... Ясно теперь, отчего он меня вчера не сдал чрезвычайке, ему, наоборот, надо было, чтобы я скрылась и унесла с собой все фигурки», — ненависть, с которой Даша мысленно обвиняла Бессонова в измене, стала неожиданной для нее самой. Ведь, если поразмыслить, то Бессонов оказался «своим», помог и ей — Даше, и тете Лиде, да и всем остальным... тем, кто отказался от предметов, лишь бы они не попали к комиссарам. Но отчего-то никакой

признательности к иуде Бессонову Даша не чувствовала. Наоборот, поднималась внутри нее сухая, молчаливая злоба. И еще горькая обида за то, что и без того поломанный, истерзанный ее дом... ее Россию продают все, кому не лень, за тридцать серебряников. И те, и другие, все продают и... мы! Мы ведь тоже! Даша задохнулась от пугающей мысли. Да! И мы тоже! И матушка Феврония, и даже эти... Бессоновы... Где? Господи, ну где же? На чьей стороне правда? Есть ли вообще эта правда, если каждый только за себя? Где? На чьей стороне был бы сейчас Дмитрий Иванович Чадов — полковник артиллерии, погибший под Сарыкамышем в четырнадцатом году? Почему бы он торговал сейчас своей офицерской честью и человеческой совестью? Даша до крови закусил губу, чтобы прекратить даже думать о таком. Нет! Не нужно сейчас спешить с выводами! Нужно просто все выяснить до конца!

Девушка рванула на себя дверь — раз, другой. Вот только замок оказался запертым снаружи, а ключа в скважине не было. Ее закрыли в доме. Даша от отчаяния даже выругалась, как тифлисский грузчик.

— Что, мамсель? Запелли тебя? Не плачь! — Яшка, о котором в суматохе все позабыли, пританцовывая, шел по коридору — в одной руке хлеб с повидлом, в другой кружка с петухами. Струился над кружкой сладкий молочный парок. — Молоцька допью и отключу. Погоди.

— Яшка, миленький! Некогда молочка! Помоги! — взмолилась Даша.

Со вздохом отставив кружку, Яшка огляделся. Вскрабкался на шкаф, цапнул несчастного фазана за хвост и лишил его еще одного пера. Перышко ловко, как будто для этих целей и было предназначено, повернулось в замке. Щелк!

— Гуляй, мамсель! Целую лучки! А цего это у тебя глаза такие — один синий, другой зеленый? Плям как у Цуцанки с утла, до тех пол, пока она коксу своего не нанюхается! Ой! А на шее у тебя звелуски висят. У Цуцанки тозе такие есть. Только у нее Бабоська да Талакан. Бабоську-то она в пасти у лисы плячет, а талакана сегодня с утла на себя напялила.

— Таракана напялила? — Даша сама не поняла, отчего вдруг встревожилась. — Ты не путаешь?

— Цего я путаю? Ницего не путаю... У Яски глаз — алмаз. Талакан! Из такой зе чудной железяки, цто твои цацки, деланный.

«Вот! Убегла и даже не поспасибкала!» — пробурчал обиженно Яшка, когда девушка со всех ног бросилась вниз по лестнице, и направился на кухню за новой порцией повидла, видимо заедать обиду. Обнаружив, что банка пуста, не думая ни секунды, вскрыл тем же перышком дверцу в кладовку. «Ишь какую колывань устлоили!» — Яшка замер в раздумьях. «И цпион тут, и Цуцанка. Дысат. Цевелятся». Соображал Яшка недолго. Человеком он был добрым, душой обладал чуткой, к тому же рассчитывал на хорошие премиальные. Поэтому, развязав Райли и настоящую госпожу Борщ, Яшка уселся рядышком на пол в ожидании похвалы, денежки, а то и настоящей конфетины. Каково же было Яшкино изумление, когда через сутки, когда спасенные узники наконец-то смогли, покачиваясь, встать, он вместо благодарности получил подзатыльник от «цпиона» и чувствительный пинок под зад от хозяйки. Пересчитав тощей попой ступеньки от двери до площадки, Яшка встал, отряхнулся и целых пять минут грозил кулаком кофейному дерматину.

Бежит по улицам собака Шарик (не думал — не гадал, только что окрестили). Спешит по собачьим своим делам, скользит по натопанному снегу, перепрыгивает через высокие, будто Гималаи, сугробы, перебирает лапами и машет хвостом. Бежит по Сивцеву Вражку, бежит по бульвару до самой Пречистенской набережной. Оттуда налево и снова бегом до Большого Каменного моста. Вприпрыжку через мост, обогнав и заодно облаяв роту красноармейцев (фу! как же несет от них человечьей кислятиной — махрой, щами, несвежими портянками... фу!). Бежит дальше по набережной, уворачиваясь от ног и ножек, сапог и сапожек, валенок в калошах и без калош, от копыт, полозьев и колес. С кормы у Шарика Кремль, по носу — храм Софии Премудрости Божьей. Белокаменная, увенчанная пятиглавыми «кокошниками» церковка. Не просто так храм, а храм, соименный главному храму великой Византии. Но идущий навстречу патруль здесь вовсе не затем, чтобы охранять церковную казну и оберегать попов да дьячков от народного гнева. Совсем рядом с Софией, на Раушской набережной — главная электростанция столицы. Та, от которой питается сам Кремль. Здесь все знают, по вечерам настольная лампа Ленина Владимира Ильича горит потому, что патрульные бдят, не подпускают диверсантов к МОГЭС-1 ближе, чем на пятьсот метров.

Скрип-скрип-скрип... Шагает по набережной патруль. Густым солдатским духом пропахшие люди. За сутулые спины закинута винтовка. Тянет от солдат усталостью и бессонницей. И еще чем-то терпким, неуловимым... Надеждой? Мечтой? Такой большой мечтой, что за нее и живота не жалко. А если кто поперек пути встанет — такого смести безжалостно, будь хоть сват, хоть брат, хоть союзник. Тем более, если

враг! Врага пропускать к мечте никак нельзя — для этого бойцы здесь и поставлены. Вон. Только что глядели бумаги у двоих, с виду подозрительных, но по документам «чистых» немцев. С немцами сейчас мир. Серьезные люди — немцы. Рачительные, мастеровитые. Эти, сразу видать, специалисты по паровым машинам — приехали «Сименсы» свои чинить. А толстая хромая баба, которую ведет под руку подросток лет двенадцати — не то ее сын, не то внук — видать, щепу ищет для растопки. Надо бы шугануть старую, да сердце кровью обливается. Опять же — больная, косолапая. Ножищей снег вон как загребают. А калека калеку разве обидит? Пусть себе идет. Да и какой от бабы может быть вред?

— Эхма! Все копыта стоптал! С утра на Вражке, вечером здесь... А ноги у меня не казенные, особенно та, что хромая. Да еще холодрыга!

— Погодь ныть-то про свою сухотку, Шульга! Лучше ответь — взаправду Ленина видал?

— Да вот те крест... Тьфу! Вот, как тебя. Хромаю, значит, с утречка по Кремлю, чайничком машу, соображаю, где б заварочкой разжиться, а тут Ленин сам свой — я его тотчас узнал. Из себя лысый. Ростом невелик.

— Бреешь! То ж — Ленин! Как так — ростом невелик?

— Прекратить треп! Революционный держите шаг! Кто идет? Тьху ты... Чертяка... Бобик! Шарик! Стоять! Стой, гражданин Шариков! Фюююиить! Кудааа без мандату?

Заложив два пальца в рот, командир свистит вслед лохматому молодому псу. Бойцы ржут.

Пока Даша первая подыскивала себе укрытие во дворе церкви за часовенкой, Даша вторая (хотелось бы написать

Даша-Шарик, но выглядит это, если откровенно, не очень) упустила преследуемых из виду. Еще и голубь! Сел прямо перед мордой, закурлыкал. К счастью, быстро одумался и упорхнул. Успокоив «свое» собачье сердце, Даша пробежалась по большому, тщательно выметенному двору, осмотрела все входы и выходы, сунулась во все щели — ничего. Тогда оттолкнувшись задними лапами, подпрыгнула высоко-высоко (даже в глазах потемнело от ужаса и восторга) и ловко приземлилась на внешний подоконник стрельчатого цехового окна. И замерла, прилипнув носом к обледеневшему стеклу. Пришлось дышать чаще и сильнее, чтобы протопить «попыню», через которую было хоть что-то видно. И ура — в сизом табачном дыму, как посреди тучи, плавали силуэты Артура Уинсли и Сиднея Райли, под видом которого, как мы помним, скрывалась известная всему миру шпионка Мата Хари. Там же в дыму, прислонившись спиной к кирпичной стене, сидел верхом на колченогом стуле Евгений Бессонов. Выглядел Бессонов страшно — с красными выпученными глазами, с клокастой рыжей бородкой и огромным выпяченным кадыком в пол шеи. По пояс голый, в холщовых штанах, в кожаном кузнечном фартуке Бессонов яростно жестикулировал и ерзал вверх-вниз подбородком, как будто к его голове прикреплена была невидимая нить, конец которой дали в руки плохому кукловоду.

Бессонов и раньше не мог похвастать изысканностью манер, а теперь словно с него содрали лак, прежде делавший его похожим на нормального человека, и наконец-то во весь рост проступил безумец.

Видно все было преотлично, а вот слышно так себе, хоть Даша и вовсю шевелила ушами. «Надо было Шарикку Фенека

на шею надеть», — огорчилась девушка, но припомнила, как Артур говорил, что предметы работают только с человеком. Оставалось лишь рассчитывать на собачий отменный слух. Шум в цеху стоял адский. Внутри шипело, бухало, громыхало и лопалось, пыхало, свистело, гудело, вопило и скворчало. Расслышать за этим шумом слова человек, сидящий на подоконнике снаружи, точно бы не смог. Человек, вообще, довольно неудачно сконструированное животное — в нем нелепо все, включая прямохождение, отсутствие волосяного покрова, отвратительное зрение, обоняние и слух, а также настойчивое желание знать то, чего знать ему не положено. Собака, в этом смысле, устроена куда лучше, хотя и не считает себя вершиной эволюции.

—... ать... нет... знал! Да... рить? А-о-А-га... Что? А? Громче! Бумаги? А? Громче!!!

Шарик — точнее Даша, осторожно, чтобы не поскользнуться, повернулась боком и прижалась к оконной «полынье» левым ухом и левым глазом одновременно. И хотя от холода по загривку тут же побежали мурашки, слышно стало не в пример лучше.

— Бумаги? Ха! Неужто думали, Бес вас не разгадает? — гримаса Бессонова, по-видимому, выражала презрительный смех. — Да я дружку Шломо... тьфу! то есть Сиднея, знаю как облупленного. Мало мы с ним по ночлежкам и кутузкам вдвоем мотались? Вы еще рта не раскрыли, как я уже срубил, что Шломчик попал. И теперь где-нибудь на дне Яузы раков кормит. Или опять выкрутился хитроумный черт, и таки живой?

— Живой. Да! Живой! — на Артура все еще действовал химический состав, поэтому он честно ответил Бессонову на его вопрос.

Ответил по-русски, чему весьма поразился. Видимо, препарат не только развязывал язык, но еще и положительно влиял на лингвистические способности попавшего под его действие бедолаги. Правду говорят, что нет, худа без добра. Кстати, и Марго избавилась от своего отвратительного акцента, перестала гнусавить и глотать окончания, что было как нельзя, кстати, ведь господин Бессонов за двенадцать лет так и не удосужился выучить даже десятка слов по-английски. Кстати, узнал Артур Бессонова сразу, едва они с Маргаритой вошли в цех. Вспомнил странного человека в тюбетейке, которого Райли представил ему как антиквара-самоучку. Что ж, с восьмого года товарищ Бессонов мало изменился, разве что осунулся и еще больше пожелтел.

— Никто особо на инкогнито и не рассчитывал! Но послушать нас все же придется, товарищ! — рука «Сиднея Райли» забралась во внутренний карман щегольского полупальто Сиднея Райли и достала оттуда почти уже пустой флакон с «феромональным веществом». Еще полсекунды, и Бессонов был окутан фиолетовой взвесью, которая, смешиваясь с табачным дымом, плела в воздухе причудливые кружева.

— Гагагага, — не то загоготал, не то закашлялся, подавившись дымом, Бессонов. — Знакомая вонища и цвет знакомый! Эликсир истины! Шломо его так назвал. По-дурацки! Моих, бесовских рук работа. Образец варил еще в Вене для него, для Шломо... Ну, для Сиднея, то есть... лет тридцать назад. Он туда из Одессы слинял. Жандармы его по всему югу искали, хотели упрятать на нары, а он в Австрии отсиживался. Тощий был и белый, как глист, звался Шломо Розенблум, и хотел непременно бомбой в царя кинуть! Мы тогда с ним вместе и хотели. Потом решили, ну ее — бомбу, лучше в дворцовую вентиляцию запустить эликсир, потом

залезть во дворец... и вынудить царя отречься. Глупые были, молодые. Выходит, пользует Шломчик бесовскую рецептурку.

— Хватит! Перейдем к делу! — раздраженно скомандовал «Сидней Райли». — Нужны чистые документы. По два комплекта на каждого, минимум. Паспорта, удостоверения, продовольственные карточки... И подписать сквозную подорожную до Крыма. На двоих... Лучше на семейную пару. Скажем... на американцев из Красного Креста — они у вас, большевиков, сейчас в фаворе.

— На троих. Еще мисс Даша! — влез Артур.

— Даша? Ах да... эта... Да. Тогда на троих.

— А, может, тебе хрящик свиной обглодать, дамочка? А? Или тюрю разжевать и в рот положить? Или камаринского? Не желаешь? Нет?

Эликсир истины явно не действовал на своего создателя. Марго занервничала, закусилла нижнюю губу, вопросительно обернулась на Артура.

— Таракан! Таракан отлично нейтрализует действие любой химии... — шепотом ответил Артур на немой вопрос шпионки. — Но Таракан — исконно американский предмет, здесь его быть не может никак. Да и глаза у товарища обыкновенные. Секунду... Дайте мне секунду, Марго!

Зажмурившись, Артур вдохнул горячий, пропахший машинным маслом и металлом, воздух. Пришлось где-то с полминуты стоять с закрытыми глазами, успокаивая дыхание, поэтому Артур не увидел, как Бессонов медленно поднимается со стула, не сводя с Артура своих совершенно ведьмачих, янтарного цвета глаз. Таким взглядом — жадным и восторженным — холопы встречают долгожданного барина. «Надо же... вот как... вот оно как... надо же...», — приговаривал

Бессонов, как заведенный. В этот момент Артур наконец-то «увидел» цех. Точнее, сперва «увидел» Марго с ее Бабочкой, наметившейся так ярко, что у Артура застучало в висках. След был жирным, многоцветным и вполне мог принадлежать нескольким предметам одновременно, и будь Артур человеком чуть более подозрительным, он обратил бы внимание на этот факт. Но Артур решил, что Бабочка от постоянного использования, что называется, «вошла в силу», отчего и дает такой мощный эфирный шум. Присутствия других предметов в цеху Артур не обнаружил.

— Нет... У вас ведь нет предмета, Бессонов? Но и химия на вас не действует. Как же так? — сам того не желая, проговорил Артур.

На самом деле, Артура уже порядком сердила его неудержимая «болтливость» и ненужная «честность». Скорее бы выветрился чертов эликсир! Скорее бы стать собой ... и снова начать лгать. Удивительное дело, но сегодняшняя вынужденная правдивость позволила Артуру понять, насколько вся человеческая сущность пропитана ложью. Вежливость, снисходительность, жалость, деликатность, предусмотрительность, недоверчивость... и даже лень — все это вынуждает человека врать без остановки. Маленькие, ежесекундные обманы настолько привычны, что их даже не замечаешь. «Доброе утро...» — каждый свой день ты начинаешь со лжи. Ведь, как известно, утро добрым не бывает. Ты лжешь, благодаря повара за невкусный завтрак. Ты лжешь, открывая перед брюзгливой жирной старухой дверь в аптеку. Лжешь, давая прикурить от своей спички приятелю, который вчера обчистил тебя в покер. Лжешь, отвечая на вопрос о здоровье, делах и планах... лжешь, с улыбкой распахивая нежеланному гостю дверь, мол «добро пожаловать». Лжешь ты и лгут тебе.

— Это все антидот... — протянул Бес рассеянно, продолжая разглядывать Артура, словно невиданного прежде зверька. — Правило номер айн всякого парфюмера и химика. Варишь яд — сразу вари противоядие. Антидот. Жрал его несколько лет подряд... на всякий случай. Да я и мышьяк горстями жрал. Как Гришка Распутин... Послушай, а ведь ты и есть та английская ищейка? Вон ты как ищешь свои поганые железяки! Блеск! То, что надо! Шломо... то бишь Сидней, ведь толком ничего не пояснял... Видно, не хотел зря болтать. Но теперь Бес и так все видит, и никакой Шломо ему не нужен. Блеск! Так! Пошли за мной! Смотри!

Бессонов бесцеремонно схватил Артура за руку и поволок за собой в дальний, плохо освещенный и захламленный угол. Артур даже не успел понять, что происходит... где уж там воспротивиться грубому обращению. К тому же подсознательно майор побаивался сумасшедших, а то, что господин чекист был не в себе, казалось очевидным. Не выпуская руки Артура, Бес нагнулся над кучей хлама, чем-то загромыхал и через секунду вытянул из-под вороха ветоши деревянный тяжелый ящик.

— Смотри! Да чего ты шарахаешься? Они ж не настоящие! Я семь лет положил, подбирая сплав. Карбид вольфрама и кобальт! Лил вручную. Ну как? Один в один, правда ведь? Твердость, теплопроводность, вес, вид... все почти, как у настоящих.

Артур заставил себя еще раз взглянуть на содержимое ящика. Предметы — разные, всякие и даже те, о существовании которых Артур не слышал, были свалены небрежной кучей. Не удержавшись, майор запустил в ящик обе ладони и вытащил целую горсть фигурок. Ощущение было

странным. Фигурки действительно выглядели как настоящие, и Артур, с детства приученный к осторожности при обращении с предметами, даже взмок. Если бы это были подлинные предметы, сейчас он бы свалился на пол обессиленный — держать голыми руками одновременно двадцать вещей без последствий не сумел бы никто.

— Это безумие! — Артур еще раз «поглядел» на ящик, но уже через прикрытые веки — ни искорки, ни огонечка. Изделия товарища Бессонова были мертвы и поэтому безопасны.

— Шломо тоже так считает, — заржал Бессонов. — Безумие... Хаха! Бес-умие! Но я хочу ими заменить те... настоящие! Все хочу заменить, что найду... Я уже лет двадцать землю носом рою. Один ювелир одесский, Соломон, меня на них навел. Через Соломона я на самого менялу константинопольского вышел. Что ты глазами полощешь? Думаешь, Бес дурак? Да Бес полжизни положил, чтобы разобраться, что к чему. Много знаю, Хранителей знаю кой-каких, хотя толку от них, как с козла молока. Знаю и владельцев. Сам вычислял! Бухарин, Троцкий, Ленин тоже... Это все ферзи. Пешки тоже есть — вот Маяковский Вова, или этот художник... вроде Шагал, или еще этот бумагомарака... Гумилев. Но это разве все? А Бесу нужны все! Тут ты Бесу и сгодишься! Мы так и договаривались со Шломо. Сперва подменим те железяки, про какие я точно знаю. Потом пусть дает мне ищейку и мы с ней вместе двинем дальше искать... Город за городом с тобой объездим, каждую улочку обойдем. Проверим каждое захолустье, каждую дыру. Все, что найдем, заменим. А настоящие предметы берите себе! Хоть в Британию свою, хоть к черту на кулички их везите. Но чтобы ни одной поганой железяки в России не осталось.

Вот, говорят же — бес попутал... Поговорка внезапно обрела новый, совершенно неожиданный смысл. Понять, зачем Евгению Бессонову заменять настоящие предметы подделками, Артур, пожалуй, мог. Ловко проведенная подмена может на какое-то, порой весьма длительное время обмануть владельца и отсрочить поиски. Если же владелец человек влиятельный и мстительный, то подмена — умный ход. Хотя идея эта была не такой уж свежей — во все времена находились умельцы, копирующие предметы с разными целями. Но вот почему Бес так хотел, чтобы предметы ушли из России, Артур Уинсли даже предположить не мог. Что? Жадность? Мсть? Глупость? Что толкало Бессонова на этот шаг?

— Вам так насолили большевики, что вы готовы надолго, а может и навсегда, лишиться колоссальной, пусть и мистической мощи, свою страну? За что вы так ненавидите русских? Ведь вы же сам русский? Нет? Поймите! Чтобы предметы вернулись в Россию, понадобится не год и даже не десять. Зачем вам это? Ведь вы, я вижу, отлично понимаете, что творите! Или, как и приятель ваш Райли, считаете предметы глупостью и мракобесием? Тогда тем более, зачем вам все это? Зачем? — все еще работающий эликсир истины вынуждал Артура говорить то, что он думает. А думал он, что Евгений Бессонов не просто безумец, но еще и предатель. Человек, которому руки не подашь, а подашь — за всю жизнь не отмоешь.

Точно так считала и Даша. Спрятавшись под козырьком церковной лавки, она презирала Евгения Бессонова из всех сил. А сил у Даши оставалось минут на пять. Она давно уже

посинела от холода (котиковое пальтецо мадам Борщ плохо подходило для того, чтобы сидеть в засаде) и пыталась дыханием отогреть руки. Варежки с вышитой желтым снежинкой остались в кармане овчинного полушубка, в квартире на Сивцевом Вражке. С завистью Даша косилась на побирушку, сидящую на крылечке часовни. Побирушка была так густо укутана тряпьем, что, похоже, вспотела. От ее тела даже пар шел, и это несмотря на то, что старуха сидела, не шевелясь — только прутиком перед собой возила, как будто что-то чиркала на снегу. Возле старухи болтался подросток. Изредка он выбегал на улицу, торчал там минуты две-три, потом возвращался, что-то шептал бабке на ухо и снова срывался с места и бежал прочь. Старуха продолжала скрипеть прутиком по снегу. Даше же приходилось от холода то прыгать на месте, то мерить быстрыми шагами чугунное крылечко лавки, то приседать, хлопая себя по щекам и растирая нос. Глаза у девушки отчаянно слезились, к тому же Медведь ее уже здорово измучил, под горло то и дело подкатывала тошнота, а икры сводило судорогой. Но снять топтыжку нельзя было ни за что. Ведь в машинном зале сейчас говорили не просто о предметах, а о том, что произойдет, если эти предметы из России убрать. Это было важно. С учетом того, что в Дашином валенке прятались четыре, а на шее висел еще один предмет — чрезвычайно важно. Ведь она, Дарья Дмитриевна Чадова, намеревалась поступить точно также, как и Бессонов... Как там сказал майор? «Вы так ненавидите русских?» Даша сцепила зубы. Она всегда сцепляла зубы, когда чувствовала, что не может принять верного решения. Нянюра ее за это журила, пугала всякими глупостями, что, мол, зубы обязательно раскрошатся, и станет Даша беззубой и жалкой. А кто же захочет беззубую девицу

в жены-то брать. Даша вспомнила, как нянька замахивалась на нее кулаком — смешная и совсем не страшная, и улыбнулась. Но улыбка почти сразу сменилась сосредоточенностью — тайный агент Шарик «телеграфировал» вещи серьезные и взрослые. А Даша, хоть и была барышней развитой, не гнушалась толстых журналов, умных газет и политических жарких споров с дядей Мишей, все же в делах мужских разбиралась не слишком хорошо. О чем сейчас жалела невероятно.

— Бакунин... Савинков... Кропоткин — какие это, в очередь, анархисты? Это все болтуны... теоретики! «Можно идти вместе с большевиками, нельзя с большевиками...» — больше ничего их не волнует! Махно? Прогнил насквозь батька. В ура-анархисты подался. Я ведь его еще по Одесскому кружку замечательно помню — молодой был, бесстрашный, как дьявол. И ведь ни каторга, ни Бутырка его не сломала, а тут власти чуть надкусил и все... снесло Нестору Ивановичу башку! Слыхали? Украина-то нынче зовется Махновией, а он ее батька... Тьфу! — Бессонов скривился так, словно только что закинул в рот щепоть хинного порошку. — Эсерка Каплан — вот кто герой! Или Серж Бухало! Гений! Мозг! В седьмом еще году он спроектировал аэроплан-молнию. Мечтал уронить его на Царскосельское или Петергоф! Прямо на голову тирану! Вот кто настоящий анархист! Правда, не вышло тогда у Сержа... но ведь какой человечисше! Фани и Серж! Ради них стоит бороться дальше... Вот люди! Жизнь отдали за свободу! Еще Феликс... его многие из наших сейчас называют предателем, но я Феликсу верю. Подарил я ему как-то одну поганую железяку — пусть знает, что

это за дрянь! Феликсу я верю! Он свой! Он понимает! Выдал Бесу вот... цех. Людей дал. Целый отдел дал в ЧК. Мол, делай свое дело, Бес!

Шарик прилип к стеклу, и со стороны могло даже показаться, что это не живая собака, а чучело. Даше Шарика было слегка жаль, он мерз и, похоже, ему очень хотелось задрать где-нибудь ногу. Но нельзя было упустить ни словечка, поэтому Шарик вынужден был терпеть.

— Ненавижу, говоришь? Да Бес за Россию живота не пожалеет! Сдохну, но все сделаю, чтобы ни одной поганой железяки здесь не осталось! Свободный человек не должен зависеть от какой-то железяки! Ни от чего не должен зависеть! Вам, империалистам, этого не понять! Берите! Забирайте все! Освободите нас от ваших цепей! Революция! Свобода! Анархия! Вот будущее России! Бес верит в анархию. Бес верит в Россию!

У Бессонова от волнения выступили на глазах слезы, и голос стал тонким и дрожащим, словно натянутая струна. Артур смотрел на возбужденного, размахивающего тощими, исцарапанными руками анархиста и, кажется, начинал понимать, чего добивается этот безумец. Бессонов был изнанкой Артур Уинсли-старшего. Антихранителем! Если орден строил свою философию на идее мировой гармонии, которая напрямую зависит от предметов и их разумного распределения, то этот сумасшедший русский анархист считал ровно наоборот. Он считал, что существование предметов тормозит развитие цивилизации. Не допускает прорывов и выхода за пределы установленного мирового порядка. Фанатик и мечтатель... Он был уверен, что России нужен иной... уникальный путь. В каком-то смысле Бессонов был патриотом... Не умным, не прозорливым, совершенно

заикленным на своей утопической, наивной идее, но все же патриотом.

— А ведь это мысль, mon cher! — встряла внимательно слушающая все то, что выкрикивает Бессонов, Маргарита. Она наконец-то стянула через голову цепочку с Бабочкой простым, совсем домашним жестом и отвернулась к окну, пережидая метаморфоз. Зрелище было довольно неприятным — ухоженная «марципановая» физиономия Сиднея Райли вдруг потемнела, заострилась и на ее месте появилось измученное скуластое лицо бывшей танцовщицы. Шарик, наблюдающий за превращением через оконную «полынью», от ужаса едва не свалился с карниза на жесткую землю, но, к счастью, Даша снова сумела его успокоить.

— Чертовски неплохая мысль, mon cher! — повторила снова уже своим голосом. — Соберем вещички — раз товарищ согласен помочь, а там решим, куда их пристроить... Только сперва все же Гусеница!

— Марго! Прекратите! Мне было приказано всего лишь забрать предметы у Чадовой... и я их забрал! Точнее, почти забрал. Точнее, заберу... только отвезу девушку к ее крестной в Топловское! — Артур внезапно замолчал, не желая делиться с Бесом своими планами. Эликсир истины начал отпускать...

Однако Бес отлично понял, о чем и о ком говорит майор.

— Ага... Это, выходит, ты вчера на Кудринке у Чадовых шумел? А Дарья Дмитриевна где? Жива ли? С тобой? А Жужелица еще при ней? Поганая железяка! Бес давно следит за Жужелицей! Когда ордер на подселение брал, специально к Чадовым напросился — подменить хотел. Спрятать у себя до поры... Дарью Дмитриевну вот только жаль, для нее это

не поганая железяка — память. Но если бы она Жужелицу на себя надела, сразу бы и заменил. Проживаю себе, слежу... А тут — ба! Логово контрреволюции! И чертовы железяки тут же! — Бессонов захохотал, брызгая слюной. — Менять? А зачем Бесу их менять? Контрики и так вывезут их прочь. Доложил Феликсу, тот приказал глаз не спускать...

Даша сжала кулаки так, что, кажется, проткнула ногтями собственные ладошки. Значит, махорку таскал дяде Мише, сахаринном с тушенкой трофейной их подкармливал, чаевничал с ними за одним столом, а сам вынюхивал и фискалил! Не зря она всегда его избегала. Даше захотелось приказать псу разбить квадратной головой стекло, влететь в цех, вцепиться зубами в страшный Бессоновский кадык и загрызть того до смерти. Она почти почувствовала солоноватый, теплый привкус на губах. Еще сутки назад она бы напугалась собственной ярости, но сегодня все было иначе. Все было не так! Но зато все почти прояснилось. Разве что... если сам Дзержинский знал о тетелидином «кружке», то кто же тогда дал приказ об аресте ее родных?

— Погодите... Вы говорите, на Лубянке о Чадовых знали. Но кто же тогда те вчерашние люди? Разве не с Лубянки? Разве не ваши? — Артур, по-видимому, думал в том же направлении, что и Даша, но возможностей задать вопрос у него имелось куда больше.

— А... — отмахнулся Бессонов. — То Березин лютует! Ему и Феликс не указ. Его человечки сейчас контру чистят по всей Москве. Валят всех без разбору. По доносу, по подозрению, просто так... А парень чадовский — тот еще гаденыш. Запросто мог на своих донести, мол, в доме контрреволюционный заговор... А у березинских разговор короткий: контра? баре? профессора? сразу к стенке! Злые ребята, идейные.

Мертвых поэтому обыскивать не станут, а про железяки им невдомек... Завтра их поспрошаю, куда трупы свалили. Железяки поганые надо бы поискать.

У Даши перехватило дыхание. Надежды на то, что тетя Лида, дядя Миша и Нянюрушка живы, не оставалось никакой. Слезы потекли сами собой, как она ни пыталась их удержать. Девушка принялась отчаянно тереть обшлагами пальто лицо, но края рукавов были жесткими, колючими, и получилось только хуже. А когда Даша через минуту с трудом проморгалась, то едва не закричала на всю Раушскую набережную. Прямо перед ней, на расстоянии вытянутой руки стояла побирушка. Из-под пухового платка глядели на Дашу небесно-синего цвета распрекраснейшие очи, глядели вполне дружелюбно и даже ласково, и все бы ничего, но вот густая щетина, тоненькие усики и резкие, хоть и очень правильные, черты могли принадлежать только мужчине. Но это было еще не все. Подросток, который так заботливо прыгал вокруг «бабушки», оказался не подростком вовсе, а карликом. Даша и в цирке то на них смотреть не могла, боялась, а тут... Маленький человечек лет двадцати пяти — тридцати, щуплый, с рыжей жидкой бородкой держал в руках кипу старых агиток, обратная сторона которых была вся исчиркана углем. Самым ужасным было то, что на верхнем портретике Даша узнала саму себя. Да и странно было бы не узнать — рисунок был небрежен, но весьма хорош.

— Мисс Дарья Чадова? — прошептала побирушка на английском, в котором «р» было настолько рычащим, а «в» настолько квакающим, что никаких сомнений возникнуть

не могло — к Даше обращался американец. — Меня зовут Генри Баркер. Я друг майора Уинсли. Ну, то есть, надеюсь на это.

— Чем могу быть полезна? — пролепетала Даша.

В этот же момент Шарик, почувствовав некоторую свободу, прыгнул на землю. Увы, но одновременно бояться, сообщать, разговаривать на английском, коситься на лилипута и удерживать на скользком карнизе собаку Даша все-таки не сумела.

— О! Многим, мисс... Но сейчас я вынужден отложить эту нашу беседу на будущее, поскольку хотел бы предупредить вас, что... Фу... — Генри утер лоб — длинные вежливые тирады давались ему с трудом.

К счастью, Даша это каким-то образом почувствовала, а также поняла, что американец собирается сообщить ей что-то очень... очень важное. Настолько важное, что нет возможности ждать.

— Говорите прямо! Ну.

— Креветка тут вот что говорит. Говорит, на улице, прямо за забором церкви люди. Они вооружены и сейчас они окружают электростанцию. Ходулю надо бы предупредить!

— Креветка? Ходуля?

— Мадмуазель... Мисс... Я — Креветка! — Креветка смешно присел в реверансе.

— Ну, Ходуля... Майор Артур Уинсли. Тот верзила — англичанин, с которым вы сегодня весь день носились по городу вслед за кошкой. Вы за кошкой... я за вами. Думал последить сперва, посмотреть что к чему. А потом гляжу — эта мразь Марго тоже тут. Натянула на себя шкурку старика, но двигаться-то как он не может. Я за ними, а тут и вы, мисс, из подъезда вываливаетесь! Любопытные тут дела — все за

всеми шпионят! Но сейчас Ходуля наш на электростанции, вокруг, похоже, местные копы. А Креветка говорит... Ну, что ты там говоришь? Давай! — Красавчик ткнул Креветку кулаком в бок. Точнее он собирался в бок, на самом деле получилось точно в челюсть.

— Мисс! Вы сейчас Медведь водить собачка. Глазки у мисс синий-зеленый. Ай, ай! И собачка окошко смотреть! Я другой окошко смотреть! Потом видеть: ай, ай собачка окошко смотреть, как человек!!! Значит, Медведь! Креветка знать Медведь. Раньше Креветка Медведь так-так. — Креветка ткнул себя пальцем в грудь. — Мой!

Отчего-то Даша ему сразу поверила. Поверила, что Медведь когда-то принадлежал этому крошечному некрасивому человеку. Но отдавать фигурку она совершенно не собиралась.

— Да! Медведь у меня, — отпираться не имело смысла. К тому же, и американец, и коротышка вызывали у девушки не то, чтобы доверие (кажется, за сегодняшний день она вообще разучилась доверять людям), но странную симпатию. Огромный, наряженный бабой американец и юркий, похожий на козленка лилипут выглядели ужасно трогательно. «Жил-был у бабушки серенький козлик...» — грустно улыбнулась Даша. Радоваться ей было нечему, но жизнь продолжалась и с каждой секундой становилась все насыщеннее.

— Надо английский бей эфенди гав-гав — тут солдатик многа будут пиф-паф!

— Что? — Все-таки Даша была не так близка с Креветкой, чтобы сразу понимать его щедро усыпанную метафорами речь, поэтому беспомощно уставилась на Красавчика.

— Мисс. Вы это. Попробуйте предупредить Ходулю, что его... ну и кто там с ним.. окружают. Креветке к ним через

оцепление уже не пройти! А вы вроде как частично все еще там... Хм.. Ну это. Вы понимаете про что я. Или отдайте фигурку мне... или Креветке. Мы все же мужчины.

— Без вас справлюсь! — отрезала Даша и, скрипнув зубами, сосредоточилась так сильно, что даже веснушки на ее носе и щеках напугались и побледнели.

Шарик, только что счастливо справивший нужду, забавлялся с промасленной рукавицей. Но почувствовав, что его снова взяли в оборот, ничуть не обиделся. Послушно взмыл в небо, подобрал лапы, чтобы пружинисто приземлиться на знакомый уже карниз, и был несказанно удивлен, когда его молодое крепкое собачье тело вытянули бревнышком и направили прямо мордой в окно, словно торпеду. Даша, увидев прямо перед собой обледеневшее стекло в потеках мазута, зажмурилась. Шарик, разумеется, тоже. Разбивать лбом окна — занятие не из приятных, что ни говори. Но Даша с Шариком справились на отлично, даже не поцарапали носа и ушей. Правда, в голове у обоих зашумело, но совсем чуть-чуть. Все же собаки устроены куда лучше людей. Ведь помнясь Даша с Шариком местами, вряд ли бы трюк прошел так эффектно и безболезненно.

Пес встал на пол всеми четырьмя лапами. Поднял к высокому, черному от копоти потолку треугольную морду и завыл.

—... Ай! Это же собака! — Маргарита от неожиданности шарахнулась в сторону, едва не свалив Артура с ног. — Какого черта? Что этот кобель здесь делает?

— Действительно, собака... — Артур с изумлением нагнулся, дотронулся до косматой песьей башки.

Шарик тут же вцепился в рукав майора, принялся его трепать, потом выплюнул, сел на хвост. Затявкали отрывисто, как будто пытаешься что-то сказать. Закружился на одном месте, как волчок. Снова затявкали.

— А это не та псина, что околачивалась возле подъезда на Вражке? Да, она! Точно, она! — Маргарита оказалась внимательнее майора. — Какая-то она ненормальная... У тебя пистолет с собой, Артур?

— Это не псина, Марго. Я знаю, кто это... Ох, знаю, — он довольно чувствительно дернул пса за левое ухо. — Даша! Вот зачем, а? Я же просил... Я предупреждал! Нет! Все-таки вы авантюристка, самодур в юбке, и как же правильно я поступил, что утром отказался жениться на вас! Вам что, няня не говорила, что хорошая жена должна быть послушной, робкой и разумной. Нет, милая Даша! Для брака вы совершенно не подходите!

Пес облил майора полным презрения взглядом, вздохнул и клацнул зубами, едва не оттяпав Артуру пальцы.

— Даша!!!

— Дарья Дмитриевна? — подошел поближе Бессонов, уважительно наклонил голову, но видимо вспомнил, что одет неподобающим образом, зарделся и поспешил спрятаться за спиной майора. Высунул из-за плеча майора всклокоченную голову и поинтересовался. — Случилось что? Вы что-то сказать пытаетесь?

Сообразительнее остальных оказалась, конечно же, Маргарита — бросилась к разбитому окну, выглянула наружу через дыру, в которую, посвистывая, задувал холодный ветер, но рассмотреть толком ничего не смогла. Снаружи уже стемнело, а большой двор электростанции освещался довольно скудно. А чему тут удивляться? Сапожник без сапог — дело

обычное. Маргарита почти бегом вернулась обратно, присела перед Шариком на корточки и, взяв его морду в ладони приказала.

— Если «да» — кивай!

Шарик кивнул.

— Что-то случилось?

Шарик кивнул.

— Опасность?

Шарик кивнул.

— Облава?

Шарик кивнул и попятился назад, вытягивая морду из рук шпионки.

— Облава, господа! — она объявила это так, словно объявляла собственный выход — громко и с торжествующей улыбкой. — Я встану у среднего окна! Mon cher, ты у углового — надеюсь, оружие при тебе... А Бессонов пусть займет позицию у дверей. Забрасывать гранатами они нас не станут — цех с оборудованием им нужен, так что будут стрелять. Но стены тут хорошие, каменные...

— Сколько человек? — Марго разговаривала с собакой ничуть не стесняясь нелепости ситуации. Вообще, узнав про облаву, она словно ожила. Лицо ее разрумянилось, голос стал звонким и почти девичьим, и, по-видимому, она получила от происходящего удовольствие.

— Сколько солдат-то? — переспросила Даша Креветку, не открывая глаз. Так ей было легче «держать» пса в подчинении.

— А? Креветка мисс не понимать...

— Плохой человек раз два три много? — ловко «перевел» Красавчик и горделиво хмыкнул, когда Креветка довольно

заулыбался. Все-таки Красавчику удалось освоить хотя бы один «иностраный» язык, а то, что на нем кроме его и Креветки никто больше не разговаривает — беда невелика.

— Многа три! — три крошечных волосатых пальчика ткнулись Даше прямо под нос. А потом перед глазами у девушки появились две растопыренных пятерни. — Три десять.

Шарик к тридцатому разу почти охрип, однако честно протявкал до конца и лишь после этого улегся на пол.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О предательстве и о подлинной дружбе

Давно уже стемнело. Висящий над воротами МОГЭс-1 фонарь светил тускло и как-то даже печально. Из-за порывов ветра фонарь раскачивался, и желтое пятно света металось вправо-влево, будто цепная бестолковая дворняга. Из темноты вышел человек в черной кожанке. Встал посреди пятна. Махнул рукой кому-то оставшемуся позади.

— Кто? Кто идет? Документы живо! — окошко проходной отъехало на полпальца в сторону.

— Чего орешь? Твоя фамилия что, Оглашенко? — человек достал из кармана бумагу с синими печатями и сунул ее в щель. — Грамоту знаешь? Читай!

— Не-а. Зачем Оглашенко? Шульга я. Боец ВОХРа. Поставленный тут советской властью охранять секретный объект! Грамоту знаю... Маленько.

— Малееенко... — передразнил «кожанка». — Московская ЧК! Отдел борьбы с контрреволюцией! Хреново работаете, вохровцы. Развели тут у себя, понимаешь, консоме с бланманже. Почему не на посту? Почему здесь? Что, задницу отморозить боитесь? Станция окружена, а вы ни слухом ни духом... А если бы мы оказались вовсе не свои, а если б

урки, а если б мы сейчас бомбу? А? Да вы саботажники! Да вас за такое к стенке всех!!!

Убедившись, что ВОХРовец всерьез напугался и затих, чекист удовлетворился и уже спокойным голосом приказал:

— Открывай, давай. Контрик один у вас тут окопался. Анархист. Сейчас брать будем.

— Это кто ж такой? — подтянулись из теплого, прокуренного нутра вахтерской будки еще двое охранников.

— Бессонов Евгений это... Я еще вчера вечером понял, что он контрик, когда он своих хозяев чекистским удостоверением прикрывал! Гнида! А сегодня ордер мне на него дают! Сам Феликс Эдмундович подписал! Так-то! Время такое — верить никому нельзя! Отряд! Ко мне... — «кожанка» коротко свистнул, и тут же к нему подбежало человек двадцать пять крепких бойцов, одетых в форму красноармейцев.

— Так к нему час назад двое заявили... По бумагам немчура! — засуетился Шульга, громыхая крюками и затворами. — Но может и не немчура вовсе!

— Сечешь ситуацию, Шульга!

Брызнув стеклом, фонарь лопнул. Один из бойцов, нелепо вскинув руки, повалился на снег, сбитый точным выстрелом.

— Ох, ты... — Шульга, пригнувшись, быстро похромал обратно внутрь вахтерской будки.

— Товарищи! Бегом марш! За мной... Эй! А ты куда? Веди! Показывай, где контрик! — закричал «кожанка». — Эй! Косолапый!

Шульга остановился, сообразив, что кричат ему, развернулся обреченно и потрусил, волоча больную ногу, через двор. Бежал он, пригнувшись, петляя и покряхтывая. За ним, топая вразнобой, бежали чекисты.

— Минус еще один! — подоконник был выше ее роста, поэтому Марго подтащила к окну чугунную скамеечку и взо-
бралась на нее. — И еще!

— И как долго мы сможем отстреливаться, Марго? У меня с собой две обоймы. У вас? — Артур целился в пустую бочку, поджидая, пока притаившийся за ней человек высунет голову.

— Столько же! — пожала плечами Марго. — Но на тридцать большевиков вполне достаточно!

— Думаете, они не догадаются подослать подкрепление? Даша, вы еще здесь?

Шарик вяло тявкнул.

— Вам нужно убираться отсюда как можно дальше. Послушайте меня — вернитесь на Вражек. Развяжите Райли — он в кладовой и предложите ему предметы за то, чтобы он вывез вас из Москвы. И денег возьмите у него! Просите больше! Боюсь, что из меня проводник вышел так себе...

— Опять за свое, Артур! — Маргарита прицелилась и трижды выпалила в темноту. — Опять прячешься? Опять боишься принять вызов? Опять, дружок мой, суешь голову в песок? Будь же мужчиной, наконец! Защищайся! Дерись! Побеждай, черт тебя подери! Вон... бери пример с Бессонова...

Она обернулась в поисках анархиста. Тот, вместо того, чтобы стоять там, где ему было наказано, и охранять вход в цех, ковырялся в углу с ящиком, тем самым, в котором хранились поддельные предметы. Бес успел натянуть на себя вышитую рубаху, а поверх рубахи грязную брезентовую жилетку, ценную тем, что на ней было огромное количество карманов, и теперь лихорадочно распахивал по этим карманам фигурки. «Ошибка... ошибка... это все Яшка Березин...

вот уж Бес все доложит Феликсу... вот уж устроит Феликс Яшке козью морду».

— Бессонов! Идите же и стреляйте! Да что такое, в конце концов! Один хнычет, другой собирает барахло! — Маргарита захлебнулась возмущением, но тут же радостно воскликнула: — И еще минус один!

— Что там? — Красавчик терпел целых пять минут, прежде чем решился и осторожно постучал пальцем по Дашиному плечу.

— А? Ааа... Мне там не видно. С внутренней стороны цеха карниз ужасно узкий, собаке не забраться никак. Отстреливаются. Но, кажется, дело плохо. Послушайте, вы... — она уставилась на Генри с такой суровостью, что тому стало немного не по себе. Таким взглядом, бывало, смотрела на него Ма, когда хотела, чтобы он совершил что-то особенно опасное. — Послушайте, вы... У вас же есть с собой оружие? Так чего вы медлите... Он же ваш друг! Так будьте же мужчиной, наконец! Защищайтесь! Деритесь! Побеждайте, черт вас подери!

Даша подумала, что саму Мату Хари не грех и повторить. Тем более что та, по мнению Даши, в конкретном случае была совершенно права.

Красавчик, который меж тем давно уже держал наготове кольт, и секунду назад выдал Креветке браунинг, от обиды даже покраснел. Но девушка этого не заметила, «вернувшись» обратно на электростанцию.

Маргарита с Артуром продолжали стрелять. Уже пятеро чекистов, не считая оставшегося у ворот, лежали, не шевелясь, на утоптанном, сером снегу, остальные же рассредоточились

по двору. Несколько человек спрятались за «стеной» из пустых железных бочек. Поставленные одна на другую, бочки оказались удобным укрытием. Человек десять, однако, успело пересечь периметр, и теперь находились в недостижимости для пуль, а еще трое упали плашмя прямо посередине двора и были теперь отличными мишенями для майора. У Маргариты угол обзора был не слишком удачен, она разве что могла слегка ранить незадачливых бойцов, а вот Артуру ничего не мешало тремя меткими выстрелами частично вылечить человечество от коммунистической заразы. Однако он медлил. Эта медлительность не была продиктована жалостью или тем более слабостью, просто майор не видел смысла в этой перестрелке. Даже если они отобьют эту атаку, и даже еще одну, следующей им все одно не отбить.

— А вот интересно, Артур... — Маргарита тщательно выцеливала залегшего под старыми санями чекиста в матросском бушлате. — Они за Бессоновым, за мной, за тобой? Эй! Чэка! Кто вам нужэн?

Марго прокричала вопрос прямо в разбитое окно. Во дворе замерло. Женский голос явно оказался для нападающих сюрпризом.

— Нам нужен анархист и предатель Евгений Бессонов! Пусть выходит сюда и сдается. А вас, товарищ баба, мы не тронем... — раздался насмешливый голос прямо из-под окна — прорвавшаяся к цеху пятерка чекистов укрывалась под карнизом, на котором еще час назад мерз бедняга Шарик.

— Сдавайся, Бес! — рявкнул прямо из-за двери «кожанка».

— Это ошибка! — резкий и какой-то бабий визг Бессонова заставил Шарика вздрогнуть. Даша, прислонившаяся спиной к закрытым дверям часовенки, поморщилась. — Это все

ваш Яшка Березин! Он сам ни черта не знает! Пусть пойдет и спросит лично у Феликса! Пусть сюда приедет Феликс!

Бес кричал, брызгал слюной, бестолково махал руками с зажатыми в них фигурками, а Артур смотрел на него и понимал, что Бес знает... Знает — никакой ошибки нет! Поэтому и собрал вещички, поэтому и мечется по цеху, как безумный, не зная, что ему делать — брать ли в руки маузер и палить по вечера еще «своим» или же пустить себе пулю в лоб. Вот тебе, Бес, свобода! Чистая! Прекрасная... Свобода выбора! Или-или...

— Феликс сам тебе билетик на тот свет подписал! Не веришь, контра?

В дверь застучали, заколотили руками, ногами... потом чем-то тяжелым. Бес обмяк. Руки его повисли вдоль тела, как варешки на веревочке. Взгляд потускнел, жидкая борода обвисла. Но уже через секунду он пришел в себя, в три прыжка пересек цех и громко ударился головой о стальную трубу паропровода. Остановился, поднял кверху желтые свои глаза... и нехорошо рассмеялся.

Граната лежала на дне того самого ящика... Там еще оставались фигурки, те, что Бес не сумел распихать по карманам. Запустив в ящик руку, Бессонов пошарил по дну и, зажав гранату в руке, вернулся к трубе. Разогнуть усики — две секунды. Достать из кармана моток бечевы, распутать ее, привязать конец к кольцу — минута. Примотать гранату ветошью к трубе, чтобы скоба осталась «голой» — полторы.

— Что он там вытворяет? — Марго мотнула подбородком в сторону Бессонова...

— По-моему, собирается взорвать паропровод... — Артур сменил обойму. — Сейчас тут будет жарко, в самом

буквальном смысле. Думаю, он будет прорываться... Да и нам уже пора. Не находите? Через дверь? Или через окно?

— И так, и так — дело наше дрянь! — рассмеялась Марго. Рассмеялась живо, легко и задиристо. Так, что Артур Уинсли вдруг вспомнил, за что он ее полюбил двенадцать лет назад.

— Даша! Вы здесь?

Пес сосредоточенно искал блох, не обращая внимания ни на что вокруг. Артур с облегчением выдохнул.

Меж тем дверь с каждым ударом снаружи выглядела все податливее и податливее. Так скромница сопротивляется настойчивым ухаживаниям ловеласа. Но оба они знают — сопротивление бессмысленно.

— Англичанин! Ищейка! Слышишь меня? Я тебя еще найду! Слышишь! Обязательно... Мы еще с тобой за свободу... — крикнул Бессонов от двери, добавил что-то невнятное и рванул на себя бечеву.

Сперва свист такой, что вот-вот голова лопнет. И рев... Такой рев — словно десять тысяч капитанов десяти тысяч пароходов вдруг одновременно дернули за линь гудка. И от пара, горячего, липкого, нечем дышать. Легкие словно спекаются в паштет. А главное, что пар, заполнивший помещение, так густ, что не видно даже собственной руки, которой непроизвольно пытаешься прикрыть лицо. Найти выход в этом аду невозможно.

Отыскать не такой уж большой ящик, на дне которого лежат металлические фигурки, невозможно вдвойне, если ты не собака. Дело не в чутье, дело в упорстве. Если долго и упорно ползти через обжигающий туман туда, где пять минут назад стоял ящик, то рано или поздно ты уткнешься в него носом.

Даша понятия не имела, зачем она это делает. Мысль забрать бесовские фигурки пришла ей в голову случайно, но отказываться от нее она не собиралась. Шарика было жалко так, что сердце сжималось, но другим «агентом» Даша запастись не успела. Поэтому она мысленно попросила у пса прощения и заставила его набрать целую пасть фигурок. На вкус они были... как железяки, неприятно задевали о зубы и омерзительно звякали друг о дружку. «Давай, песик... Давай, мой хороший. Только не глотай!» — изо всех сил подгоняла Даша бедного пса, а когда он, дрожащий, почти ослепший, с липкой, повисшей сосульками шерстью наконец-то появился в воротах церковного дворика, Даша не удержалась и бросилась ему навстречу. Это, кстати, было очень странное ощущение — бежать навстречу себе самой. Вряд ли даже Алисе довелось испытать такое в ее Зазеркалье. Но весь этот день был более, чем странным, поэтому Дарья Дмитриевна Чадова заставила Шарика сперва выплюнуть фигурки прямо ей под ноги, и лишь потом с облегчением сняла с шеи Медведя.

Если Шарику удалось выбраться с территории электростанции беспрепятственно, то Артуру Уинсли и Маргарите Зелле (она же Мата Хари) пришлось туго. Анархист Бессонов исчез сразу же после взрыва — не то выпрыгнул в окно и сумел уйти через амбары и склады, не то затаился где-то в цеху, пережидая суматоху. Так или иначе, Беса нигде не было, и «кожанка», весьма этим фактом опечаленный, решил выместить обиду на тех, кто оказался не так удачлив.

Теперь уже Артур и Марго прятались за бочками, а с трех сторон к ним подбирались оставшиеся в живых чекисты.

— Сдавайтесь! — кричал «кожанка», выставив перед собой маузер. — Сдавайтесь!

— А можэт, тебе тюрю разжэвать? — хохотала Марго. У нее только что закончилась последняя обойма.

— У меня два патрона, — предупредил Артур. И быстро высушившись из-за бочки, нажал на спусковой крючок. — Уже один.

И в этот момент откуда-то со стороны проходной, с дистанции в пятьдесят шагов, прямо в лоб чекистам ударил слитный двойной залп. За ним сразу второй и третий... «Кожанка» упал навзничь, раскинул руки, перестал дышать. Осел на землю матрос, лег на спину, выкинув над головой кулак с маузером. Схватился за грудь и посерел щеками молоденький солдатик с деревенским простым лицом.

— Убили! Командира убили!

Потеряв командование, оставшиеся солдаты в несколько секунд превратились в бестолково мечущуюся толпу. А от проходной продолжали слаженно и очень метко стрелять. Еще двое красноармейцев остались лежать на снегу. Залп! И еще двое.

— В цех, братва! Живо! Тикай!

Артур осторожно высунулся наружу. Двор был тих и выглядел абсолютно пустым. Майор медленно повернулся лицом к воротам, перевел взгляд на будку вахтера — именно оттуда пришло неожиданное подкрепление.

— Ну? Что там? Кто там? — нетерпеливо дернула его за штанину сидящая на земле Марго.

— Понятия не имею!

— Эй! Ходуля! Это я! Слышишь меня? Я тут! Это я — Генри Джи Баркер! Вот только не спрашивай, какого черта я тут позабыл! Быстро вали сюда! А стерву эту свою лучше придави бочкой! Или я ее сам придавлю!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О поездах и людях

Креветка валялся на спине под самым потолком, заставленный со всех сторон тюками, корзинами, узлами и чемоданами. Как его туда сразу закинул Красавчик, так он больше вниз и не спускался, чтобы не попасть ненароком под ноги обезумевшей толпе беженцев, заполонивших стылый вагон.

— По нужде захочешь — скажи. Я тебя до тамбура провожу. Понял? Дела делать надо большие... маленькие — мне говори. Не стесняйся, бро... Тамам?

— Тамам-тамам! — пискнул Креветка.

— И вы, мисс, сами не вздумайте по поезду гулять, если что. Вон, мне намекайте. Или Ходуле... Постережем.

Даша вспыхнула, но промолчала.

— А мне, выходит, почетный эскорт до сортира ты не предоставишь, Красавчик? — Маргарита, все также одетая в мужское платье, но на время пути решившая выбрать внешность попроще (подглядела на вокзале у рябого, измученного мужичонки, обвешенного барахлом и детьми), ткнула Красавчика в икру носком ботинка. Ботинок был загажен навозом, и Марго с видимым удовольствием обтерла его о штаны Красавчика. Бабье тряпье Генри выбросил еще

у церкви. Это все Креветка — он предусмотрительно обчистил «кожанку» и заставил Красавчика переодеться, прежде чем они отправятся на вокзал. Теперь из-за кожанки на Красавчика нехорошо, с опаской косились пассажиры, что получалось, в общем-то, кстати. Лишние расспросы были им ни к чему, особенно если вспомнить, что ни бумажечки, ни документика ни при ком из них не имелось.

— Эскорт? Я б тебе прям сейчас конвой предоставил... — буркнул Красавчик и отвернулся к окну.

— Господа! — укоризненно прошептал Артур... — Господа!!!

На Курско-Нижегородский вокзал они направились почти сразу. Даша только-только сняла с себя Медведя, поцеловала Шарика в измученную морду и успела собрать да спрятать в другой валенок поддельные предметы, как на церковный двор влетел запыхавшийся Красавчик с Креветкой на руках (маленький человечек не поспевал за людьми большими). Одной рукой Креветка держался за шею Красавчика, другой вцепился в толстую кожаную куртку. Через секунду в воротах появились и Артур с Маргаритой.

— Дашааа... Вы все-таки здесь... Дашааа! — в голосе Артура было столько укоризны, что в другой день Даша непременно почувствовала бы себя виноватой, но не теперь.

— Вы, милочка, прямо молодец. Если бы не вы, нас бы чекисты постреляли, как кроликов. Толк из вас будет... не то, что из некоторых, — Маргарита подмигнула девушке. И тут же бросила через плечо злобно косящемуся на нее Красавчику: — Потом, янки! Все потом! Нельзя терять ни секунды! Надо валить подальше отсюда...

— Генри... Как вы здесь? — встрял Артур, наконец-то отдышавшись.

— Потом, mon cher! Все потом! Ну, милочка! Вы у нас местная! Куда? И так, чтобы уже завтра оказаться отсюда, чем дальше, тем лучше!

— Зн-нначит... н... на... ннна вокзал... — у Даши зуб на зуб не попадал. Оказывается, она так страшно застыла, что теперь не могла даже пошевелиться.

— Дашааа... — Артур скинул с себя пальто и обернул им дрожащую от холода девушку.

— Обними! Господи, Артур! Обними же ее, — в голосе Марго зазвенел смех.

Даша шарахнулась в сторону, а майор Уинсли — известнейший на весь Дамаск бабник и ловелас, вдруг покраснел, как мальчишка. Красавчик оказался сообразительнее. Поставив Кроватьку на землю, он шагнул к девушке и облапил ее худенькое, почти ледяное тельце. Схватил ее ладошки своими большими горячими руками, и Даша почувствовала, как спасительное тепло проникает в каждую ее клеточку.

— Аппчхи! — она чихнула прямо в лицо Красавчику. Тот, тихо засмеявшись, поставил под ее мокрый нос свое плечо, в которое Даша тут же благодарно уткнулась.

Если бы Дарья Дмитриевна Чадова взглянула бы в сторону Артура Уинсли, и если бы ей было лет чуть больше, чем двадцать, она бы, несомненно, распознала в его безразличном взгляде и ревность, и досаду за собственную недогадливость. Но, во-первых, ей было не до этого, а во-вторых, уже настолько стемнело, что ничего такого разглядеть у нее бы все равно не вышло. Впрочем, Маргарите темнота ничуть не помешала. Поэтому она не без ехидства шепнула на ухо майору: «Mon cher, да вы, кажется, в девчонку влюблены».

На что майор вздрогнул и снова покраснел, что могло означать лишь одно — Марго права.

— Нет... Поглядите, какой наш фермер благородный. Джентльмен. Ах! Будь я на месте вашей пассии, я бы ни секунды не сомневалась в выборе... — продолжала ерничать Маргарита.

Однако ни время, ни место не способствовали романтике. Поэтому через три минуты, когда Даша почувствовала себя чуть лучше, вернула Артуру пальто, зато без возражений забрала его варежки, Маргарита прекратила издеваться и спокойным уверенным тоном обратилась к Даше:

— Милочка. У вас ведь предметы с собой? Я к тому... что нам ведь не надо обратно на Вражек. И все мы можем уже...

— Валишь отсюда к шарам собачьим! Простите, мисс... — Красавчик лихорадочно избавлялся от бабьего тряпья.

— Да, — Даша кивнула. Поняла, что нравится ей старая шпионка или нет, но сейчас именно она сохраняет хладнокровие, и именно ее имеет смысл слушать. Ни майора, ни даже американца, но именно эту лживую, опасную и, увы, опытную и ловкую умом женщину. — Надо на вокзал. Только это очень не близко. Может быть, кому-то трудно будет пешком.

— Да вы не за меня... За них беспокойтесь. Я ведь, милочка, танцовщица, хоть и старая! Помашите ногами день у станка — я на вас к вечеру погляжу! — Марго сухо расхохоталась, вдруг догадавшись, что молоденькая девочка сомневается в ее силах. Не доверяет старухе. Боится, что та не выдержит. И было Маргарите от этого и слегка обидно, и весело, и зло...

Потом они бежали по темным, страшным московским улицам. Даша впереди, за ней прихрамывающий Красавчик

с лилипутом на руках, Марго... Артур. В руке Артур держал браунинг с одним патроном, и готов был всадить пулю в любого, кто встретится на пути. Иногда они останавливались, чтобы слегка отдышаться. Иногда, заслышав впереди ночной патруль, прятались в переулках и подворотнях. Бежали дальше. Бежали молча, не растрачивая на разговоры силы. Хотя каждому из них было и что спросить, и что рассказать.

До вокзала добрались за час до рассвета.

Курско-Нижегородский встретил их гулом и суматохой. Напуганная и голодная людская толпа, что ни днем, ни ночью не иссякала, напоминала колонию растревоженных насекомых. Пришлось толкаться среди спекулянтов, мешочников и дезертиров, пробираясь на перрон. Даша шла первой, пихаясь локтями так, как в жизни не пихалась. Нянюра, увидевшая свою воспитанницу сейчас, удивилась бы несказанно. Даша бесцеремонно расталкивала женщин, отпихивала в сторону детей и лезла напролом, как какой-нибудь тифлисский грузчик.

— Молодец девчонка... Толк будет! — Марго не без одобрения смотрела на русскую девушку и с томительной, болезненной ностальгией вспоминала себя двадцатипятилетней давности. Тогда она была почти такой же — отчаянной, сильной и юной. Бесстрашной! Уверенной в собственной безнаказанности... и бессмертии.

С полчаса назад Маргарита опять надела Бабочку, позаимствовав лицо и тело у рябого многодетного крестьянина, и сразу же почувствовала в теле предательскую слабость. Бабочка убивала ее... Убивала тщательно, безжалостно... Выбора, однако, у Маргариты не было. Слишком многим здесь она успела досадить, слишком многих предала, слишком

многих обманула. Двенадцать лет назад, из-за двойной игры она оказалась на грани провала... Французы, немцы, русские... Она тогда слишком заигралась в шпионаж, не рассчитав собственных сил. Впрочем, это ее даже забавляло! Поэтому, когда англичане в восьмом предложили ей Бабочку, она согласилась с восторгом — игра приобретала новые, неожиданные краски! До самого семнадцатого года Бабочка помогала Марго скрываться от преследования лягушатников и бошей! А в семнадцатом, при помощи Бабочки инсценировав расстрел, она решила, что окончательно избавилась от прошлого. Тогда же Маргарита намеревалась убраться в Латинскую Америку, начать там новую жизнь... Может быть, даже выйти замуж и завести детей... В конце концов, и она имеет право на маленькое глупое счастье где-нибудь в Рио! Господи! Какая вопиющая наивность! Она уже собрала чемоданы и купила билет в первый класс, когда вдруг выяснилось, что новой жизни не будет — Бабочка бесцеремонно отняла у Маргариты будущее! И в этом был виновен лишь один человек — Артур Уинсли-старший! Старик «забыл» сообщить ей, что Бабочка — маленький изысканный кулон — не только театральный реквизит. Впервые в жизни Марго поняла, что такое настоящая большая игра! Впервые в жизни она по-настоящему захотела мести. Впервые в жизни для нее это был не театр, не очередная роль в очередной постановке, но подлинная, выжирающая все ее внутренности ненависть. Вынужденная оставаться в Европе, где каждая полицейская сошка знает Маргариту Зелле в лицо (и по театральным афишам, и по сделанным тайными агентами фото), она не могла уже отказаться от Бабочки. Теперь за то, чтобы выжить... ей приходилось платить собственной жизнью, которой с каждым днем оставалось все меньше и меньше.

Впрочем, (господи! да кому это надо?) Бабочка позволяла ей быть, возможно, самым информированным в мире человеком. Если бы не Бабочка, она бы вряд ли бы проникла в американскую ложу и узнала бы про ищейку. И уж точно не сумела бы пробраться в константинопольскую ставку, чтобы вычислить планы британцев. И ни за что не отыскала бы в Москве Артура Уинсли, который был ее последней надеждой на жизнь.

«Мой маленький нежный убийца», — Марго ласково погладила холодную спинку кулона. У нее все еще оставался шанс, и упускать его она была не намерена.

До самого вечера просидели в углу, пряча лица, едва неподалеку появлялся наряд народной милиции. Даша сумела купить у проходящей мимо жирной спекулянтки кирпичик хлеба, но его тут же вырвали из рук — она даже не заметила кто. Девушка от обиды хотела расплакаться, но ничего у нее не вышло — усталость и голод вымотали ее так, что она даже зубами не стала скрипеть. Села на пол, прислонилась головой к стене и до самого вечера так и сидела в полужабытьи, открывая глаза лишь тогда, когда к ней обращались по имени.

— Даша. Держите. — Артур протянул ей алюминиевую кружку с кипятком. — Еды, увы, достать негде.

— Кушать подождать немножко. Ром рома кушать всегда есть. Тамам? — Креветка цепким взглядом следил за цыганкой, пристающей к прохожим с предложением «бесплатно погадать на удачу». Дела у гадалки шли, честно говоря, неважно — пассажиры и пассажирки отмахивались от ее назойливых приставаний, кое-кто грозился крикнуть

милицию, а изможденный щуплый латыш в форме кавалериста толкнул цыганку в плечо кулаком.

— Хэй! Лаше дэс, чавела! — Креветка поманил цыганку пальцем. — Ав орде¹.

Та нахмурилась, но все же пошла на зов, подобрав юбки, чтоб не запачкаться об изгвазданный пол. Нагнувшись к Креветке, выслушала его внимательно, потом нахмурилась еще больше и покачала головой.

— Нет еды! — бросила по-русски, так чтобы все поняли — ничего им от нее не получить и, взметнув цветастым подолом, поплыла прочь.

— Ме бюшював Гожо! Гожо! Де ла Бэндерь².

Цыганка застыла, как вкопанная. Как будто ее ударило молнией. Охнула. Повернулась, и Даша поразились насколько изменилось ее лицо. Еще секунду назад суровое, почти злое, оно обмякло и стало вдруг нежным и каким-то (Даша долго подбирала верное слово) ... каким-то блаженным, словно на вокзальном затоптанном и захарканном полу стоял перед ней ангел.

— Гожоооо де ла Бендерь³! — цыганка почти бросилась обратно, присела перед Креветкой и когда тот протянул ей руку для поцелуя, благоговейно коснулась ее губами.

— Э щиб никэр пала л' данд⁴!

Цыганка часто закивала, не отводя от Креветки восторженного взгляда. Красавчик с Артуром недоуменно переглянулись, Марго еле слышно присвистнула, но как-то всем

¹ Доброе утро, красавица! Иди сюда (цыган.)

² Я Гожо из Бендер (цыган.) «Гожо» — на диалекте бессарабских цыган значит «Красавчик».

³ Гожо из Бендер (цыган.)

⁴ Только держи язык за зубами (цыган.)

хватило сообразительности ничего вслух не говорить. И потом, когда цыганка исчезла, а через пять минут вернулась с корзиной снеди, никто ни о чем Креветку спрашивать не стал. Да и не до этого им было — голод не тетка. Все набросились на еще горячие ржаные пирожки с капустой и даже не заметили, как цыганка ушла, послушная молчаливому приказу маленького смешного человечка, которого, с легкой руки Красавчика, все звали Креветкой.

К составу они вышли уже за полночь, за час до объявленной в расписании посадки, но народу там уже было пруд пруди. Беженцы, беспризорники, солдаты, цыгане, хохлы..., демобилизованные красноармейцы и бывшие немецкие военнопленные, возвращающиеся домой. Перрон гомонил на всех возможных языках, гнусно матерились мужчины, визжали женщины, кричали дети. Состав на пути подали, как ни странно, вовремя, и тут же случилась страшная давка. Толпа с воплями рванула к пустым вагонам. Над головами поплыли корзины и тюки. В заторах, образовавшихся у каждой двери, хныкали полузадушенные дети. А из вокзального здания подваливали все новые партии желающих попасть на поезд.

Они бежали вдоль состава, пытаясь найти худо-бедно пустой вагон. Все зря — люди осаждали двери, забирались внутрь через окна, лезли на крышу, сталкивая, друг дружку вниз и яростно ругаясь. В одном из окон последнего вагона молодой белозубый парень в треухе глазел на бушующую толпу и весело скалился.

— Стой! — скомандовала Марго. — Дальше некуда.

Она вытолкнула вперед Дашу и Красавчика с Креветкой на руках и замахала руками, показывая парню жестами, чтоб тот открыл окно. Парень с трудом опустил стекло.

— Давай девку сюда! И пацана...

— Лезьте, милочка!

Даша беспомощно посмотрела сперва на Артура, потом на Красавчика... Тот, не долго думая, пихнул парню в руки Креветку, и пока тот не сообразил, что вместо ребенка ему подсунули карлика, схватил девушку за талию и поднял к окну. Ноги Даши глупо мелькнули в воздухе и исчезли в вагоне.

— Живо за мной! — рявкнула Марго. Легко подпрыгнула и, подтянувшись на руках, оперлась животом на оконную раму.

— Вот ведь ловкая стерва... — не без любования отметил Красавчик и полез за Маргаритой следом.

Артур, лягнув в челюсть кого-то, вцепившегося в его ногу, забрался в вагон последним и быстро поднял за собой стекло. Даша уже сидела в углу открытого купе у окна. Марго устроилась рядом. Красавчик закинул Креветку на самый верх, на заставленную тюками полку, втиснулся напротив Марго, между покрытой инеем стеной и обрюзглым сизым мужиком в солдатской шинели. Затих. Артур огляделся, места ему не было — разве что громоздиться поверх чьих-то тюков.

— Садись, милый... Мои узелки-то... — краснощекая баба, кое-как устроившаяся с краю нижнего яруса, заулыбалась гнилым ртом. — Ножищи то отрастил! Садись.

Артур сел.

Через полчаса вагон забился до отказа. Ни в узком проходе, ни в купе, ни в невыносимо холодном тамбуре места не оставалось. В вагоне галдело, возилось, громыхало, кашляло, чихало и звякало стеклом (кто-то достал самогон), запахи махры и пота мешались с угольной вонью, и над всем

вагоном витал дух общего возбуждения и радости. Раздался лязг сцепки, и обросший людьми поезд тронулся с места. Задлые путешественники принялись сооружать из узлов и тюков лежаки. Красавчик притворился спящим, а то и вправду заснул. Тут же захрапела мужским густым храпом Маргарита. Затих наверху Креветка. Артур, неуклюже пристроившись на узлах, молчал.

Баба пошарила внутри узелка, что лежал у нее на коленках, достала оттуда ржаной сухарь и, разломав пополам, половину протянула Даше.

— На. Пососи сухарика. Синяя вся. А я из Самары буду. Прошлым летом у нас картошечка родилась как горох, просо ссохло. Желуди я дитям варила, корочку липовую толкла... Троих ребятят схоронила, трое пережили, вроде как. Свечку пошла поставила. А тут и тиф. Померли малые. Сгорели за неделю. А я живая. Хожу, правда, плохо, — баба задрала юбку, бесстыже опустила нитяные чулки и продемонстрировала всему вагону отекавшие в лодыжках ноги.

Говорила все это баба ровно, без грусти, словно горе выжгло ее изнутри подчистую и ничего больше не осталось. Только выстуженный вагон, странные попутчики да стук колес. Сизый мужик понимающе мычал, крепко держа обеими руками сидор. Жаловался, что уже которую неделю ночует на вокзале, и что был он в Белокаменной по делам, а теперь ехать ему аж в самую Одессу, где ждет его молодая жинка, если еще не скурвилась и не спуталась с уркаганами или солдатней. Баба сочувственно кивала. А Артур из сказанного понимал мало, но, может, от этого было ему еще страшнее, поэтому он глядел и глядел на Дашу и старался понять, о чем думает она, слушая старуху? Кого винит за свою судьбу, за смерть родных, и за то неизбывное горе, что окутало

Дашину страну, согнало неповинных ни в чем людей с насиженных мест, погнало в дорогу?

— В Екатеринослав надо мне. К сестре... А вы что за люди такие будете, барышня? Гляжу, никак понять не могу. Вы, вроде, из благородных, а одна среди мужиков... Да еще и этот убогынький... — баба быстро перекрестилась, глазами показала наверх, туда, где, спрятавшись за тюками, сопел Креветка.

— Мы... это... едем вот.

Даша поперхнулась сухарными крошками. По всему, отвечать за остальных приходилось ей. По-русски кое-как говорила лишь Маргарита, но акцент ее все же был ужасающ и вызвал бы ненужные подозрения.

— А муж-то твой, который из трех будет? Чай не карла? — никак не хотела уgomониться любопытная старуха.

— Муж? В смысле... Муж? — Даша замямила...

— Я муж! — Артур строго уставился в краснощекое щербатое лицо.

— От! Так оно сразу видно. Подходите-то как друг дружке! Как ниточка с иголочкой, — баба поплыла в улыбке и протянула Артуру вторую половину сухаря. Отказываться майор не стал — цыганских пирожков ему было мало.

— Да. Муж, — Даша выдавила из себя слово «муж» и презрительно смерила Артура взглядом. — А вообще-то мы все — артисты цирка! Едем на гастроль! Вот он, муж мой, например, клоун! Рыжий!

Артур едва не подавился. Судя по тому, как фыркнула Марго, она вовсе не спала, слышала все преотлично и теперь едва сдерживала смех.

— Циркачи, значит... Шапито? — влез сизый. Ему явно хотелось поговорить. — Вижу, через окно в вагон лезете,

и сразу понял — циркачи. Чудные уж больно по виду. И липутик с вами, и мамзель из себя ладная... Акробатка, поди. А в кожанке кто таков будет? Серьезный человек, по всему.

— О это! Это сам товарищ Баркэрович. Наш анрэпрэнер из Чэка, — открыв сине-зеленые глаза, Маргарита вкусно зевнула.

Разговоры смолкли. Затихли плачущие дети. Закончился самогон. Вагон спал. Спала, закинув назад голову, болтливая старуха. Спал обрюзглый сизый мужик, обхватив обеими руками свой драгоценный сидор. Сопел наверху Креветка. Спала, скрючившись в углу, уморившаяся за эти дни Даша. Поезд шел под гору, набирая ход.

— Сойдем в Екатеринославе, если повезет. Если до этого нас не снимут. Не обнаружат. Не расстреляют. Дальше легче. Там уже можно найти повозку, проводника, договориться с местными, — Артур старался едва шевелить губами, опасаясь, что кому-нибудь из пассажиров взбредет в голову прислушаться, и тогда выяснится, что в поезде иностранцы. — Деньги у меня есть.

— Деньги у всех есть, — Красавчик тоже старался говорить тихо, но все равно получалось у него кое-как, поэтому Марго постоянно на него шикала.

— Тшшш, фермер! Тихо! А меж тем, ваша барышня опять молодцом. Каков пассаж про цирк! А? Брависсимо! Если бы я вдруг искала себе ученицу, то взяла бы ее, не раздумывая.

— Марго! Прекратите!

— А что «прекратите», Артур? Ваша русская мадмуазель растет прямо на глазах. Вчера она прибрала к рукам все ваши предметы, потом без спроса воспользовалась одним из

них и весьма ловко выследила нас. К тому же, вовремя предупредила об облаве. Потом довела всех нас до вокзала. И, между прочим, не хныкала, не ныла и не собиралась ложиться и помирать, как некоторые. А теперь, вот, подобрала нам отменную легенду! А ведь молодец девчонка. Все верно — артисты и шлюхи всегда вне подозрений! Нет! Из вашей Даши определенно будет толк... — Марго потянулась, расправляя крепкие крестьянские плечи. Правда, если кто-нибудь из присутствующих удосужился бы присмотреться, понял бы, что держится она из последних сил. Что руки ее дрожат, а губы посинели. Но ни за что Маргарита Зелле не позволила бы кому-нибудь увидеть ее немощной и слабой, поэтому она продолжала дразниться, вынуждая присутствующих ее из всех сил ненавидеть. Лучше уж ненависть, чем жалость — это Марго решила для себя давно. — Я бы ее обучила. Исключительно ради искусства. По крайней мере, если я отброшу коньки, будет, кому меня заменить!

— Заткнулась бы ты! Или я тебя прямо сейчас задушу! — Красавчик еле удержался, чтобы не вдарить со всей дури кулаком по широкому мужицкому лицу. Удержал его лишь умоляющий взгляд Ходули!

— Ах! Иногда мне кажется, что «я-тебя-задушу» — мое второе имя. Смотри-ка, Генри! А ведь последний раз тоже был поезд, и та же компания, и ты тоже был не слишком со мной вежлив! И вот ведь чудеса — сейчас тебе опять никак нельзя меня придушить, как бы ты этого ни хотел — будет лишь хуже. Считай, у нас с тобой сложилась традиция. А традиция — первый шаг к дружбе!

— Стерва.

— Перестаньте! Мы сейчас тут всех перебудим! Лучше скажите, Генри, как вы меня нашли? Как узнали где я? Да

вы просто, друг мой, словно Марк Антоний, пришедший на подмогу Цезарю в Иллирии. Появились как нельзя вовремя. Или это случайность...

— Mon cher, сравнения у вас, однако... — Маргарита скорчила презрительную гримасу. — Случайность... Боюсь, что нет. И ставлю свои лучшие шелковые чулки на то, что...

— Да засунь ты их себе!!! — вообще-то Красавчик был джентльменом до мозга костей, и такого с женщинами себе никогда не позволял, но Маргарита Зелле выводила Красавчика из себя почище, чем чикагские копы. — Ходуля! Тут, в общем, такое дело... Я про Стиви! Малыш мой братишка Стиви... Малыш... Он оказался не Малыш вовсе, а масон, вроде тебя... И такое дело... В общем, я вроде как не просто Красавчик, хотя я конечно все тот же Красавчик... В общем, Ходуля, ты в этих делах сечешь и мне нужно тебя кое о чем спросить...

— Наш косноязычный дружок хочет сказать, что чикагские дружки его крупно подставили! Вместо братишки подсунули ему своего человека. А Генри у нас такой чувствительный, такой нежный, что не заметил подмены. Не купись, Генри! Я тоже не заметила, хотя мне это было сделать проще, чем тебе. О! Артур! Похоже, наш Генри уже в курсе, что он — ищейка с даром. Что ж — это неплохо! Сэкономим на объяснениях время! Но знает ли он, что ты тоже — ищейка с даром, Артур? И что вы с ним в этой охоте соперники? Вот в чем вопрос.

Марго думала. Думала быстро, лихорадочно, отчаянно. Она снова думала, как ей выжить... как добраться до Гусеницы. Янки появился ох как некстати — весь ее тщательно проработанный план из-за него полетел в тартарары.

Вся эта история с Гусеницей была сродни ночному душному кошмару. Когда ей срочной телеграммой сообщили, что мальчишка-янки сбежал, и что теперь через Генри Баркера Гусеницу ей, скорее всего, не добыть, она целую ночь выла, закусив скрученную в жгут простыню. В то, что Уинсли-старший сдержит обещание и скажет ей, где же находится вождеденный предмет, она не верила ни единой секунды. И что ей оставалось делать? Только разыскать Уинсли-младшего, обвести его вокруг пальца и использовать его знания и дар для собственных целей. Главное, заставить его поверить в ее искренность. И, черт побери! Она почти преуспела!!!

Нет. Марго не была наивной кокеткой и не рассчитывала во второй раз соблазнить майора, но прекрасно зная о его бесконечном, наивном благородстве надеялась на успешный обман. Надеялась, что раскроет англичанину глаза на то, что сделал и продолжает делать с ним его обожаемый дед, разумеется, чуть сгустив краски. Надеялась, что сумеет сыграть на обиде, и осторожно перетянуть Артура на свою сторону. А еще больше рассчитывала на удачный блеф! У Марго все еще оставалась чудесная возможность блефовать — ведь майор Уинсли понятия не имел, что никакого Малыша Стиви не существует. Немного фантазии, искреннее обещание отпустить несуществующего Малыша — и можно требовать у майора помощи с Гусеницей.

Теперь же из-за янки, все снова разваливалось на куски. Да и сама она разваливалась. Сердце у Марго то начинало биться в бешеном темпе, то проваливалось куда-то вниз, ее бросало то в жар, слезились глаза, а легкие болели так, что невозможно было дышать.

Маргарита незаметно для остальных нащупала у себя пульс. Раз, два, три... пауза... четыре пять... пауза.

— ...в общем, такие пироги, Ходуля. Чуешь? — Красавчик взъерошил свой пшеничный чуб. — Ну я пораскинул мозгами... И куда мне теперь, раз я эта... ищейка? Опять дурачка включать, мол, я — не я, ничего не знаю, куда делся братишка мой Стиви понятия не имею? Что? За бабки с масонами дальше нюхаться, чтоб они меня через год-другой пришили? Или, может, плюнуть на масонов и прямо к президенту Уилсону в Белый Дом топать — здравствуй, господин президент — я тут малюю чудные побрякушки, так вдруг оно тебе для чего-нибудь надо? Или куда мне теперь? А так — смешно работает эта штуковина у меня в башке. Знаешь, как тебя нашел? Сперва по известному адресочку направился — там копы местные шныряют. Значит дело — труба. Тогда взял я и накалякал угольком на бумажке Жужелицу — я ж помню — ты ее разыскивал. И тут же... опа! Девчонку твою с Жужелицей в руке накалякал. Красивая, кстати, девчонка! Потом гляжу... Рисованная девчоночка к стене дома жметесь, на стене той табличка, на табличке непонятные буквы. Креветка (ты не смотри, что он маленький — умный он у меня) буквы прочитал, и на карте нашел куда идти. Идти всего ничего — два шага. Ну, мы с ним туда бегом — гляжу, Ходуля! И девчонка тут же. Хотел я сразу объявиться, но решил поглядеть, что к чему. Да и Креветка отговорил. Шли за вами по следам. Вы за кошкой, мы сзади. Вы в дом, мы ждать. И вдруг смотрю: выходит сперва мой Ходуля, а потом эта стерва! Узнал я гадину в секунду, хоть она опять свою Бабочку нацепила. И девчонка выскочила через минуту из подъезда. Ну, я за ней бегом. А глаза у нее разные! Дальше ты видел... И вот эта дрянь говорит, что ты тоже ищейка. Что? Вроде как мы с тобой против друг дружки? Это как же так, Ходуля? Что мне делать? А?

— Не знаю, Генри... Ничего знаю... Да! У меня тоже есть дар, который, как выясняется, многим вдруг оказался нужен. Но я все равно не знаю, что точно происходит!

— Я знаю! Большие умные люди заставляют двух маленьких, но талантливых идиотов искать для них предметы. А теперь интересное — та-та-та-та! — пропела Маргарита, — обоих идиотов, как только они перестанут быть нужными, уберут. Так ясно?

— Заткнись!

— Помолчите, Марго...

— Плохой злой ханым сейчас правда говорить! — Кровать свесился с верхней полки. Его худое, нервное лицо выглядело страшно — как будто из темноты вдруг высунулся сам дьявол.

— Плохой злой ханым я придушить! Тамам? — зашипел Красавчик.

— Плохой, злой ханым вам, меж тем, может пригодиться. Потому что у плохой злой ханым, в отличие от вас, есть нужные связи и опыт. И мозги! — Маргарита Зелле набрала в рот побольше воздуха, задержала дыхание, чтобы хотя бы ненадолго успокоить обезумевшее сердце и ... пошла ва-банк. — Нам с вами, дорогие мои, сам бог велел объединиться и сделать так, чтобы лишь от вас зависел весь мир! Весь! Мир! Черт подери! Перестаньте же быть детьми! Долг, честь, приказ, верность, родина... Чушь! Даже деньги — чушь! Все это пустяки по сравнению с той неограниченной властью, что могут дать предметы!

— Слушай плохой злой ханым... Слушай, бей эфенди! — Неожданная поддержка придала Маргарите уверенности.

— Власть! — Маргарита прикрыла глаза и повторила одними губами, но с таким наслаждением, что у всех присутствующих

перехватило дыхание. — Власть! Вы думаете тех мерзавцев, кто вынудил вас выйти на эту охоту, волнует что-то кроме власти? Думаете, они ночами не спят, слюнявят мягкие думочки и мечтают о величии нации? Ха! Как бы не так! Власть! И ничего кроме власти! И что? Вы хотите быть их послушными пешками? Да надерите же им задницы! Поломайте им их планы! Спутайте все карты... У вас двоих есть для этого все. К тому же у вас есть я. И я вам помогу! Сведу вас с серьезными, большими людьми в Средней Азии, в Латинской Америке, в Китае, Индии и ЮАР... Вы... Нет! Мы!!! Мы сможем кроить политику и управлять миром так, как нам заблагорассудится! И ни твой дед, Артур, ни чертовы южане, Генри, нам не указ! Никто не указ!

— Плохой злой ханым дело говорить! Правильно думать!

— Что скажешь, Ходуля? — шепот Красавчика раздался над самым ухом майора.

— Нет! Я не могу, Генри... У меня приказ. У меня долг! Долг офицера. Джентльмена, — майор говорил абсолютно неуверенным голосом и, кажется, (в темноте этого не было видно, но Баркер был почти уверен)... кажется уже минуты две, майор то и дело потирал переносицу, что означало крайнюю степень растерянности. Зато Генри Джи Баркер сосредоточенно кусал нижнюю губу, и о чем-то серьезно размышлял.

— Стерва права, — выдохнул, наконец, Красавчик. — Она нас с тобой использует, вся насквозь изовралась, и я бы ее с радостью прямо здесь придушил. Но она так и так скоро подохнет, и она, дери ее бабушку аболиционисты, во всем права! Или мы сами по себе против всех, или нам просто так, ни за понюшку табаку, скоро выпустят кишки. Не знаю как тебе, Ходуля, а мне мои кишки дороги. Я ими последнее

время и так рискую. Нет! Ты, конечно, смотри сам... Тебе оно, конечно, труднее, чем мне. Ты — военный! Целый майор. Глядишь, полковником станешь. А я что? Гангстер! Бандюган... Был бандюганом, бандюганом живу. Им и похоронят. Мне что самому дьяволу служить, что его бабушке — все едино. Кто башляет, тот и музыку заказывает! Так что я, Ходуля, уже для себя все решил. Слышь ты, мразота с Бабочкой. Договорились! Теперь мы с тобой партнеры. Только ты не думай, что если мы партнеры, я тебе сразу поверил. Если подставишь меня... если мне даже на полсекунды покажется, что ты меня подставила, я вот этими зубами тебе горло перегрызу!

— Хорошо! Хороший... Правильно! — Громыхнул чемодан, звякнул бидон. Это Креветка вернулся в свою «нору» на верхней полке.

— Вот и славно, лобызаться и руки друг другу жать, я так понимаю, мы с тобой, партнер, не станем? — Съязвила Марго. И тут же задохнулась от того, что остановилось на целую четверть минуты измученное сердце.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О решениях, которые каждый должен принимать сам

Поезд Москва-Екатеринослав.

6 января 1920 года по новому стилю

Даша, стиснув в кулаке Летучую Мышь, старательно делала вид, что спит. Хотя сна, конечно, не было ни в одном глазу. Она все прекрасно слышала, все отлично поняла. Поняла и про то, что произошло между Маргаритой и Красавчиком, и то, что с этой секунды эти двое заодно. Что, как бы ей ни нравился американец, теперь его стоит опасаться. Еще Даша отлично поняла, как непросто сейчас Артуру, как тяжело переживает он предательство деда... и как сложно ему выбрать между собой... и собой. Она чувствовала, как он колеблется, как пытается найти оправдание то одному решению, то другому, как борются внутри него горькая обида, страх за собственную жизнь и долг. Маленький уставший человек против сильного духом мужчины. Кто из них окажется сильнее? Даша совершенно точно знала, как горько, как больно и одиноко сейчас Артуру... потому что чувствовала себя точно так же! И точно так же, как и Артур, не могла сделать свой единственный и окончательный выбор.

Девушка притворилась, что только проснулась, села и, зевнув, потерла кулачками глаза.

- Даша?
- Я... Мне нужно... — она встала, одернула юбку.
- Да. Я понял. Я вас провожу, — Артур поднялся с тюков.
- Я сама, — жалобно протянула девушка.
- Прекратите! Сейчас не время стесняться. Я провожу.

Они протиснулись между спящих вповалку в проходе баб, мужиков и детей, добрались до выстуженного тамбура. Даша нырнула за узкую дверь, заперлась на ненадежную щеколду и быстро стянула с себя валенки. Ей нужно было сделать две вещи — проверить, что за поддельные предметы ей удалось вытащить из ящика, и... спросить кое-кого кое о чем.

Неправильные Чайка, Кошка, Змейка, свернувшаяся уютным кольцом... и вот ведь удивительное совпадение! Лже-медведь и Лжежужелица. Даша достала из кармана варежку с желтой снежинкой и сложила туда Бессоновские подделки. Потом выудила из другого валенка кисет с предметами настоящими — Кролик, Медведь, Фенек, Жужелица — жужка — мамина память... Какая же она невыносимо холодная, какая кусачая, когда напрямую касается кожи!

— Жужелица-жужка, пошепчи на ушко... — мамина при-сказка показалась Даше такой глупой и слащавой, что Даша криво усмехнулась. Скрипнула зубами и прошептала: — Что мне делать, чертова Жужелица, безмозглое насекомое? Что? Что мне делать?! Как быть?

Целую секунду ничего не происходило, а потом... потом Даша услышала ответ.

Артур курил, приоткрыв окно. Держал короткую папиросу двумя пальцами, глубоко затягивался, совершенно

по-хулигански сплевывал на пол табачную крошку. Ветер задувал в вагон снег, угольную пыль, путался в русой шевелюре майора, обжигал холодом лоб и щеки. Обернувшись на звук щеколды, Артур ободряюще кивнул выходящей Даше. И тут же подумал, что зря он это сделал. Девушка, наверное, сейчас его ужасно стыдится. Впрочем, он тут же позабыл про это, с укоризной уставившись в ее помятое, уставшее личико.

— Даша! Глаза!!! Вы опять пользовались предметом... Сколько раз можно предупреждать, что это не шутки. Это очень опасно!

— Угу... Я запомнила. Вы уже тысячу раз это повторили, майор. Но я все равно пользовалась. Сперва Летучей Мышью, Фенеком, потом вашим Медведем, потом снова Летучей Мышью... теперь вот... — она раскрыла ладонь. Тускло блеснула гладким надкрыльем Жужелица. — Погодите-ка ругаться! Сейчас не время. Лучше скажите мне вот что, господин английский майор! Только честно. Вы же честный человек. Вот я... завтра или послезавтра, или через неделю... Я отдам вам все предметы, как и обещала. Может, и Жужелицу тоже отдам или вы вынудите меня это сделать. А потом мистер Баркер и она... а, может, даже и вы, заберете предметы у кого-нибудь еще. И снова заберете... И снова. Вы увезете их к себе в Лондон, американец в Америку или куда-нибудь в другое место, как подскажет ему она — ваша бывшая подруга. И однажды здесь почти ничего не останется... Скажите мне, майор, что случится тогда? Что будет тогда с моей страной?

— Не знаю, Даша...

— Не знаете? А я, вот, похоже, отлично знаю! — она смерила его таким взглядом, что у него похолодели пальцы. Это был взгляд, полный презрения, возможно, даже ненависти.

Так на него не смотрела еще ни одна женщина. — Я знаю. Да вы и сами говорили об этом Бессонову! Нет? Не помните? Так я напомним. «Почему вы так ненавидите Россию...» Вспомнили, англичанин? То есть, выходит что я тоже... тоже ненавижу Россию? Так?

— Нет! Даша, не совсем так. То есть, конечно, лишать любую территорию, любую страну предметов значит ослабить ее на многие годы, даже десятилетия, однако все не так однозначно... Но это не ваша война, Даша. Вы милая девушка, вы еще юны... Вам, Даша, жить, рожать детей, растить внуков. Эти страшные игры не для женщин вашего круга. Не для вас! Езжайте в Европу. Выходите там замуж за доброго человека. Просто живите, будьте счастливы и забудьте обо всем, что с вами произошло.

— Не для меня? Не однозначно? Да? А мне отчего-то кажется — однозначно! Разве не поэтому вы второй день места себе не находите? Я все вижу! Все понимаю! Вы полагаете, я ребенок. Глупый, наивный... «Ах, Даша, вы Синяя Борода в юбке», «ох, Даша, читайте труды господина Фрейда», «милая Даша, я ваш спаситель и друг». Будь оно все так просто, вы бы сейчас не мучились! Не ходили бы из угла в угол. Не смолили бы вонючие папиросы. Не страдали бы бессонницей. Вас ведь рано или поздно убьют, майор! Убьют ваши же! И вы это знаете, как дважды два, но все равно не хотите их предавать! Думаете, это потому, что вы такой из себя патриот и чистокровный британец? Потому, что вы вашу Британию любите больше жизни? Так? Да? А вот как бы не так! Вы так глупо поступаете, потому что вы... вы чертов сноб! И дубоголовый чистоплюй! И самовлюбленный дурак! Что? Считаете себя благороднее всех? Думаете, вы красиво и с честью отдадите свою дурацкую жизнь, но зато никто никогда вас

не обвинит в измене? Так думаете? Да? Тогда остальным... другим... Другим почему же вы отказываете в чести и благородстве? Чем мы хуже вас? Чем я хуже?

Она пододвинулась к нему так близко, что он почувствовал ее запах. Пахло от девушки, кстати, вовсе не карамельками, пудрой и духами — пахло вагонной грязью, потом и усталостью. Но, может быть, именно поэтому Артуру вдруг до умопомрачения захотелось стиснуть ее так сильно, чтобы затрещали все ее тоненькие девичьи кости, прижать к себе и никогда больше не отпустить.

— Даша... — Артур взял ее за плечи, отстранил. Целую секунду медлил, прежде чем сказать то, что должен был, наверное, сказать еще с самого начала, но не подозревал, что она его правильно поймет. — Это... Такое каждый должен решать за себя! Сам!

— А я уже решила. Я остаюсь здесь, в России. И я не отдам вам ничего! Ни единой фигурки! Простите меня, Артур... Но я не могу, не сумею поступить по-другому. Само собой, у вас приказ, долг... Но и у меня тоже мой долг. Вы, майор, если хотите, можете меня сейчас... кокнуть! Это я тоже понимаю. Только учтите, я буду кричать и сопротивляться. К тому же вот... — она залезла в карман шубки и достала оттуда его же браунинг с последним патроном.

Когда она его вытащила, как сумела сделать это незаметно? Как хватило у нее ловкости и изворотливости, как хватило смелости и ума? Все же Маргарита умела видеть людей насквозь — не зря... ох, не зря она повторяла, что из девочки будет толк. Артур в задумчивости потер переносицу.

— Ну, мы с вами, Даша, несомненно теперь смертельные враги. Однако кокать я вас все же не стану. Живите! А мне, знаете ли, не впервой проваливать задания.

— Угу. Знаю, — вздохнула девушка. — Вам не слишком везет с предметами... да и с женщинами. Это потому, Артур, что просто выбираете не тех. Поэтому вот... Держите. Придумаете что-нибудь. Ну, к примеру, что предметы оказались с самого начала не настоящими или что-нибудь в этом роде.

Нагнувшись, она пошарила в валенке, а когда распрямилась, в руке у нее болталась варежка с желтой снежинкой. Внутри варежки что-то глухо позвякивало.

— Что это? О, господи! Даша!!!

У Артура полезли на лоб глаза, когда он вытащил из варежкиного шерстяного нутра предметы. А когда он понял, что именно он держит в руках, ему захотелось присесть где-нибудь в уголке и долго с удовольствием смеяться.

А девушка вдруг поникла. Как будто все это время держалась на злости и чистой браваре, но теперь, окончательно расставив точки над *i*, отрезав себе дорогу назад, осознала случившееся. Она всхлипнула, задрожала губами. Тут же опустила голову, чтобы он не видел, как ей страшно, горько и как хочется разрыдаться в голос. Зачем-то стала забирать за уши липкие пряди волос. Волосы не слушались, лезли ей в глаза и на лоб, а она все заправляла и заправляла их назад, как будто этот обыденный женский жест помогал ей справиться со слезами.

— Вы большой молодец, мисс Дарья Чадова. Только вам теперь будет очень страшно. И я больше не смогу остаться с вами рядом. Как бы я этого ни желал!

Он все-таки притянул девушку к себе, прижал головой к груди, положил ладонь на затылок. Она вздрогнула и замерла, уткнувшись в его гимнастерку.

— Кролик-то что делает? — буркнула едва слышно. — Кролик у меня есть еще.

— Ну, вам он вряд ли нужен. По крайней мере, сейчас. У вас, Даша, и так все отлично получается, — в голосе его прозвучала горькая усмешка, но она не услышала. Или услышала, но не догадалась о чем речь.

Артур гладил девушку по волосам, стараясь не думать, что сейчас на его глазах происходит непоправимое, неправильное, то, что он не в силах изменить. Еще Артур думал, что теперь настоящую Жужелицу ему не получить, а значит, вряд ли выйдет решить норфолкскую загадку. И останется он, как всегда, вечным должником. На всю, скорее всего, недолгую жизнь, повиснет на нем позорный карточный долг полковнику Бошему в пятнадцать фунтов... и тяжкая вина перед остальными. Перед друзьями, которых он, возможно, мог спасти и которые теперь останутся в галлипольской пыльной вечности — без надежды, без будущего и даже без спасительной смерти.

— Ладно... Пошли обратно в купе. Тут холодно, к тому же, мне еще нужно решить, что делать дальше. Наверное, я до Топловского с вами доеду, там на крестную погляжу и назад. Вы не тревожьтесь за меня, я справлюсь. К тому же, в Москве ведь у меня кузен остался. Митя маленький. Он за красных, а раз я теперь тоже за красных — он мне и поможет. Пошли в купе. Ведь... вы ведь им не расскажете? Она... Маргарита хитрая и все время врет. У нее, между прочим, все это время был с собой Таракан. Так-то!

Артур Уинсли тихо засмеялся. Все это уже не имело никакого значения... Ничего не имело значения.

Одна только долгая бессмысленная дорога.

Утром потянулись за окнами голые, заснеженные поля. На них ломко качались редкие кусты, пахло угольной пылью

и морозным терпким январем. Из-за кромки леса поднималась в небо высокая туча дыма.

— Бандиты, — обронил брюзглий, подтягивая поближе к животу сидор, — станцию подпалили. Пряма за косогором тут большая станция. Когда ж только порешит их Советская власть?

Артур, проснувшийся с полчаса назад, быстро взглянул на Дашу и тотчас отвернулся в сторону, наткнувшись на ее потерянный, какой-то пустой взгляд. Похоже, ночью девушка не сомкнула глаз. Она осунулась, густая тень вытемнила до синевы рот и веки. Лицо подурнело от усталости.

— Бедняжка! — подумал Артур. — Как же ей сейчас, должно быть, страшно. Маленький отчаянный серенький ослик. Девочка моя. Смелая моя девочка.

— Водицы бы... — завозилась в углу баба. — Водицы... Холодненькой.

Даша потянулась за стоящей на столе полупустой кружкой, повернулась к старухе и тут же с ужасом отпрянула. Сизый насторожился, сморщился, став похожим на подгнивший гриб-свинушку. Подался чуть вперед...

— Тииф! Тикай отседова! — охнул сизый и вылетел вон, не забыв прихватить драгоценный свой багаж.

— Тиф... тиф... В вагоне тиф! — закричало, загомонило снаружи. Раздался шум и топот. Грохот падающих чемоданов. Кто-то бежал по коридору прочь, спотыкаясь о спящих еще людей.

Вскочил сонный Красавчик, ударился головой о полку, ругнулся в полголоса. Скатился сверху прямо ему в руки всклокоченный Креветка. Маргарита медленно шагнула к старухе, подняла той голову за подбородок и ловко сдавила двумя пальцами другой руки старухину челюсть.

Из обметанного рта вывалился наружу белесый толстый язык.

— Тиф! — Марго брезгливо отерла руки о полы когда-то щегольского пальто. — Вот теперь мне хана, господа! Тифа «под Бабочкой» я точно не выдержу...

Она опустилась обратно, закрыла ладонями лицо, обреченно вытянув ноги.

— Пошли отсюда. Живо. Хотя бы в другой вагон, — командовал Красавчик, уже привычным, чуть ли не материнским жестом подхватывая Креветку. — Чего сидишь? Ходуля! Мисс... И ты тоже. Эй ты! Стерва... которая Марго. Не скули!

По вагону в обе стороны бежали люди. Артур больно ударился о чей-то чемодан, и теперь у него нещадно саднило предплечье. Прямо перед ним маячила спина Маргариты, а сзади резво хромал Красавчик.

«Даша. Где же Даша...» — он остановился, пропустил Красавчика вперед и обернулся в поисках девушки.

— Где Даша? — крикнул он Красавчику. — Впереди? Не вижу ее...

Тот безразлично пожал плечами. Маленькая русская девушка ему нравилась, но не настолько, чтобы ради нее подыхать за просто так от дрянной, грязной болезни. К тому же, мисс Чадова находилась под опекой Ходули и, по всем признакам, Ходуля возражений не имел. Красавчик еще вчера скумекал, что Ходуля равнодушен к этой сероглазой крошке. А когда один друг равнодушен к девушке, другому другу мешаться и лезть с советами и помощью не стоит.

— Я возвращаюсь за Дашей... Вы ступайте вперед. Найдите где-нибудь место. Я потом разыщу вас, Генри!

Красавчик сложил пальцы кольцом, мол окей, валяй Ходуля, спасай свою малышку, и попер дальше как человек-паровоз, без раздумий распахивая по пути все, что казалось ему помехой.

Артур был уверен, что девушка осталась в купе, посчитав невозможным бросать больную старуху в одиночестве. «Вот бестолковая! Какая же она бестолковая! Какая упертая, глупая, сумасшедшая девчонка. Найду, надеру уши! То ей Россию спасать хочется, то теперь тифозную старушенцию... Тоже мне Жанна Д'Арк! Нет уж, милая Даша. Или то, или другое! Или Россия, или старуха! Но если с тем, что мисс Дарья Чадова решила стать спасительницей отечества, Артур согласиться еще мог, то подвиги мисс Найнтингейл не казались ему достойными подражания. Тиф — не та болезнь, с которой стоит шутить!»

Он влетел в купе... и никого, кроме бредящей старухи, там не обнаружил.

— Водицы... Водицы, милай, — старуха потянулась к Артуру, застонала. — Попиить. А завтра ведь Рождество Христово... Светлый день-то какой! Рождество-рождество, все дороги занесло...

Схватив со стола кружку, Артур прижал ее к губам больной и терпеливо ждал, пока она утолит жажду.

— Простите, мэ. Мне сейчас некогда...

Он почти уже ушел, но все же остановился в дверях, стянул с себя пальто и накинул его на старуху. Ее колотило и, кажется, ей уже ни пальто, ни долговязый человек, шепчущий странные нерусские слова, были ни к чему. Она шевелила разбухшими губами и кого-то тихонько звала. Может,

мужа своего. Может, шестерых детей, а может, и бога. Да вот только, кроме майора британской армии, никто ее не слышал.

Артур пробежал по всему вагону, заглядывая в каждое купе — девушки нигде не оказалось. Тогда он рванул на себя туалетную тонкую дверцу, не задумываясь уже ни о чем... Пусть там внутри хоть кавалеристский полк — не имеет значения. Но внутри было пусто.

«Так. Нужно спокойно и методично обследовать поезд. Черт... Где же? Ну где же она». Он закурил, обжигая губы. Курил быстро, жадно, зло. Шагал по составу, перебираясь из вагона в вагон, распахивая настежь двери всех купе, заглядывая в каждый угол. Знал уже наверняка, что девушки он не найдет. Знал, что Даша ушла, воспользовавшись суматохой. Ушла навсегда. Знал, что решила она уйти еще этой ночью, а может, даже раньше — когда плакала в холодном тамбуре, прижимаясь к его груди. А то, что она ему солгала, обещая все же доехать до Топловского и уже оттуда вернуться в Москву... так он бы, очутись на ее месте, тоже солгал.

«Девочка... маленькая моя смелая девочка, глупая моя девочка... Нянить бы тебе твоих кукол, вышивать гладью, печь кексы и носить модные шляпки. Танцевать под патефон... Господи! Я ведь так и не отдал ей карточку Вертинского! Вот только нужна ли ей она теперь?» — Артур в сердцах швырнул окурок в угол и, повернувшись, направился на поиски своих.

Десятью минутами раньше, как раз тогда, когда Артур протягивал умирающей старухе кружку с ледяной водой, Даша стояла перед распахнутой настежь дверью вагона

и с ужасом смотрела вниз, на пробегающие мимо кусты, на заснеженное полотно.

— Плыгать соблалась, мамзель? Сумаседся цтоли?

— Яшка родненький! — вот уж кого Даша совсем не ожидала здесь увидеть, так это московского смешного беспризорника Яшку. — Ты-то тут что забыл?

— На юг еду я! Не видис цтоли? Яблоки тут, пелсики... Класота!

— Пелсики... Да. Персики тут знатные, — она снова посмотрела наружу и зажмурилась.

— Погоди плыгать-то, глупая. Чичас станция будет, так пелед ней в голку пойдет. Медленно пойдет. Тогда оба и сиганем. Только ты сигай пелвая.

— А тебе-то зачем прыгать? — удивилась Даша. — У меня тут свои дела. Мне очень нужно.

— Яске тозе нузно! У Яски тут тозе дела! К Махно в алмию хочу я записаца. Буду в класных станах щеголять. Левольвелт мне батька даст. Тацянку!

— Ужо мне махновец... — Даша не сдержала улыбки. — Штаны, револьвер, тачанку. Где мы, а где Гуляй-поле. Сопли с пола подбери.

Яшка насупился. Хотел ляпнуть что-нибудь обидное, но тут поезд притормозил. Придорожные кусты поплыли медленно, даже печально. Словно только что плясали они веселый гопак и вдруг передумали, перешли на медленный фокстрот. Даша вопросительно обернулась на беспризорника, мол, что делать-то. Мальчонка деловито таращился вдаль, словно что-то про себя прикидывая.

— Все! Сигай вниз, мамзель! Медленнее узе не будет!

— Яшка! Ой! Боюсь я!

— Плыгай! Кому сказал? Тьху! Баааба, цто с вас взять!

Даша зажмурилась, присела, потом распахнула широко-широко глаза и... прыг-ну-ла. Полетела прямо в снег по ходу поезда. Упала на бок, но совсем не больно. Перевернулась два раза, тут же вскочила, отряхнула от снега шубку и отбежала в сторону. Вслед за ней вылетел из вагона похожий на тугой мячик пацаненок. Пробежал несколько шагов. Остановился. Утер мордашу рукавом и заулыбался счастливо-пресчастливо!

— Ну чо? Вот мы и плиехали, мамзель! Станция Юг!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

О судьбе и смерти

Топловское. Крым. Конец января – начало февраля 1920 года

До женского монастыря в Топловском добрались к концу января. Добрались бы раньше, но Маргарите по пути стало совсем худо. Тифом ее, к счастью, не задело — хватило одной Бабочки, которую она с себя сняла, едва сошла с поезда. Но с Бабочкой или без — было уже поздно — Марго умирала. Еще в Екатеринославе, где они проторчали пару дней, пытаюсь нанять кого-нибудь, кто сумел бы довезти их до самого Топловского, у Маргариты отказали ноги. Она еще пыталась идти, но коленки подкашивались, икры то и дело сводило судорогой, и каждый шаг давался ей с невероятным трудом.

— Ну, зовите меня теперь Русалочкой, *mon cher*, — хохотала она, задыхаясь и начиная сухо, резко кашлять.

Артур и Красавчик хмурились. Зато Креветка чувствовал себя совершенно в своей тарелке. Он бегал вокруг Маргариты, подсовывал ей в руку то кусок хлеба, то кринку молока. Заботливо подставлял ей свое плечико, чтобы она, чуть что, могла на него опереться, и был сама нежность.

— У паночки чахотка, чи шо? — круглолицый веселый дядька долго приглядывался к Марго, прежде чем согласился везти их до Топловского. — А как помре паночка в дороге?

— Инфлюэнца у мэня. Не помру. Вэзи давай — не болтай много. — Марго приходилось еще и вести переговоры, поскольку от Креветки с Красавчиком толку было чуть, а Артур местный диалект понимал дурно.

Денег за провоз дядька запросил столько, что на них можно было бы купить с потрохами и его, и толстомордую его жинку, и мохноногую пегую лошадку, и весь его хутор с домами, амбарами и курами. Но Артур с Красавчиком торговаться не стали. Уложили Маргариту на соломенный тюфяк, закидали сверху овчинками, а сами пристроились сбоку.

На подъеме лошадка умаивалась, отказывалась идти дальше, тогда Красавчик с Артуром спрыгивали на землю и послушно брели вслед повозке, перекидываясь редкими сухими фразами. Возница пел заунывное, тоскливое, а Креветка сидел с ним рядом, болтал ножками, глядел на дорогу и изредка подпевал визгливым фальцетом.

На их удачу в Крыму потеплело. Под солнцем облезли, обнажили верхушки пригорки, но дорога была крепкой, накатанной. Если бы не Марго, из-за которой приходилось каждый вечер останавливаться на ночлег, добрались бы куда быстрее. Но ей дорога оказалась непосильна, поэтому ближе к закату сворачивали на ближайший хутор, и там оставались до самого утра.

— Быстрее... Быстрее. Не нужно нигде ночевать, я легко выдержу! Едем же! Ну, что вы ковыряетесь там... Быстрее! — подгоняла Маргарита своих спутников, но и сама понимала прекрасно, что не отлежись она ночью в тепле, утром уже не встанет.

Между собой они почти не разговаривали. Да и не о чем было им говорить. Еще в поезде они все решили между собой. План их был прост, многократно оговорен и вопросов ни у кого не вызывал. В Топловском они заберут у монашки Гусеницу, а дальше пути их разойдутся — Маргарита с Красавчиком отправятся на свободную охоту за предметами, взяв с собой Креветку, а Артур вернется в Константинополь. В общем, Артуру не было никакой нужды сопровождать Маргариту в монастырь, но он пообещал, что если вдруг Феврония заартачится, он поможет ее убедить. В конце концов, он все еще оставался британским курьером, он все еще представлял константинопольскую ставку, был знаком с генералом Деникиным... и именно его послали в Москву за предметами... Значит, он вполне мог претендовать и на Гусеницу.

— Точно? Она точно знает, кто ты такой? Точно? — волновалась Маргарита.

— Да, Марго! В конце концов, когда-то я должен быть стать Хранителем, а все из нас так или иначе друг с другом знакомы. Не разговаривайте. Отдыхайте...

— Вот-вот. Молчи уж! Сдохнешь сейчас... и куда я тогда? К масонам? Или, может, к комунякам? Нет уж! Скрипи дальше. Или я тебе кишки...

Маргарита слабо улыбалась.

— Ходуля, а ты как? Все еще не надумал с нами? А?

Майор Уинсли отрицательно качал головой. Он старался не думать о том, что произойдет по его возвращению в Константинополь. Он оттягивал возвращение в ставку, тяжелый разговор с генералом Милном и, возможно, самим генералом Деникиным. Тем более, не хотел он даже думать о том, что скажет ему дед. Скажет ли? Захочет ли видеть внука после всего, что случилось.

Впрочем, поддельные фигурки, что передала Даша, были в каком-то смысле его спасением от окончательного позора. В этом Артур прекрасно отдавал себе отчет. Скажи он Милну, что в Москве у Чадовых нашлись одни лишь фальшивки, и уже его провал будет выглядеть не так бледно. Но нет! Это слабость... Это стыдная, отвратительная слабость, на которую он никогда не пойдет... Он целиком провалил задание и готов понести любую кару.

— Слышь, Ходуля... А может все же плюнешь на полковничьи погоны и со мной? Подлечим Гусеницей нашу болезненную старушку и тум-тум за золотым руном! А?

Красавчик часто заводил этот разговор. Говорил, посмеиваясь, вроде бы в шутку, но Артур видел, что янки всерьез за него тревожится, что возможно ему единственному действительно не нужен его — Артуров дар следопыта. Хотя бы потому, что сам Красавчик обладает способностью едва ли не более сильной. Майор ценил заботу добродушного чикагского гангстера, однако все его вопросы и намеки тщательно игнорировал. Марго же сейчас было не до этого — все свои силы она направила на то, чтобы дожить до дня, когда в руках у нее окажется Гусеница.

Впрочем, одним ясным, по-настоящему хорошим утром, когда ей чуть полегчало и она сумела кое-как встать, Маргарита вышла в сени натопленной беленькой хаты и, увидев сидящего у окна Артура, заговорила с ним.

— На что ты надеешься? — голос у нее словно истерся и звучал глухо. — Думаешь, твои тебя простят? Помилуют? Дадут уйти в отставку и купить домик в Брайтоне? Mon cher, очнись! Да даже если ты сейчас согласишься на все их

требования, даже если пойдешь по следу туда, куда тебе укажут, даже если притащишь им в зубах сотню предметов, во что верится с трудом... ты все-таки слабак и тряпка, Артур... прости, но мне сейчас недосуг беречь твое нежное эго... все равно тебе конец. Тебя, в общем-то, уже нет, Артур Уинсли! Даже у меня, и то больше шансов на будущее!

Артур продолжал смотреть в окно, не поворачивая головы.

— Ты ведь сам отпустил девчонку, да? Ты ведь знал, что она собирается уйти? Ты снова, как тогда со мной, наступил на те же грабли?

— Это не ваше дело, Марго!

— Чистеньким... Всегда хочешь быть чистеньким! Непорочненьким! Благородненьким! Чтобы и волки сыты, и овцы целы, — она задохнулась кашлем, но продолжала. — Кааахх. Кххах. Тебе следовало бы родиться тринадцать веков назад... Каахха... Размахивать мечом и глупым Кодексом Хранителей! И не лезть... кхахах... не лезть... Честь... Совесть кххх. Боже! Как ты смешон! Каххаах!

— Я и не хотел лезть. И не смейте, Марго! Не смейте проносить слово «честь»! Его придумали не для вас!

— Хочешь вроде как сказать, что я вроде как тоже не особо джентльмен, Ходуля, — обиженно загремел Красавчик, появившись в дверях. — Это ты зря! Это ты меня сейчас сильно обидел...

С грохотом опрокинулся табурет. Артур вышел вон.

Монастырь встретил их предзакатной тревожной тишиной. Прежде шумный, переполненный восторженными паломниками, суетливый и благополучный Топловский монастырь

теперь был похож на заброшенный дебаркадер. Ворота монастыря были закрыты, оттуда не доносилось ни звука. Ямщик перекрестился на собор, перекрестился еще раз, углядев над хмурым забором купол часовни, потом подождал, пока чудные его пассажиры слезут и помогут сойти с возка хворой, щелкнул кнутом и поехал прочь.

На стук из калитки вышла тоненькая курносая белица, выслушала Марго и молча проводила путников к маленькому, обособленно стоящему гостевому дому на два этажа. Кивнула мужчинам на один вход, помогла Маргарите добраться до другого.

— А матушка Фэврония здесь? К нэй мы. С важным делом, — Маргарита замерла, ожидая ответа.

— В Симферополь уехала матушка. К среде обещалась быть. Придется вам, господа погодить день-другой.

Марго еле сдержала стон отчаяния. Однако поднялась за белицей по скрипучей лестнице наверх и послушно заняла комнату, обставленную так скудно, что правильнее было бы назвать ее кельей.

— Вода в колодце, на улице. Холодная, но хорошая. Хорошая вода. Скажите, вам погреют. Помоемся. Чаю попьем. И три источника есть святых, только для этого вам надо в сам монастырь. А мужчинам вашим туда нельзя. Ну, разве что игуменья распорядится. Так хотите?

— Нет. Я лучше в гостиницэ побуду.

Маргарите отчего-то было неуютно здесь, в этом чистом, тихом, но мрачном месте. Казалось бы, должна она была почувствовать облегчение или, может, благодать. Однако ей, наоборот, хотелось поскорее убраться из монастыря как можно дальше. Хотелось ей вернуться в шумный искрящийся рекламой Париж, хотелось снова стать молодой

и желанной. Такой, какой была она тогда, когда весь мир знал ее как Мату Хари — великую Мату Хари.

— Вы ведь не православная будете? Нет? — белица положила на железную узкую кровать чистые штопаные полотенца.

— Нэт. В Бога я совсем не вэрю! Бога нэт!

— Это ничего. Это бывает. — Рассмеялась белица. Курносый ее нос весело наморщился. — А по утрам сюда деревенские носят яйца, молоко. Дорого, правда, но вы попробуйте сторговаться. Вам кушать надо. А пока на кухне можно хлеба найти. И чаю. Даже сахар есть из старых запасов. Попросите — там девушки нальют. А хотите если, у нас тут и больничка своя имеется — правда, там сейчас тифозные, да раненые. А, вообще, баню вам надо. Баню... Баня из вас всю хворь вымоет, сестрица. Баню и спать.

Белица ласково погладила Марго по руке и ушла — тихая, тоненькая... похожая на чистый лесной ручеек. Марго легла как была, в мужской грязной одежде, на кровать лицом вниз. Глухая какая-то больничная тишина закладывала уши, и только в углу под полом время от времени шуршали крысы. До среды оставалось целых три дня.

За три дня ничего ни в состоянии Маргариты, ни в отношениях между всеми ними не изменилось. Красавчик, скучающий от безделья, каждый день обследовал округу. Добрался и до стоящей чуть выше по холму деревеньки, обошел несколько раз вокруг монастыря, заглянул в совсем еще новый каменный собор и тут же вылетел вон, напугавшись сперва черных, скрючившихся на полу женских фигур, а потом похожей на ворону монашки, что крикнула ему

что-то по-русски и страшно замахала руками. Потом Генри прошвырнулся по солидному, прежде обжитому, а теперь полузаброшенному монастырскому хозяйству. Склады, пустые конюшни, кузня... В открытой настежь кузне Красавчик любовался наковальней, отыскал в куче хлама молот, попробовал на вес. Ощупал горн, подивившись мудреному устройству. Потом присел на деревянную скамью напротив монастырских ворот, с любопытством глаза на монашек, что бегали туда-сюда по своим делам. Одна пухленькая чернушечка показалась ему вроде как не чужой, но она так быстро шмыгнула обратно в калитку, что он не успел толком ее рассмотреть.

— Слышь, Креветка, надо завязывать с этими монастырями, монашками... Вон уже чудится всякое. Мне бы сейчас к Бет, к моим девчонкам! Тебе оно не понять, а я скучаю. Двигать нам с тобой отсюда пора. Ты как думаешь, если наша Маргошка того... скопытится, мы без нее найдем, куда себя приткнуть? Я так думаю — да.

— Плохой больной ханым Маргарит нам много нужный. Очень много нужный. Голова Маргарит есть, — Креветка постучал себя пальцем по лбу.

— У меня, выходит, нет голова, — погрозил пальцем Красавчик. — Вот мне знаешь, что? Вот досадно мне до чертиков, что Ходуля наш кочевряжится! С ним вместе мы бы направили таких дел!

— Ждать немножко Красавчик бей эфенди, — залился смехом Креветка. — Английский Ходуля много медленно долго думать — потом «да» кивать. Вместе охота ходить.

— Ты бы уже по-человечески научился говорить. «Да кивать», «вместе ходить»... — пожурил Красавчик друга, но тем, что ему только что сказал Креветка, остался доволен.

Креветке Генри Баркер верил. Во-первых, потому что он еще ни разу за это время не ошибся. А, во-вторых, потому что карлики, как известно, могут видеть будущее. По крайней мере, так считала Ма. А в таких вещах Генри ей привык доверять.

— Ждать немножко...

— Знаешь, что еще думаю? — Красавчик так бессовестно скучал, так не хотел возвращаться в холодную монастырскую гостиницу, где в квадратной продуваемой сквозняками комнате, кроме него, Ходули и Креветки на постое находилось еще четверо, что готов был сидеть тут до бесконечности и трепаться с лилипутом. По крайней мере, Креветка его понимал и не отделялся короткими предложениями, как Ходуля. — Думаю отдать ему Моржа... Мне он сейчас ни к чему, а Ходуле вроде как трофей. Вроде как не с пустыми руками.

— Не надо... Ждать немножко. Чуть-чуть.

— Или думаю, — Красавчик размышлял вслух, — пусть Марго возьмет у монашки эту свою Гусеницу, сделает с ней, что надо, и пусть тоже Ходуле отдаст. И Бабочку свою... И хрен с ними — ну заберут их себе чертовы англичане, так не кончится же на этом свет! И предметы не кончатся.

Креветка тихо посмеивался.

— Чего ржешь... Ну чего ты все ржешь и скалишься, как нигер? — Красавчик потянулся и крякнул: — Ну, треплюсь я от тоски. Но ведь смотреть на него сил моих никаких нет. Весь измучился. Девчонка эта его еще сильно подкосила. Эх, Креветка, все беды из-за них, из-за девчонок. Ты смотри мне, не вздумай влюбиться — не хватало мне еще тебя потерять. Тоска! Какая ж к шарам собачьим тоска, у Капусты и то веселее было. Там хоть кошки орали. Слушай, брат... А нарой

мне, что ли, где-нибудь чистой бумаги — помалюю маленько цацки, чтоб время зря не терять.

Чистый блокнот и карандаш оказались на коленях у Красавчика ровно через секунду после того, как он закончил фразу. Хмыкнув, Генри проверил пальцем грифель, поморщился и провел первую линию. Линия была похожа не то на волну, не то на червя...

— Гусеница... — подсказал Креветка.

— Да зачем?

— Гусеница, — Креветка умел быть настойчивым.

— Уговорил! Поглядим, что там за такая Хранительница Феврония, аболиционисты ее бабушку дери!

Келарша Феврония вернулась в Топловское в среду, как и было обещано. Об этом Маргарите сообщила все та же курносенькая белица. Забежала в обед и с порога крикнула, не заходя внутрь:

— Матушка Феврония-то надясь приехала. Что ей сказать-то, сестрица? Кому она понадобилась?

— Скажитэ... Скажитэ, что здесь кто-то, кому очень нужна Гусэница.

— Чего? — вылупилась белица, решив, видимо, что странная барынька бредит.

— Скажитэ, что здесь ищэйка... Тот человек, англичанин... которого она отправляла в Москву. Черт вас побэри, просто скажитэ, что ее давно уже ждут! Бэгите же! Что вы тэлитесь, как овца!

От крика Марго белица вздрогнула и припустила прочь, видимо, полностью уверенная, что кто-то здесь сошел с ума. И этот кто-то точно не она. Марго, кряхтя, поднялась, села

на кровати, сложив на коленях дрожащие руки. Нужно было срочно послать кого-нибудь за Артуром, но у Марго внезапно закончились все силы и даже крикнуть, чтобы ее услышали в коридоре, не получалось.

— Где он? Где ищейка? Кто вы? Он нашел московские предметы? Забрал? Почему он здесь? Почему еще не в Стамбуле? — стремительная, огромная старуха в коричневом обыкновенном пальто появилась в дверях. — Он давно уже должен был передать предметы своим! Где он?

Это было неожиданно, странно — Марго ждала увидеть монахиню, одетую по правилам в рясу, камилавку и наметку, но перед ней стояла обыкновенная крупнолицая крестьянка, и даже платок был подвязан небрежно, так что из-под него выбивались на лоб седые жесткие волосы.

— Здэсь он... Он здэсь, остановился в лэвом мужском крылэ. Вы хотитэ — пошлитэ сэйчас за ним, он все вам пояснит... Я бы сама сходила, но вот... видите сами. Я нэ здорова.

— Вижу, — келарша, не мигая, уставилась Маргарите прямо в глаза. В сине-зеленые, давным-давно уже окончательно изменившие свой цвет глаза. Спроси кто-нибудь Марго, какие у нее глаза на самом деле, она бы затруднилась вспомнить. — Ты сейчас «под предметом»? Под каким? Давно ли он у тебя?

— Нет. Бабочка. Двэнадцатэ лет. Мое имя...

— А. Вон ты кто будэш. Знаю я, как твое имя. И как ты Бабочку получила, тоже знаю, — отмахнулась Феврония. — Получила и получила. А что же от меня тебе понадобилось? Какой от меня тебе теперь прок? Собоковать тебя, вроде, еще рано, да и не по должности мне.

— Гусэница, прошу вас, матушка... — внезапно рухнув на колени, Маргарита поползла вперед. Добралась до ног

монашки, обхватила их обеими руками, и подняла кверху лицо. — Умоляю. Дайте мне ее. Не навсегда, на один раз. Клянусь, я вэрну ее вам сразу же. Дайте мне ее. Дайте мне жизнь! Я знаю, на что способен этот прэдмет. Умоляю! Матушка!

— Гусеница? Да погоди ты цапаться мне за пятки, точно юродивая. Откуда ж она у меня? Сроду не водилось... С чего ты это взяла-то, милая? Кто тебе такое только сказал? — недоумение и даже испуг в голосе келарши были таким искренним, что Маргарита застыла, не решаясь ни пошевелить рукой, ни молвить больше ни слова.

Дощатый, струганый пол был так близко, что она различала каждую трещину, и дорожки короеда на сосновых досках, и ржавую шляпку гвоздя.

— А гдэ же тогда она? — выдохнула Маргарита, лишь бы не молчать. Молчание было совсем невыносимым.

— Гусеница чертова не здесь! Нет ее тут ни хрена! Гляди! — Красавчик бесцеремонно ввалился внутрь, размахивая обрывком бумаги. — Ходуля снова облажался! И тебе, подружка, похоже, в самом деле кранты! Опа... Простите, мэм.

Из прокусанной насквозь губы текла тонкой струйкой кровь. Маргарита вытерла рот и еще раз поднесла к глазам небольшой рисунок, что только что отдал ей Красавчик. Металлическая Гусеница пряталась под воротником очень худого, измученного человека с цепким внимательным взглядом темных глаз. Мужчина сидел возле распахнутого настежь окна, за которым отчетливо виднелся силуэт часовой башни красного кирпича.

— Кто это? Вы... Вы нэ знаете, кто этот человек? Он вам знаком? Где это?

Хранительница Феврония осторожно взяла из пальцев Маргариты набросок, достала из кармана очки, медленно водрузила их на нос. Пожевала губами. Покачала головой.

— Знаю, милая. Отчего ж не знать. Его... ирода все знают. Это Феликс. Железный Феликс. Господин, стало быть, Дзержинский. Это, стало быть, Москва.

Маргарита сидела на полу, задрав голову к потолку, и выла по-звериному. Смотреть на нее было страшно, жалко, и Красавчик, не выдержав, отвернулся к стене.

Вбежал в комнату Креветка, сразу же за ним вошел бледный, осунувшийся Артур.

— Я ошибся, Маргарита... Простите! Я страшно ошибся!

Она кинулась к нему с проклятиями, но на пути очень вовремя оказался Красавчик. Маргарита ударилась в его грудь и осела обратно на пол. Попробовала засмеяться, но вместо смеха получился клекот. Попробовала заплакать, но слез не было.

— Как же ты так, Ходуля? Как же ты так...

— Я же видел, Генри... Видел Хранительницу, — Артур поприветствовал Февронию быстрым почтительным кивком, но не дождался ответного приветствия, тут же повернулся к Красавчику и сквозь зубы продолжил: — Она была тогда у Менялы. За полчаса до меня точно была. В восьмом. Меняла тогда обмолвился, что Гусеницу только что забрали русские. Что я мог подумать? Только то, что она ушла Хранительнице в Топловское.

— А больше там никого не было? Ну, может ты кого не заметил? Думай, Ходуля!

— Там был... Был Бессонов! С Райли! Там тогда был Бессонов! Я заметил его на рынке, но, разумеется, внимания не обратил. Откуда мне было знать! А выходит... О черт! Так вот что за предмет он дал Феликсу. Гусеницу!

— Мда... И что теперь, друг Ходуля? Заказывать Маргоше оркестр? У нас, Ходуля, между прочим, были с ней кой-какие планы, если ты помнишь. Она, конечно, не та женщина, на которой стоит жениться, но все же... — Красавчик прошел прямо к кровати, сел на нее и тяжело замолчал, оглядывая присутствующих. — Нет! Ну вы сами подумайте. Обратно в Москву, туда-сюда, пока там этих комиссаров как следует прошмонаешь — полгода пройдет... Выходит, оркестр... Эээх.

— Оркестр... — грустно выдохнул Креветка. Присел на корточки возле Маргариты и осторожно вытер ей рот рукавом пиджачка.

— Есть выход, — говорил Артур не то, чтобы уверенно, но все-таки все замолчали. И даже старая келарша наконец-то посмотрела в его сторону не без насмешливого интереса.

— Валяй! То есть тебе уже никто особо не верит, Ходуля... уж больно у тебя все через... ну, через разное. Но валяй. Мы тут все слушаем.

— Хроноспазм, Генри! Галлипольский хроноспазм. Я точно знаю, где он находится. В пятнадцатом там был мой полк. Отсюда до Галлиполи четыре дня пути, если повезет. И если у нас выйдет быстро отправить Маргариту в хроноспазм, то у нас появится время на поиски и добычу Гусеницы. Сколько угодно времени...

— Тааак... — Красавчик хитро прищурился. — Есть два вопроса. Что за дрянь этот хроноспазм? И у кого это у «нас»?

— У нас с вами, Генри! Начиная с этой минуты, я в деле! С вами!

Все-таки Ма Баркер права — карлики умеют предсказывать будущее. И вообще, иногда имеет смысл просто подождать, чтобы все встало на свои места, пошло своим чередом и чтобы...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ЛАРИСА БОРТНИКОВА

Родилась 10 октября 1970 года в городе Куйбышеве (сейчас Самара) в семье военного. Путешествовали много, часто; меняли гарнизоны, города, школы, знакомых. Отлично умеет паковать вещи, устраиваться на новом месте и заводить новых друзей. В 1991 году закончила Самарский государственный университет. В 1993 году случайно влюбилась, отчего не закончила Московскую юридическую академию. По образованию филолог, переводчик, недоюрист. Продолжила семейную традицию вечных путешествий: Москва, Рига, Берлин, Стамбул, Москва. Работала переводчиком, учителем,

журналистом, опять переводчиком, торговала недвижимостью и промышленным оборудованием. Пробовала на вкус бизнес чужой и собственный. Теперь топ-менеджер в небольшой московской компании. Замужем. Есть сын — совсем уже взрослый, 14 лет. Писательство рассматривает (по крайней мере, до сего времени рассматривала) как основное хобби. Среди прочих увлечений — фламенко, блогосфера иковка.

Вот так, то с пером, то с молотом, то с кастаньетами в руках, автор проводит свое свободное время.

Писать начала в 2001 году, для себя и исключительно в свободное время. С 2005 года решила взяться за фантастику. Воодушевленная друзьями, стала играть в сетевых конкурсах. Получилось неплохо. Собственно, благодаря конкурсам и начала потихонечку публиковаться в сборниках фантастических рассказов, а также в журналах «Реальность фантастики», «Шалтай-Болтай», «Полдень» и других. С рассказом «Гарнизон «Алые паруса» в 2008 году Лариса стала лауреатом премии имени Юрия Казакова (за лучший рассказ года). Также стоит отметить и журнал «Космополитен», в котором автор успешно публиковала свои литературные произведения в течение двух с половиной лет.

ВОПРОСЫ АВТОРУ ОБ «ОХОТНИКАХ 2»

Лариса, говорят, эта книга далась вам тяжелее, чем предыдущая... Если так, то чем это обусловлено?

Написание вторых «Охотников» я могу сравнить разве что с созданием Франкенштейна. Не в том, смысле, что книга получилась «не слишком» живая, а в том, что каждый отдельный эпизод, каждый диалог писался с колоссальным трудом, и почти без драйва. Впервые в жизни я осознала, что авторский труд — очень тяжелый. Это не «сел и погнал». Это ежеминутная... ежесекундная работа.

Наверняка многие читатели спросят: «А где Остап Бендер?» Куда вы его «задевали»?

Он в суфийском монастыре в Конии. Прячется от кемалистов. Но в третьей книге, надеюсь, он непременно появится и... впрочем, я не хочу спойлерить заранее.

А насколько реальна история с замороженной турецкой армией?

Абсолютно. История сарыкамышской битвы трагична. Из-за отвратительного обеспечения, турецкие войска оказались практически в безнадежной ситуации. Немецкая

полевая форма не была предназначена для погодных условий Сарыкамыша. А тут еще грянули морозы — вечный и славный союзник русской армии. И большая часть турецких солдат просто не дошла до русских укреплений, замерзнув по пути. Говорят даже, что на утро русские солдаты хоронили турок, выковыривая в промерзшей земле могилы саперными лопатками. Впрочем, почитайте сами про Сарыкамыш — не пожалеете.

Мату Хари все-таки спасут и действительно отправят в линзу?

Не совсем в линзу. В хроноспазм. Хотя, в каком-то смысле это похожие технологии. И все же... Ждите ответа... ждите ответа... ждите ответа.

В следующей книге читатели «получат» завершение истории? Или герои перекочуют в новую серию?

Я очень бы хотела в третьей книге завершить историю охотников за предметами: Артура Уинсли и Красавчика. Хотя мне ужасно жаль с ними расставаться — мы как-то сроднились за этот год. Но, давайте, не будем забегать вперед и посмотрим, как они себя поведут, куда направятся, как сложатся их отношения и их судьбы. А там уже и решим...

Скажите, какой из ваших героев ближе всего к вам по характеру и мировоззрению?

Ближе всего... На самом деле, каждый из них — это часть меня. Часто я бываю нерешительна и рефлексивна, как

майор Уинсли. Часто глумлива и сентиментальна, как Генри Баркер. Есть во мне изрядная доля безумия анархиста Евгения Бессонова. Да Даша Чадова с ее бескомпромиссностью, резкостью суждений и бесстрашием — тоже я. И даже Маргарита Зелле, известная как Мата Харри, тоже частично списана с меня же самой. Так что, когда я думаю, что кого-то из героев хорошо бы для придания остроты сюжету убить, я выбираю между собой... и собой.

Скажите, а хроноспазм в Туркестане и хроноспазм в Галлиполи пересекаются? Можно ли попасть из одного в другой?

Нет. Это две параллельные временные аномалии, работающие по одинаковому принципу.

Кто такой Креветка? Ведь он, хоть и выглядит как забавный клоун, очевидно человек не простой. Он — прежний владелец Медведя, знает, как пользоваться линзой. К тому же, отношение к нему вокзальной цыганки демонстрирует читателю, что все совсем не просто.

Могу пока лишь сказать, что Креветку зовут Гожо, родом он из Бессарабии, из города Бендеры, и что на диалекте бессарабских цыган Гожо означает... Красавчик.

Если бы вам предложили написать в проект еще одну трилогию, вы бы выбрали то же время — начало 20 века?

Пока что хотелось бы разобраться с третьей частью «Охотников», а потом, если представится такая возможность,

написать что-нибудь более современное. Может быть, даже прогуляться по будущему, имея в запасе пару-тройку хороших предметов.

Почему так мало в книге говорится о Султанской паре? Почему пара Божья Коровка и Жужелица так ни разу и не сработала?

Она сработает.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая

О временах и нравах3

Глава вторая

О теориях мсье Жане, господина Фрейда
и мистера Дарвина15

Глава третья

О трудностях коммуникации33

Глава четвертая

О различных способах проникновения
в чужую культурную среду50

Глава пятая

О переменах в мировоззрениях и изменениях в планах67

Глава шестая

О перемещениях в пространстве75

Глава седьмая

О долгожданных и неожиданных встречах102

Глава восьмая

Которая раскроет читателю не только
глаза на некоторые обстоятельства.139

Глава девятая

О том, что у каждого человека
своя правда. И кривда тоже своя162

Глава десятая

О предательстве и о подлинной дружбе.....187

Глава одиннадцатая

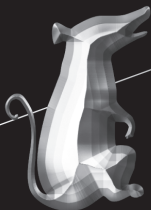
О поездах и людях.....196

Глава двенадцатая

О решениях, которые каждый должен принимать сам216

Глава тринадцатая

О судьбе и смерти229

Тени

Имя

Фамилия

Время действия

Возраст

Адрес

Локация

Предмет

Дар

Сайт

Ян

Ван

1999 год н.э.

23 года

Франкфурт-на-Майне, Остендштрассе, дом 28

Музей волшебных фигур Гюнтера Фальца

Опоссум

Отвлечение

www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Цунами

Имя	Егор и Юся
Фамилия	Кругловы
Время действия	1999 год н.э.
Возраст	15 лет
Адрес	Понпеи, Урал, Российская Федерация
Локация	Урал, Микронезия, Израиль
Предмет	Петух
Дар	Интуиция
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул.Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т.(495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Лариса Бортникова

ОХОТНИКИ 2

Книга вторая

Авантюристы

Автор идеи Константин Рыков
Главный редактор Кирилл Бенедиктов
Редактор Полина Волошина
Корректор Антон Нелихов
Выпускающий редактор Дмитрий Гусев
Арт-концепт Алексей Маслов
Арт-директор Алексей Гонтов
Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин
Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,
Сергей Пименов
Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»
Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,
тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)
www.etnogenez.ru

Подписано в печать 22.02.12 г. Формат 164х215
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 13 pt
Условных печатных листов — 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:
123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»
или на сайте www.shop.avanta.ru
Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквью:
тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ
www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10
zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14
тел: (8422) 41-11-07
факс: (8422) 41-11-32